МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СССР

ТОМ XXIV ВЫПУСК 4

Ульяновск
1972

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СССР

ТОМ XXIV ВЫПУСК 4

Ульяновск
1972

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доцент **Д. В. Гаврилов** (ответственный редактор),
профессор **Р. А. Таубин**, доцент **М. А. Богданов**.

Н. Г. ЛЕВИНТОВ

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА 1905—1907 гг.

За последние годы появился целый ряд работ, посвященных ленинским положениям о революционной ситуации, что свидетельствует о несомненно возросшем интересе к этой проблеме[1]. Об этом же говорит и дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1966—1968 гг.[2] Но вместе с тем

---

[1] В дополнение к литературе, приведенной в нашей работе «Разработка В. И. Лениным проблемы революции в узком и широком смысле в 1907—1911 гг.» (см УЗ УГПИ им. И. Н. Ульянова, т. XXIII, вып. 1. Ульяновск, 1967, стр. 4—5) следует указать:

Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность. М., 1967, глава IV, стр. 201—246; Л. Г. Олех. Марксистско-ленинское учение о революционной ситуации и современность. УЗ Томского гос. университета, вып. 65, Томск, 1966, стр. 32—43; Г. С. Хохлюк. Ленинское учение о революционной ситуации и современность. М, 1967, 87 стр.

[2] См. А. Я. Аврех. О некоторых вопросах революционной ситуации (1966, № 5); Н. А. Иванова. К вопросу о революционной ситуации. (1966, № 12); Н. Г. Левинтов. О непосредственной и общей революционной ситуации (1967, № 1); А. В. Федоров. Некоторые замечания к вопросу о революционной ситуации. (1967, № 2); А. Д. Перевозов. К вопросу о ленинском понимании революционной ситуации» (1967, № 5); М. Т. Андрющенко. К проблеме революционной ситуации (1967, № 5); Б. Л. Кондратьев. К вопросу о непосредственно-революционной ситуации и категории общенационального кризиса (1967, № 6); Е. Д. Черменский. К вопросу о ленинской концепции революционной ситуации (1967, № 7); Г. А. Титова и П. М. Егидес. Диалектика объективного и субъективного в революционной ситуации (1968, № 3); В. В. Варлашкин. К вопросу о революционной ситуации. (1968, № 4); «Некоторые итоги выступлений по проблеме революционной ситуации» (1968, № 7).

обнаружилось и наличие довольно значительных расхождений в определении понятий революционной ситуации, революционного кризиса, общенационального кризиса, в трактовке характера отношений этих понятий. В частности, широко распространено отождествление революционной ситуации с революционным кризисом[3]. Кроме того, до сих пор встречаются иногда попытки отнести постановку и разработку Лениным проблем революционной ситуации только к периоду 1913—1915 гг.[4]

Правильное разрешение этих и многих других спорных вопросов данной темы во многом зависит от всестороннего изучения ленинских взглядов, взятых в системе, в развитии, в связи с конкретной исторической обстановкой их появления.

В некоторых работах советских исследователей уже отмечалось, что проблемой революционной ситуации Ленин занимался и в ходе революции 1905—1907 гг. и в последующие периоды[5].

Разработка В. И. Лениным в 1905—1907 гг. проблемы революционной ситуации и революционного кризиса и является предметом настоящей статьи.

Первая русская революция выдвинула перед марксистами в полном объеме вопрос о содержании, формах, закономерностях возникновения прямой, непосредственно-революционной борьбы широких масс. Как совершается переход народных масс к непосредственно-революционной борьбе, т. е. к революции в узком смысле, какова роль объективных и субъективных факторов в этом процессе — эти вопросы властно ставил ход революции 1905—1907 гг., а ответы на них и подвели Ленина к углубленной разработке понятий революционной ситуации и революционного кризиса.

---

[3] См., например, А. Я. Аврех. Указ. статья, стр. 32. Этой же ошибочной, как мы полагаем, точки зрения ранее придерживался и автор данной статьи. См. Н. Г. Левинтов. В. И. Ленин об определении революционной ситуации. УЗ УГПИ, т. XVII, вып. III. Ульяновск, 1962, стр. 35—46.

[4] См. А. Я. Аврех. Указ. статья, стр. 32.

[5] См. Ю. А. Красин. Указ. работа, стр. 205—207. Г. Л. Фурманов. Развитие В. И. Лениным исторического материализма. М., 1962, стр. 88 и Н. Г. Левинтов. Разработка В. И. Лениным проблемы революции в узком и широком смысле в 1907—1911 гг.

В ленинских работах 1905—1907 годов содержится постановка целого ряда сторон проблемы революционной ситуации: ее определение, связь с революцией и революционным кризисом, признаки, особенности развития.

Определение революционной ситуации имеет большое и самостоятельное теоретическое значение. В литературе нередко ограничиваются описанием признаков революционной ситуации, данных в известной ленинской работе 1915 года «Крах II Интернационала»[6], но историческая практика показала, что признаки не являются неизменными, они способны к модификации, некоторые из них в определенных условиях могут потерять былое значение, не исключена возможность появления новых[7]. Отсюда важность точного определения сущности революционной ситуации, проявляющейся в различных признаках.

Первоначально (в феврале 1905 г.) Лениным дается самое общее определение революционной ситуации (пока без введения самого термина) как подходящей «политической конъюнктуры» для «серьезной, народной, революционной борьбы»[8]. В нем уже сформулирована идея необходимости определенных политических усло-

---

[6] См. Н. Г. Левинтов. В. И. Ленин об определении революционной ситуации. Ульяновский пединститут им. И. Н. Ульянова, «Ученые записки», т. XVII, вып. III, Ульяновск, 1962, стр. 35—46.

[7] В частности это относится к такому признаку, как обострение нужды выше обычного, по поводу которого многие марксистские теоретики высказались довольно определенно. Так, член исполкома КП Испании Сантьяго Альварес писал, что в современных условиях делается «менее вероятным, чем прежде, то всеобщее резкое увеличение сверх обычного нужды и бедствий масс, которое считалось непременным признаком революционной ситуации» (Сантьяго Альварес. «Некоторые вопросы революционной ситуации». «Проблемы мира и социализма», 1963, № 12, стр. 16). Аналогичная точка зрения высказывалась и в ходе дискуссии на тему «Кризис и трудящиеся», см. «Проблемы мира и социализма», 1962, № 3, стр. 59—81. Но следует подчеркнуть, что нельзя данный признак сводить лишь к обострению нужды, к обнищанию в прямом смысле слова. Как правильно сказано у Ю. Красина «обязательным симптомом и одной из главных причин назревания революционной ситуации является ухудшение экономического положения рабочего класса и трудящихся масс в более широком, социальном смысле, в смысле возрастания необеспеченности существования». (Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность .., стр. 213).

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 269.

вий для перехода к непосредственно-революционной борьбе, но отсутствует указание на их объективный характер. В этой связи Ленин определяет и важнейшие признаки политической конъюнктуры, необходимой для возникновения революции. В статье «Земская кампания и план «Искры» Ленин четко выделяет два главных условия: «политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха» и запутавшееся правительство[9]. «Пролетариат должен.., — писал в январе 1905 г. Ленин в статье «Самодержавие и пролетариат», — поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения»[10].

Бурный поток революционных событий 1905—1907 годов вызвал неотложную необходимость дальнейшей разработки проблем революционной ситуации.

Последовательность поднимаемых Лениным в этой связи аспектов проблемы определялась не только логикой анализа, но и категорическими запросами революционной практики.

В изучаемый нами период основные методологические проблемы социальной революции Ленин разрабатывал после декабрьского поражения, под углом зрения научного обоснования возможности наступления нового подъема революции.

Обычное развитие революции путем чередования подъемов и спадов, неизбежно ставит каждый раз при наступлении спада перед руководителями революционных сил сложнейший вопрос, какое поражение потерпела данная революция, временное или окончательное, окончилась ли революция в узком смысле или есть условия для ее дальнейшего подъема?

Этот коренной вопрос о характере декабрьского поражения вплотную подвел В. И. Ленина весной 1906 г. к проблеме революционной ситуации. Есть или нет условия для непосредственно революционной борьбы — на этот вопрос, говорит Ленин, надо ответить анализом

---

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 95—96.
[10] Там же, стр. 134.

«объективных условий, учет которых в последнем счете решает окончательно эти вопросы»[11].

В целом ряде работ периода 1906—1907 гг. таких, как проекты резолюций «Современный момент демократической революции» и «О современном моменте демократической революции» к IV и V съездам РСДРП, «Русская революция и задачи пролетариата», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Платформа революционной социал-демократии» и других Ленин подверг всестороннему анализу объективные условия, сложившиеся тогда в России. Отвечая на жгучие вопросы революционной практики, Ленин одновременно развивал далее теорию революции, в частности, проблемы закономерности ее возникновения и дальнейшего развития. Прежде всего Ленин тщательно рассматривает экономическое состояние страны. Он констатирует, что «экономический и финансовый кризис, переживаемый Россией, не только не ослабевает, а, напротив, расширяется и обостряется, порождая страшную безработицу в городах и голод в деревнях»[12], что «ряд фактов свидетельствует о крайнем обострении экономической нужды пролетариата»[13], что «есть основания ожидать повсеместного массового экономического выступления, вовлекающего гораздо более широкие слои пролетариата, чем раньше»[14], и, наконец, что на почве экономического кризиса обостряется классовая борьба в городе и деревне[15].

Далее, анализу подвергается политическое положение и устанавливается «основной факт политической истории России за год (за 1906.—**Н. Л.**): —«поправение» высших и «полевение» низших классов»[16], обострение противоречий «между самодержавием, сближающимся с организацией, черносотенных помещиков, и массой, не только пролетариата, но и деревенской бедноты... и городской бедноты...»[17].

Детализируя это положение, Ленин указывает, что вся политика царизма, введшего режим военных репрессий и грубой подделки народного представительст-

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 209.
[12] Там же, стр. 224.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 8.
[14] Там же, стр. 9.
[15] Там же, стр. 3.
[16] Там же, стр. 82.
[17] Там же, т. 14, стр. 407.

ва, «вызывает брожение и недовольство среди широких слоев буржуазии, озлобление и возмущение в массах пролетариата и крестьянства...»[18].

Общие выводы Ленина из анализа объективных тенденций экономического и политического развития России в этот период чрезвычайно важны: а) «объективная почва для непосредственных массовых движений есть налицо»[19]; б) «теперешний период относительного затишья следует рассматривать не как поражение сил революции, а как период накопления революционной энергии», «демократическая революция в России... идет к новому подъему»[20].

Нам представляется, что формулировка: «объективная почва для непосредственных массовых движений», данная Лениным в начале 1907 года, является не только одним из самых первых, но и одним из самых глубоких определений революционной ситуации[21]. В этом определении вместе увязаны почти все главные идеи, составляющие сущность революционной ситуации. Прежде всего оно подчеркивает ее объективный характер, то есть тот кардинальный факт, что переход широких народных масс от «обычного» состояния к революционной активности начинается в силу действия объективных факторов, не зависящих от воли и желания партии и классов. Поэтому, вводя понятие революционной ситуации, Ленин первоначально включает момент объективности в самую терминологию, когда он в 1907 году пишет об **объективно-революционной ситуации**[22].

Вторая мысль, заключающаяся в приведенном выше определении, состоит в выделении решающей роли широких народных масс. Именно создание объективных условий для непосредственной революционной борьбы **масс** и составляет сущность революционной ситуации.

Наконец, это определение выделяет объективные условия, как первоначальные, абсолютно необходимые, но не исчерпывающие всю проблему перехода масс к не-

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 224—225.
[19] Там же, т. 14, стр. 407.
[20] Там же, т. 12, стр. 225.
[21] Другая формулировка, данная Лениным в тот же период: «Объективные условия для непосредственно революционного натиска масс». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 162.
[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 13. (Выделено нами.— **Н. Л.**).

посредственной революционной борьбе. Их обособление предполагает наличие и другой группы условий — субъективных. Лишь в процессе взаимодействия обеих групп условий возможность, созданная объективной обстановкой, переходит в реальную действительность, т. е. в непосредственную революционную борьбу широких масс.

Нам представляется, что ленинское определение революционной ситуации, как объективной почвы для непосредственно революционной массовой борьбы выдерживает с честью проверку временем, в условиях крайне изменившихся, специфических революционных процессов современности. Каковы бы ни были формы непосредственно-революционной борьбы — мирные или немирные, взрывного типа или с преобладанием элемента постепенности, они требуют решающего участия широких народных масс, что невозможно без соответствующих объективных условий.

Если вдуматься в приведенный выше ленинский анализ объективных условий, то становится ясным, что Ленин в сущности дает здесь развернутое обоснование наличия в России в 1906—1907 гг. революционной ситуации. В самом деле, Ленин исходит из таких объективных явлений, как крайнее обострение нужды, усиление брожения, озлобления и возмущения в самых широких народных массах, из кризиса политики правящих кругов, то есть того, что позднее, в 1915 году, он четко определит в виде трех известных признаков революционной ситуации.

На этом факте следует остановиться. Ведь речь идет о наличии революционной ситуации уже в ходе начавшейся революции. Разве революционная ситуация не исчезает с началом революции, переходя в новую высшую стадию развития революционного процесса? Однако ленинский анализ конкретного хода развития событий 1905—1907 годов обнаруживает гораздо более сложную диалектическую связь основных компонентов, составляющих эпоху непосредственно революционной борьбы, не исчерпывающуюся формулой — революционная ситуация приводит к революции. Чтобы не было сомнений в том, что Ленин действительно имел в виду сохранение революционной ситуации после начала революции, сошлемся на прямые его высказывания.

В 1907 году, анализируя ошибки меньшевиков в период бойкота Булыгинской Думы, т. е. летом 1905 года, Ленин обнаружил источник этой ошибки в том, что «эти горе-революционеры отстали в своих идеях от объективно-революционной ситуации»[23].

В 1915 году он прямо указывал что «в августе 1905 г. в России была налицо революционная ситуация[24]. Таким образом Ленин определенно говорит о революционной ситуации в августе 1905 года, в период, когда революция подходила к своему кульминационному пункту.

В январе 1906 года, обосновывая тактику бойкота 1-й Думы, Ленин писал, что «сила вещей, сила революционной ситуации приведет к тому, что из «выборных» собраний выборов не выйдет...» И здесь не менее определенно выражена мысль о наличии революционной ситуации в России в начале 1906 года[25].

С чем связывает Ленин этот примечательный факт? Сохранение и углубление революционной ситуации в ходе начавшейся революции Ленин связывал в основном с двумя обстоятельствами: с продолжением действия экономических и политических факторов, ее вызвавших, и с неравномерностью образования самой революционной ситуации. Явление неравномерности развития революционной ситуации Ленин анализирует весьма детально, справедливо усматривая в нем одну из существенных особенностей действия революционного механизма. Неоднородность классового состава общества, наличие различных слоев в самом пролетариате, неодинаковый уровень политического развития и экономического положения в основных пролетарских центрах страны и на окраинах, различный политический опыт, накопленный в предшествующий период, все это определяет неодновременность, неравномерность, волнообразность, развития революционной ситуации.

Эту особенность Ленин неопровержимо доказал прежде всего анализом хода забастовочной борьбы в революционное трехлетие. 1905 год дал невиданное в мире увеличение числа бастующих, но подавляющее боль-

---

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 13.
[24] Там же, т. 26, стр. 238.
[25] Там же, т. 12, стр. 169—170.

шинство (2072 тыс. из 2863 тыс.) падало на шесть губерний с сильно развитой промышленностью (Петербургская, Московская, Лифляндская, Владимирская, Варшавская и Петроковская)[26]. При общем спаде стачечного движения после декабрьского поражения в ряде губерний, однако, наблюдалось в 1906 г. увеличение числа стачечников. Это, по характеристике Ленина, «наименее промышленные, наиболее захолустные, так сказать, губернии» (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Симбирская, Курская и др.). «...До них, — пишет Ленин, — волна не успела докатиться в 1905 году, они начали втягиваться в движение лишь после годовой, невиданной в мире, борьбы более передовых рабочих». И Ленин оценивал это явление, как очень важное «для понимания исторического хода событий»[27].

Ленинский прогноз возможности наступления нового подъема был связан не только с установлением факта втягивания в борьбу арьергардных слоев пролетариата, но и с тем, что революционные требования «ширятся и крепнут в новых слоях мелкой буржуазии и крестьянства». Эти новые, более отсталые слои, разбужены и втягиваются в борьбу тремя группами причин: продолжающимся ухудшением экономического состояния страны, политикой самодержавия, мечущегося между виселицами и монархо-конституционными посулами, примером беззаветной мужественной борьбы авангарда революции.

Установление Лениным на опыте революции 1905—1907 гг. явления неравномерности развития революционной ситуации имеет существенное методологическое и практически политическое значение. История целого ряда революций, особенно на Востоке (революции в Китае 1911—1913 и 1925—1927 гг., в Иране 1905—1911 гг. и 1920—1921 гг., в Турции 1908 г. и 1919—1922 гг. и др.) обнаружила ее в еще более резко очерченной, как правило, географически определенной форме. Изучение причин, определивших эту неравномерность и влияние ее на ход и развитие революции, — одна из важных линий анализа революционного движения.

---

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 385.
[27] Там же, стр. 381—382.

Вместе с тем эта особенность, выраженная, в силу тех или иных причин, особенно ярко, ставит перед революционными партиями сложнейшую задачу определения того момента, когда можно считать, что революционная ситуация приняла в целом общенациональный характер. А между тем история революционного движения знает немало случаев, когда специфические условия какого-либо района неправомерно абсолютизировались и переносились на масштабы всей страны с соответствующими ошибочными выводами о созревании революционной ситуации. Рамки данной статьи не позволяют в какой-либо степени углубиться в эту сторону дела, но все же хочется отметить особую значимость правильного понимания явления неравномерности созревания революционной ситуации в условиях создания в определенных районах отдельных стран очагов вооруженной борьбы (Китай в 20—30-х годах XX в., ряд стран Латинской Америки в современную эпоху)[28].

Не меньшее значение имеет открытое Лениным положение о сохранении при определенных условиях революционной ситуации в ходе начавшейся революции. Прежде всего именно наличие или отсутствие революционной ситуации является основным, объективным критерием при решении вопроса о характере поражения революции — решающее оно или временное, за которым последует новый подъем.

Методологически для историков-исследователей этот критерий крайне важен для ретроспективной оценки революционных событий. В ряде случаев, после оконча-

---

[28] Коминтерн в решениях по китайскому вопросу в 1928—33 гг. неоднократно подчеркивал, что неравномерность развития революционной ситуации в Китае является важнейшей особенностью, игнорирование которой приводит к левацким уклонам. Так, в резолюции ИККИ по китайскому вопросу (июнь 1930 г.) указывалось, что «процесс нарастания нового подъема протекает в Китае в своеобразных формах. Новый подъем вызревает в отдельных районах, преимущественно там, где революция 1925—1927 гг. распахала почву... При анализе данной стадии борьбы нужно исходить из того, что пока мы не имеем общекитайской революционной ситуации». См. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сб. док., М., 1934, стр. 273. В «Письме ИККИ в ЦК КПК о лилисаневщине» (окт. 1930 г.) снова осуждалась точка зрения, «не учитывающая неравномерность назревания революционной ситуации в стране». Там же, стр. 284.

ния революции, выделяют то поражение, которое, как показал дальнейший ход событий, было решающим и делают на этом основании вывод об ошибочности и бесплодности дальнейшей борьбы. Так именно меньшевики похвалялись тем, что они сразу оценили декабрьское восстание, как решающее поражение[29]. Для многих буржуазных историков революция 1905 года так и кончается декабрем[30].

Действительная ошибка подобных оценок задним числом заключается в непонимании наличия объективных условий для продолжения непосредственно революционной борьбы, в ходе которой, и только в ней, могло выясниться истинное соотношение сил. «Когда смотришь назад, — писал В. И. Ленин в этой связи, — на борьбу уже оконченную (по крайней мере, оконченную в ее прямой и непосредственной форме), тогда нет ничего легче, разумеется, как учесть общий итог из различных, противоречащих друг другу, признаков и симптомов эпохи»[31].

Ленин требует от марксистов умения первыми предвидеть наступление эпохи революции, первыми вступить на путь прямой революционной борьбы и последними его покинуть после того, как исчерпаны все возможности[32].

Итак, одним из центральных вопросов, разработанных В. И. Лениным в 1906—1907 гг., был вопрос о революционной ситуации, об объективных условиях для нового подъема революции.

Другой кардинальной проблемой, тесно связанной с предыдущей, также тщательно исследуемой вождем пролетариата в этот период, была проблема революционного кризиса.

В 1906—1907 годах Владимир Ильич настойчиво и последовательно доказывал в этой связи три положения: что в стране назревает политический кризис, что это новый кризис, что это кризис не конституционный, а революционный.

---

[29] См., например, Ф. Дан. Социал-демократия в резолюциях Лондонского съезда ПБ, 1907, стр. 60.

[30] См., напр., I. Spector. The first Russian Revolution. its impact on Asia. N. J. 1962.

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 10.

[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 159—160.

Положение о **новом** политическом кризисе было четко сформулировано в проекте резолюции к IV съезду РСДРП «О современной демократической революции». В написанной вслед за этим одной из основных работ рассматриваемого периода «Победа кадетов и задачи рабочей партии» Ленин раскрывает его, как положение о назревающем теперь **новом революционном кризисе.**

Наконец, в проекте резолюции «О современном моменте демократической революции» V съезду РСДРП предлагалось признать что «развивающийся на наших глазах политический кризис представляет из себя не конституционный, а революционный кризис»[33].

Положение о новом революционном кризисе было одним из центральных во всем ленинском обосновании тактики большевиков в 1906—1907 гг. Всесторонне обосновывая его, Ленин развил целый ряд идей большого методологического значения, по-новому раскрывающих весь процесс и механизм вызревания революции в узком смысле этого слова.

В ходе анализа этой проблемы Ленин разрабатывает вопросы об основах, элементах и признаках революционного кризиса, его содержании, связи с революцией и с революционной ситуацией, об отличии от кризиса конституционного.

Понятие революционного кризиса существовало и ранее. Им пользовался Маркс, характеризуя, например, революцию 1848 года во Франции[34].

Введя понятие революционной ситуации, Ленин тем самым видоизменил, уточнил, конкретизировал и понятие революционного кризиса. Прежде всего Ленин четко и вполне определенно связал революционный кризис с революционной ситуацией, определив его как кризис, возникающий на основе этой последней. С полной ясностью эта связь сформулирована в таких ответственных документах, как проекты резолюций к IV и V съездам РСДРП.

Крайнее обострение экономической нужды пролетариата на почве продолжающегося экономического кризиса и вызванное этим массовое экономическое движение Ленин прямо определяет в проекте резолюции к

---

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 3—4.
[34] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 7, стр. 20.

V съезду как коренной источник и важнейшую основу всего развивающегося революционного кризиса в России[35].

Вопрос о политической основе нового революционного кризиса Ленин рассматривает в статье «Уроки московского восстания» (август 1906 года) с точки зрения обострения противоречия между реакцией и революцией. На предыдущих этапах революция и реакция развивались по-различному — реакция дошла **до конца** в сопротивлении, до применения армии, артиллерии против восставших, революция еще не исчерпала средств наступления. «Революции, — пишет Ленин, — ... есть куда идти и вширь и вглубь. И революция ушла далеко вперед с декабря. Основа революционного кризиса стала неизмеримо более широкой...»[36].

Иными словами, вовлечение в борьбу новых более широких народных масс, стоявших в стороне в 1905 году, и овладение массами новыми более высокими и совершенными формами борьбы — это расширение революции вширь и вглубь и делает основу нового революционного кризиса более широкой и требуют поэтому более совершенных форм организации или, как говорит Ленин в той же статье, «лезвие должно быть отточено теперь острее»[37].

Таким образом Ленин определяет революционный кризис, как общеполитический кризис, возникающий на основе революционной ситуации. Именно таков характер взаимосвязи этих двух явлений. И отсюда механизм возникновения революции в узком смысле слова представляется В. И. Ленину в таком виде: революционная ситуация, развивающийся на ее основе революционный кризис, переходящий непосредственно в революцию. Тот ход событий, который Ленин проследил в 1906—1907 годах, после поражения декабрьского восстания повторял, по его мысли, закономерность возникновения революции в 1905 году.

«Мы переживаем в 1906 году, поистине, **репродукцию** революции, — писал Владимир Ильич, — История

---

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 8—9.
[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 371.
[37] Там же.

1905 года как бы повторяется, начиная опять сначала...»[38].

В чем по мысли Владимира Ильича заключается суть и значение выделения этой особой стадии развития революционного процесса — революционного кризиса?

В том, что коль скоро объективные условия (революционная ситуация) подводят массы к революции, то сам этот переход осуществляется уже в результате сознательной деятельности классов и партий.

Период революционного кризиса и есть период, когда на почве, созданной революционной ситуацией, смутное недовольство масс трансформируется в осознанную решимость покончить со старым строем. Поэтому в созревании революционного кризиса огромная роль принадлежит субъективному фактору.

Связь революционного кризиса с революционной ситуацией не исчерпывается, однако, тем, что первый развивается на основе второго. Революционная ситуация, как было показано выше, не исчезает с переходом к следующей, высшей стадии, она развивается, следовательно, может углубляться, усиливаться и может ослабевать. Таким образом, революционная ситуация, будучи **основой** революционного кризиса, является одновременно и гранью, стороной революционного кризиса, именно той, которая связана с действием субъективных факторов.

Дальнейшим углублением теоретической разработки проблемы революционного кризиса явилось введение Лениным понятия его элементов.

В литературе положение об элементах революционного кризиса не нашло необходимого освещения. В тех немногих работах, в которых этот вопрос нашел известное отражение, содержится, с нашей точки зрения, спорное его толкование.

Существует мнение, сводящее ленинское положение об элементах революционного кризиса к простому и абстрактному выделению его, так сказать, «постоянных» структурных составных частей в виде кризиса «верхов», подъема массового движения пролетариата и крестьян-

---

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 349.

ства. Кроме того, допускается отождествление элементов революционности кризиса с его признаками[39].

Понятие элементов революционного кризиса, как нам представляется, введено Лениным прежде всего с целью учесть и отразить сложность и многогранность революционного процесса во всей его конкретности и диалектике развития. История не знает «чистых революций», в которых бы противоборствовали только два класса — антагониста и в одном только измерении, без многих других и самых различных перекрещивающих линий борьбы, в том числе и борьбы в реакционном лагере.

Под элементами революционного кризиса Ленин понимал те конкретные противоречия, обострение которых и создает революционный кризис.

Осенью 1907 года, оценивая итоги прошедшей революции, он писал: «Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились»[40].

Это написано было в октябре 1907 года, когда революция в узком смысле слова уже закончилась, и речь здесь шла о новом, будущем революционном кризисе. Очевидно, что с этим не вяжется понимание элементов кризиса в виде кризиса «верхов» и подъема массового движения, ибо в это время, т. е. после поражения революции, нельзя было бы говорить об их углублении и расширении. Углубились и расширились противоречия между самодержавием и народом, помещиками и крестьянством, пролетариатом и буржуазией, и те новые противоречия, которые созданы ходом и исходом революции. Так, Ленин прямо указывает в 1908 году, имея в виду грядущий подъем революции, что «противоречие между фактически всецело господствующим черносотенным самодержавием и показной внешностью

[39] См. Г. Л. Фурманов. Указ. соч., стр. 98—100. Надо отметить, что автор справедливо подчеркивает важность положения об элементах революционного кризиса и то огромное значение, которое придавал Ленин их правильной оценке и раскрывает ошибочность отождествления революционной ситуации с революционным кризисом.

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 124.

буржуазной «конституции» выступает все яснее наружу, неся с собою элементы нового революционного кризиса»[41].

Та новая обстановка, которая создалась после поражения революции 1905—1907 гг. в сельском хозяйстве, в промышленности, в политической жизни порождает, по мысли Ленина, «новые и новые элементы революционного кризиса»[42].

Таким образом, здесь идет речь не о постоянных структурных составных частях кризиса, такая схема мало бы что давала пролетарской партии, а о выявлении новых форм проявления коренных противоречий и новых противоречий, создаваемых жизнью. Правильное и своевременное выявление элементов революционного кризиса вскрывает основные направления его развития и, следовательно, основные направления деятельности революционной партии, показывает широту и потенциальные масштабы революционного потока[43].

Выделяя главные, определяющие элементы, Ленин одновременно подчеркивал ошибочность игнорирования и второстепенных элементов назревающего кризиса, таких, как борьба различных фракций в правящем классе, конфликт либеральной буржуазии с черносотенными помещиками. При наличии объективных условий для революционного кризиса, указывал Ленин, «самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.»[44].

В работах 1905—1907 гг. Ленин касается и вопроса о признаках революционного кризиса, хотя детально он разрабатывается им в последующем.

Правильное определение основных и второстепенных элементов кризиса дает партии в руки возможность предвидения форм его назревания и объективные крите-

---

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 276.

[42] Там же, стр. 284.

[43] Можно указать, что Коминтерн в своих решениях неоднократно пользовался понятием элементов революционного кризиса, имея в виду обострение противоречий, ведущих к кризису. См., напр., Тезисы, революции и постановления XI Пленума ИККИ. Огиз, 1931, стр. 10—11.

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 280.

рии установления факта наступления каждого данного кризиса, т. е. установления его признаков.

Исходя из того, что одним из важнейших решающих элементов революционного кризиса в России является противоречие между помещиками и крестьянами, Ленин в 1908 году сделал вывод о том, что «обязательным признаком... действительно приближающегося революционного кризиса неизбежно будет в теперешней России движение в крестьянстве»[45].

Признаком революционного кризиса, следовательно, является конкретная форма проявления обострения противоречий, являющихся элементами революционного кризиса.

Особого внимания заслуживает ленинское положение о том, что в России после декабрьского поражения назревает **новый** революционный кризис, а не его новое обострение. Как следует это понимать? Ведь революция пока не разрешила ни одного из коренных противоречий, ее породивших, и коль скоро была почва для нового подъема, то казалось бы, это должно означать простое обострение уже существовавшего революционного кризиса. Но В. И. Ленин настойчиво, многократно и без всякой неясности говорит о наступлении **нового** революционного кризиса.

Это положение четко сформулировано в проектах резолюций к IV съезду: «Современный момент демократической революции» и «Вооруженное восстание»[46]. Оно вновь неоднократно развивается в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии»[47]. Именно в ней он выдвигает ряд важных мыслей, раскрывающих понимание им революционного кризиса, как конкретной формы проявления обострения противоречий, вызывающих революцию в узком смысле слова, как процесс единства объективных и субъективных изменений.

С чем связывал Владимир Ильич **новый**, назревающий в 1906—1907 годах революционный кризис? Это был новый кризис, новый по формам его, по размаху, по темпам созревания, по его элементам. Это новое Ленин связывал с новым опытом, приобретенным в хо-

---

[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 280.
[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 225 и 227.
[47] Там же, стр. 294, 338, 349, 350.

де революционной борьбы, в частности с опытом массовой политической стачки и соединением ее с вооруженным восстанием, с опытом создания Советов, с опытом определения действительного политического лица различных классов, то есть с возросшим уровнем сознательности, организованности и вооруженности новыми формами борьбы. Этому фактору Ленин придавал решающее значение. В статье «Об оценке текущего момента» Ленин с особой силой подчеркнул, что приобретение миллионами населения практического **опыта** в самых разнообразных формах непосредственно-революционной борьбы является фактом громадного значения, «который внес самую коренную перемену в целый ряд прежних представлений о ходе развития политического кризиса, о темпе этого развития»[48].

Далее Ленин связывал наступление нового кризиса с вовлечением в борьбу новых более широких масс.

«Важно иметь в виду несравненно больший размах движения, больший политический опыт всего народа. Важно не забывать, что грядет именно **революционный,** отнюдь не парламентский кризис», — писал он весной 1906 года[49].

Эта новая политическая обстановка, связанная также с новым противоречием между всевластным самодержавием и «народным» представительством, делает вывод Ленин, «с громадной быстротой создает новый революционный кризис, неизмеримо более широкий и глубокий, более сознательный и острый, чем все предыдущие»[50].

Следует остановиться на этом положении. В нем ясно выражена идея единства объективных и субъективных условий — новый кризис отличается, с одной стороны, большей широтой и глубиной, что Ленин, как показано выше, связывал с ростом и углублением революционной ситуации, с другой, — большей сознательностью и остротой.

В то же время становится очевидным, что Ленин отнюдь не отождествляет революционную ситуацию с революционным кризисом, включая в последний степень

---

[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 273.
[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 350.
[50] Там же, стр. 349.

сознательности в качестве одного из основных его критериев.

Положение о **новом** революционном кризисе, непосредственно связано с идеей революции в узком смысле слова, оно призвано отразить конкретный, изменяющийся, скачкообразный характер назревания и течения революции. Новый революционный кризис — это качественно новая фаза обострения противоречий, приводящих к революции, или к новому подъему революции, отражающая новую политическую обстановку, новый уровень сознательности, иные масштабы и формы движения, другие темпы. Важнейшая задача партии пролетариата, — учит Ленин, — не только установить факт назревания нового кризиса, но выделить все его новые особенности с тем, чтобы сообразуясь с ними, строить свою тактику.

Без тщательного уяснения этой стороны дела вся идея выделения революционного кризиса теряет свое значение и ведет, как указывал Ленин, к «мертвой тактике»[51]. Овладеть конкретно-историческим своеобразием момента — это важнейшее требование Ленина и отражено в положении о **новом** революционном кризисе.

Диалектику развития революции через ряд революционных кризисов Ленин еще раз вскрывает в связи с окончанием революции 1905—1907 гг. Указав, что «поражение революции обнаружило недостаточную глубину и ширину революционного кризиса» Ленин в самой недвусмысленной форме предсказывает неизбежность назревания **нового** революционного кризиса», «революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова»[52].

При этом, говоря о новом кризисе, он со всей силой подчеркивает то, что отличает его от предыдущих кризисов. «Он (революционный кризис. — **Н. Л.**) назревает снова, — писал Ленин в 1911 году. — Мы идем опять навстречу к нему, идем по-новому, **не так** как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем неизбежно»[53].

Насколько важно было для Ленина понимание партией этого **«не так»**, свидетельствует его борьба с отзови-

---

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 222.
[52] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 360—361.
[53] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 307—308.

стами по данному вопросу. В письме к Горькому в ноябре 1909 года Ленин писал: «К революции пролетариат идет и придет, — но **не так,** как до 1905 года: **тем,** кто **«верит»,** что идет и придет, но **не понимает** этого «не так», — тем наша позиция **должна** казаться неискренней...»[54].

Касается Владимир Ильич и вопроса о **переходе** революционного кризиса в революцию, или в новую высшую фазу массовой непосредственной революционной борьбы. В ходе революции возможны две формы перехода: 1) стихийный, главным образом, под давлением объективных условий. Именно так произошел переход на первом этапе революции в декабре 1905 года. «Забастовка вырастала в восстание, — писал Ленин в работе «Уроки московского восстания», — прежде всего, под давлением объективных условий... Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию». Движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание[55].

2) Сознательный, планомерный, когда процессом перехода руководят организованные силы революционных классов.

Следовательно, не только созревание, но и форма перехода революционного кризиса в революцию зависят в решающей степени от субъективного фактора. В этой связи Ленин в общей форме определяет и условия выбора времени перехода, указав что партия должна «призвать пролетариат к решительному натиску на самодержавие в такой момент, когда... наиболее обострится общий революционный кризис»[56].

Таким образом, в период революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин дал следующее по вопросу о революционном кризисе:

1) связал его с понятием революции в узком смысле слова, стал рассматривать как революционный кризис в непосредственном значении, то есть как кризис, прямо подводящий массы к непосредственной борьбе за власть;

---

[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 222.
[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 370—371.
[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 378.

2) связал его с революционной ситуацией, определяя его как кризис, возникающий на основе революционной ситуации;

3) показал, что революционный кризис представляет собой ту стадию назревания революции, на которой осуществляется единство и взаимодействие объективных и субъективных факторов;

4) выдвинул положение об элементах и признаках революционного кризиса;

5) обнаружил сложную диалектическую связь революционного кризиса с революцией в узком смысле, показав, что последняя может развиваться через ряд новых революционных кризисов, выражающих качественно новые ступени обострения основных и второстепенных противоречий, вызывающих кризис;

6) обосновал задачи партии пролетариата в условиях назревающего революционного кризиса.

Эти положения в дальнейшем развивались, углублялись и частично изменялись В. И. Лениным на основе обобщения нового революционного опыта. В частности, в работах 1905—1907 гг. у Ленина нет еще полностью сформулированного положения об общенациональном кризисе, как основном законе возникновения революции. Этот вывод он сделал позднее, и с полной четкостью сформулировал в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». На данной стадии Ленин обычно определяет революционный кризис «как общеполитический» или «общий революционный кризис».

Таковы основные положения, развитые В. И. Лениным в период первой русской революции по рассматриваемым сюжетам. Естественно, в краткой статье мы далеко не исчерпали всего богатства и глубины ленинских идей, но и из сказанного очевидна необходимость дальнейшего систематического и последовательного изучения взглядов Ленина по данной теме.

Д. В. ГАВРИЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА В СВЕТЕ ТРУДОВ В. И. ЛЕНИНА

В период капитализма аграрный вопрос являлся одним из наиболее животрепещущих и острых вопросов социально-экономической и политической жизни горнозаводского Урала. Профессор И. Х. Озеров, посетивший Урал в 1909 г., сообщал, что «на почве земельного вопроса много неприятностей и трений между заводами и населением»[1]. Великий русский ученый-химик Д. И. Менделеев, побывавший на Урале в 1899 г., видел в запутанности аграрных отношений и земельной неурядице на Урале корни новой «пугачевщины»[2].

Сущность аграрного вопроса на Урале была глубоко раскрыта В. И. Лениным в работах «Развитие капитализма в России», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», «Замечательное дело» и других. Эти труды В. И. Ленина являются прочной методологической основой для разработки аграрной истории Урала.

Опираясь на высказывания В. И. Ленина, советские историки проделали уже значительную работу по изучению истории землевладения и аграрных отношений на Урале. Однако многие аспекты этой темы в достаточной мере до сих пор еще не выяснены[3]. Среди историков существуют большие разногласия в оценке изменений в землевладении и землепользовании горнозаводского населения в пореформенный период, в оценке роли землевладения в жизни горнозаводских рабочих. В ряде работ аграрный вопрос рассматривается в отрыве от социально-экономической жизни края и классовой борьбы. В литературе не нашло должного отражения влияние

[1] И. Х. Озеров. Горные заводы Урала. М., типография И. Сытина, 1910, с. 41.

[2] Д. И. Менделеев. Уральская железная промышленность в 1899 году. Сочинения, т. 12. М.—Л., изд-во АН СССР, 1949, с. 1024.

[3] См., Л. И. Легошин, М. И. Черныш. Историография аграрного вопроса на Урале в пореформенный период. (Обзор советской литературы 1956—1967 гг.) — «История СССР», 1969, № 1, с. 134—145.

революции 1905—1907 гг. на аграрную политику царизма и позиции горнозаводчиков в аграрном вопросе. Так, например, Л. А. Трефилова влияние революции 1905 — 1907 гг. видит только в том, что революционные события отложили на некоторое время предъявление горнозаводскому населению проектов земельного надела[4].

Из широкого круга проблем, составляющих содержание аграрного вопроса на горнозаводском Урале в период капитализма, мы выделим два вопроса: о попытках выкупа владельцами посессионных заводов горнозаводских дач в полную собственность и о поземельном устройстве горнозаводского населения посессионных заводов[5].

Исследование этих вопросов мы начнем с рассмотрения ленинских высказываний о роли землевладения горнопромышленников в жизни горнозаводского Урала.

Характерной чертой Урала являлось наличие в руках горнозаводчиков огромных земельных владений, которые служили экономической основой сохранения многочисленных остатков крепостничества в уральской горной промышленности. «Известно, — писал В. И. Ленин, — что уральские заводы имеют десятки тысяч десятин земли, — прямой пережиток крепостнических, сеньориальных латифундий в буржуазной России»[6]. Уральские горнопромышленники, как отметил В. И. Ленин, «были и помещиками и заводчиками, основывали свое

---

[4] Л. А. Трефилова. Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в 1861—1917 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь, 1967, с. 19—20.

[5] Ранее нами рассматривался вопрос о землепользовании горнозаводских рабочих. См. Д. В. Гаврилов. О землепользовании горнозаводских рабочих Урала в конце XIX века. В кн.: «Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале». (Материалы научной конференции). Свердловск, 1963, с. 105—110.

Взгляды В. И. Ленина на уральскую горнозаводскую промышленность и формирование уральского пролетариата проанализированы нами в статьях: Д. В. Гаврилов. В. И. Ленин об оригинальном строе Урала. В книге: «XXIII Герценовские чтения». (Межвузовская конференция). Исторические науки, выпуск 1. Краткое содержание докладов. Апрель 1970 г. Ленинград, 1970, с. 8—11 и его же. Методологические проблемы формирования пролетариата Урала в трудах В. И. Ленина. В книге: «Областная межвузовская конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». (Тезисы докладов и сообщений). Липецк, 1970, с. 137—144.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 198.

господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»[7].

Громадные земельные владения и монопольное господство в горном деле давали горнозаводчикам возможность держать местное население в полукрепостнической кабальной зависимости, подвергать прикрепленных к земле рабочих жесточайшей капиталистической эксплуатации. «Средством приобретения рабочих рук, — указывал В. И. Ленин, — является на Урале не только наем, но и **отработки.** Земская статистика, напр., по Красноуфимскому уезду Пермской губ. считает тысячи крестьянских хозяйств, которые пользуются от заводов землей, выгоном, лесом и т. п. либо бесплатно, либо за пониженную плату. Само собой разумеется, что это бесплатное пользование на деле стоит очень дорого, ибо благодаря ему чрезвычайно понижается заработная плата; заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих»[8]. Низкая заработная плата на Урале, — подчеркивал В. И. Ленин, — «результат прикрепления рабочих к земле»[9].

В. И. Ленин отметил «особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения»[10]. «С положением и интересами уральской горнопромышленности, — писал В. И. Ленин, — связаны и история колонизации, и настоящее положение края. «Крестьяне вообще были населены на Урале с целью работать заводовладельцам», — читаем мы в письме обывателя Н.-Сергинского завода, Бабушкина, в «Трудах комиссии по иссл. куст. пр.». И эти бесхитростные слова, — замечает В. И. Ленин, — очень верно выражают громадную роль заводовладельцев в жизни края...»[11].

Хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края и жесточайшая эксплуатация прикрепленных к заводам рабочих, возможные только благодаря обладанию горнозаводчиками огромными земельными владениями и покровительственным для горнозаводчи-

---

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 485—486.
[8] Там же, с. 486.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 418.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 488.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 416.

ков царским законам, позволяли при отсталой технике и рутинных способах ведения хозяйства, при сохранении на заводах многочисленных пережитков дореформенных порядков получать сверхприбыль. Отчуждение от горнопромышленников горнозаводских дач или даже только значительное их уменьшение потребовали бы от заводовладельцев перехода к чисто капиталистическим методам хозяйствования, технического переоборудования заводов, коренной перестройки всего заводского хозяйства и изменения способов обеспечения заводов рабочей силой. А это в свою очередь потребовало бы сразу очень крупных капиталовложений. Такая перспектива, конечно, не устраивала уральских горнозаводчиков, которые, пользуясь своим монопольным положением в русской металлургии, привыкли жить «по старинке» и, не тратя средств на технические улучшения, получать миллионные дивиденды. Кроме того, заводовладельцы просто не смогли бы найти такие капиталы, так как получаемые с заводов доходы тратились ими непроизводительно, главным образом на свои личные развлечения, расходы заводовладельцев постоянно превышали их доходы, и большинство частных заводов хронически было обременено огромными долгами.

Поэтому не удивительно, что горнопромышленники всеми способами стремились сохранить в своих руках огромные латифундии, оберегали их целостность и неприкосновенность, упорно сопротивлялись наделению землей горнозаводского населения. В 1899 г. в работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отметил, что вырезка наделов крестьянам из горнозаводских дач «до сих пор еще не вполне закончена»[12]. В статье «Замечательное дело», написанной в 1913 г., В. И. Ленин с огромным возмущением рассказал о безуспешных в течение полувека ходатайствах мастеровых заводов графа Строганова о наделении их землей «по закону 1862 **(шестьдесят второго!)** года»[13].

Высказывания В. И. Ленина о землевладении горнопромышленников, взятые в их совокупности, представляют стройную систему взглядов на социально-экономиче-

---

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 486.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 373.

скую природу горнозаводских латифундий. Они дают нам возможность более глубоко уяснить роль землевладения горнозаводчиков в сохранении существовавшего на Урале «оригинального строя» горной промышленности, позволяют увереннее устанавливать действительные позиции горнозаводчиков в аграрном вопросе, которые сами горнозаводчики, в целях маскировки их подлинных намерений, стремились тщательно завуалировать.

Последнее, например, очень рельефно проявилось при рассмотрении в правительственных инстанциях проектов о ликвидации на Урале посессионных владений.

В пореформенный период на Урале имелось 9 посессионных горных округов, из них 7 — Нижне-Тагильский, Верх-Исетский, Алапаевский, Невьянский, Сысертский, Ревдинский и Шайтанский — находились в Пермской губернии и 2 — Омутнинский и Холуницкий — в Вятской губернии. Владельцы посессионных заводов считались не собственниками, а только содержателями, временными владельцами имений; принадлежащие посессионерам земли и леса не могли продаваться отдельно от заводов и составляли с ними нераздельное целое; владельцы могли разрабатывать в посессионных дачах только необходимые для заводского действия полезные ископаемые; должны были расходовать леса посессионных дач лишь исключительно на заводские потребности и в размерах, не превышающих ежегодный прирост дерева; за пользование дачами посессионеры платили в казну так называемую добавочную горную подать[14]. Посессионные владения, начало которым было положено указом Петра I от 18 января 1721 г., в конце XIX — начале XX вв. являлись глубочайшим анахронизмом, одним из крупнейших пережитков феодально-крепостнических порядков на Урале.

Хотя большая часть существующих по отношению к посессионным владениям ограничений на практике не выполнялась, а плата за пользование посессионными дачами была ничтожно мала (в 1895 г. посессионеры уплатили за каждую десятину посессионных земель доба-

---

[14] Свод законов, 1857, т. VII. Устав горный.

вочной горной подати в среднем по 4,8 коп.[15]), они тяготили посессионеров, которые неоднократно, начиная с 60-х гг. XIX в., возбуждали перед правительством вопрос о выкупе ими посессионных дач в полную собственность, постоянно жаловались на «тяготы» и «стесненность» посессионного владения, якобы мешавшие им развивать горное дело.

В 60-х годах горная и податная комиссии разработали проекты выкупа посессионных владений, по которым посессионерам предоставлялось право выкупить в собственность земли и все находящиеся на них сооружения по оценке, выведенной путем капитализации добавочной горной подати из 5%, причем выкупная операция рассрочивалась на 37 лет. Оценка земель для выкупа по проекту податной комиссии определялась в суммах от 20 коп. до 1 руб. 80 коп., а в среднем 83 коп. за десятину:[16]

Название округа	Площадь в десятинах	Выкупная сумма	Средняя стоимость 1 десятины земли
Нижне-Тагильский	630047	1171538 руб. 40 коп.	1 руб. 83 1/2 коп.
Сысертский	253704	341007 » 40 »	1 » 34 1/4 »
Шайтанский	34041	41466 » 60 »	1 » 20 3/4 »
Ревдинский	168850	189180 » 80 »	76 »
Невьянский	180229	94719 » 80 »	52 1/2 »
Верх-Исетский	724163	335700 » 80 »	46 1/3 »
Алапаевский	845187	184322 » 20 »	21 3/4 »
Итого	2336221	2357936 » 00 »	83 »

Однако даже эти весьма льготные условия выкупа не вызвали у посессионеров энтузиазма. Они согласны были заплатить за дачи только лишь незначительную, сим-

[15] И. Сигов. Народ и посессионные владения на Урале. — «Русское богатство», 1899, № 4, с. 191.

[16] Р. Попов. Горнозаводской Урал. — «Отечественные записки», 1874, № 12, с. 310.

волическую сумму. «Желание посессионеров превратить посессию в собственность, по возможности, с ничтожными со своей стороны жертвами — желание давнее и очень сильное», — писал исследовавший этот вопрос В. Удинцев[17]. Проект, однако, в 1879 г. не был утвержден государственным советом, признавшим необходимым «выждать» последствия для горной промышленности от только что построенной на Урале горнозаводской железной дороги.

В 1895 г. посессионеры снова ходатайствовали перед правительством о выкупе ими посессионных дач в собственность, а в прошении от 6 марта 1896 г. на имя министра земледелия и государственных имуществ изложили свои условия выкупа. Посессионеры просили исключить из выкупного расчета добавочную подать с меди, золота и платины, а так же с чугуна, выплавленного на привозном угле. Они соглашались на определение выкупной суммы путем капитализации добавочной горной подати только с чугуна, да и то не в полном размере. При принятии правительством этого предложения посессионеров стоимость одной десятины посессионных земель определилась бы в 68 коп., а общая сумма выкупа всех посессионных земель составила бы 2 994 812 руб. Для сравнения можно указать, что на каждую десятину земель, поступивших в надел крестьянам Пермской губернии, выкупные платежи составили 12 руб. 27 коп., то есть в 16 раз больше[18].

В 1898 г. комиссия горного департамента под председательствованием Штофа выработала проект прекращения посессионного владения на Урале, который предусматривал отделение посессионных дач от заводов и отчуждение их в казну; посессионеры должны были получить в собственность лишь земли, занятые заводами, рудниками и приисками (но не свыше 300 десятин на каждый завод и не более 1 квадратной версты под рудник или прииск). Казна обязывалась снабжать бывшие посессионные заводы лесом из бывших посессионных дач за низкую плату, предоставляла им на десять лет исключительное право поисков в дачах полезных ископаемых и получения отводов для новых рудников и при-

---

[17] В. Удинцев. Посессионное право. Киев, 1896, с. 192.
[18] И. Сигов. Указ. статья, с. 196.

исков. С вступлением в жизнь проекта бывшие владельцы посессионных дач освобождались от всех посессионных ограничений и от уплаты добавочной горной подати.

Условия ликвидации посессионного владения, предлагавшиеся комиссией Штофа, были выгодными для посессионеров. Об этом убедительно свидетельствует доверительная записка управляющего Нижне-Тагильскими заводами Н. И. Замятина от 30 ноября 1899 г. в Петербургскую контору, в которой приводятся следующие расчеты: Нижне-Тагильские заводы в силу посессионного владения лесными дачами ежегодно платили добавочной горной подати 121 700 руб., уездного и губернского сбора и поземельного налога 45 000 руб., расходовали на содержание лесной стражи 45 000 руб., а всего несли расходов на сумму 211 700 руб. По прекращении посессионного владения они стали бы платить за покупаемый из своих бывших дач лес в год от 67 000 до 74 250 руб., в среднем — 70 625 руб. Таким образом, при принятии проекта, заводы стали бы ежегодно получать экономию приблизительно в 141 000 руб.[19].

Казалось бы для владельцев посессионных заводов, постоянно жаловавшихся на «тяготы» и «стеснения» посессионного права, предоставилась прекрасная возможность сразу освободиться от связывавших их феодальных пут и вести хозяйство чисто по-капиталистически. На деле же произошло совершенно обратное. Несмотря на очевидные выгоды, проект Штофа не только не встретил сочувствия у посессионеров, но, наоборот, вызвал их решительное противодействие: посессионеры не хотели расставаться с огромными дачами, а вместе с ними и со своими феодальными привилегиями и монополиями, возможностью широкого применения полуфеодальных форм эксплуатации рабочих.

Посессионеры занялись выискиванием контрдоводов, с помощью которых можно было бы опровергнуть проект Штофа. В июле 1905 г. главное правление Невьянских заводов обратилось к министру финансов с ходатайством об освобождении его от посессионных ограни-

---

[19] Нижне-Тагильский филиал Государственного архива Свердловской области (НТФ ГАСО), ф. 10, оп. 3. 1899, д. 2427, лл. 5—6.

чений, мотивируя это большой задолженностью заводов, достигшей 1 840 000 руб. Вслед за этим с подобным ходатайством в правительство обратились представители Алапаевских, Верх-Исетских, Нижне-Тагильских, Омутинских и Сысертских заводов, также ссылавшиеся на то, что все посессионные округа «обременены значительными долгами». Для обоснования своих домогательств посессионеры привели следующий «веский» аргумент: Нижне-Тагильский округ был заложен в Нижегородско-Самарском банке, который оценил округ в 7 600 000 руб. По правилам земельных банков оценке подлежали земельные угодья, стоимость же построек не должна была превышать 10% с оценки земли. Таким образом, оценка банком одних земель Нижне-Тагильского округа равнялась 6 950 000 руб. Следовательно, эта сумма и представляла, по мнению посессионеров, стоимость посессионных прав владельцев округа. По этим соображениям, утверждали посессионеры, проектируемый способ прекращения посессионного владения, на условии безвозмездного перехода земель в казну, применен быть не может. Такой переход может быть произведен только с уплатой владельцам округов стоимости посессионных прав — для Нижне-Тагильских заводов указанной суммы 6 950 000 руб., а при переходе в казну всех посессионных округов ей пришлось бы уплатить посессионерам сумму свыше 20 млн. руб.[20] (Сами посессионеры за переход этих земель в их полную собственность соглашались уплатить казне только около 3 млн. руб.).

Проект Штофа был снят с повестки дня и заменен другим законопроектом, предусматривавшим снятие посессионных ограничений путем весьма умеренного выкупа. Но и этот законопроект увяз в различных комиссиях. Вопрос о ликвидации посессионных владений так и не был решен. Посессионные округа просуществовали на Урале до 1917 г.

Таким образом, могущественные посессионеры, так горько жаловавшиеся на свои «тяготы» и приносимые ради развития горного дела «жертвы», успешно отбили все попытки снять с них эти «тяготы» и избавить их от

---

[20] Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса, ч. 1. СПб, 1905, с. 38—39.

необходимости приносить «жертвы» и отстояли неприкосновенность своих полукрепостнических латифундий.

Упорная борьба владельцев посессионных заводов за отстаивание и расширение своих юридических прав на горнозаводские дачи является яркой иллюстрацией к выяснению вопроса о подлинном отношении уральских горнопромышленников к своим земельным владениям, красноречивым подтверждением ленинских выводов о роли землевладения горнозаводчиков в социально-экономической жизни Урала. Она еще раз подтверждает, что сохранение полукрепостнических латифундий горнозаводчиков было одним из основных условий существования «оригинального строя» уральской горной промышленности.

Значительный интерес для характеристики аграрных отношений на Урале представляет история так называемого поземельного устройства горнозаводского населения посессионных заводов, которую мы попытаемся рассмотреть в связи с социально-экономическим развитием края и ходом классовой борьбы. Она в достаточной мере характеризует также отношение владельцев посессионных заводов к наделению землей горнозаводского населения, которое весьма показательно, особенно если учесть, что намеченные к отходу населению земли не были частной собственностью владельцев посессионных заводов, а считались государственной собственностью и находились у посессионеров во временном пользовании.

Реформа 1861 г. поставила горнозаводских рабочих в полукрепостническую зависимость от заводовладельцев. В. И. Ленин писал: «...Условия освобождения уральских крестьян от крепостнической зависимости были сообразованы именно с отношением крестьян к горной работе; горнозаводское население делилось на мастеровых, которые, не имея земли, должны были весь год заниматься заводской работой, и на сельских работников, которые, имея надел, должны были исполнять вспомогательные работы»[21]. По Положению 19 февраля 1861 г. мастеровые посессионных заводов получали только усадебные участки (мастеровые, считавшиеся «данными от казны» — в собственность безвозмездно, все

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 486.

остальные — в постоянное пользование за оброк) и по одной десятине покосов (в постоянное пользование за повинность), сельские работники получали полевой надел в размере крестьянского надела данной местности[22]. Едва ли можно признать предоставление мастеровым усадебных участков и по десятине покосов за «наделение» их землей. В. И. Ленин ясно говорит, что мастеровые земли не получили и, не имея ее, должны были весь год заниматься заводской работой.

При проведении реформы 1861 г. владельцы посессионных заводов, чтобы не наделять своих вспомогательных рабочих полевым наделом, мошеннически зачислили почти всех их в разряд мастеровых (из всех посессионных округов сельские работники «оказались» лишь в двух: в Алапаевском — 2854 души м. п. и в Сысертском — 3288 душ м. п., хотя накануне отмены крепостного права на всех заводах более половины рабочих выполняли вспомогательные работы и, следовательно, должны были быть зачислены в сельские работники).

Средством закабаления уральских рабочих явилось не только сохранение в руках горнозаводчиков их земельных владений, но и сохранение за ними феодальных привилегий на занятие горным промыслом. «При освобождении крестьян, — указывал В. И. Ленин, — уральские горнопромышленники особенно настаивали и настояли на сохранении закона, запрещающего открытие в заводских округах огнедействующих заведений»[23].

Не получившее земли и не имевшее возможности заниматься горным промыслом горнозаводское население оказалось в полной зависимости от заводовладельцев.

Массовые волнения горнозаводского населения на Урале против грабительской реформы 1861 г. заставили правительство пойти на уступки и сделать к Положению 19 февраля 1861 г. ряд «добавлений»: законом 14 февраля 1862 г. мастеровым посессионных заводов были предоставлены в пожизненное и безвозмездное пользование участки, расчищенные от леса их собственным трудом (так называемые росчисти)[24]; законом 9 августа 1864 г. право на росчисти было распростра-

[22] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (2 ПСЗ), т. XXXVI, СПб, 1863, № 36667, с. 377—382.

[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 485.

[24] 2 ПСЗ, т. XXXVII, СПб, 1865, № 38671, с. 73.

нено на всех взрослых членов семьи мужского пола, которым при обнародовании Положения 19 февраля 1861 г. исполнилось 18 лет[25]. Росчисти занимали значительный удельный вес в землепользовании мастеровых и сельских работников (в Верх-Исетском округе — 40%, в Нижне-Тагильском — 49%, в Невьянском — 19% и т. д.[26]), но предоставление их в пользование населению (в основном это были покосы) не могло существенным образом изменить положение мастеровых, так как усадебные участки и покосы даже вместе с росчистями не могли обеспечить им независимого от заводов существования.

В пореформенный период аграрный вопрос на Урале еще более обостряется. Горнозаводская промышленность Урала в первые десятилетия после падения крепостного права развивалась замедленными темпами, прирост населения обгонял спрос на рабочую силу. Избыточное горнозаводское население, не находившее работы в промышленности и не имевшее возможности заняться кустарными промыслами, вынуждено было, насколько это позволяли местные климатические и природные условия, обращаться к земледелию. Земельные наделы, предоставленные мастеровым и сельским работникам по Положению 19 февраля 1861 г. и росчисти, предоставленные по законам 14 февраля 1862 г. и 9 августа 1864 г., не были отграничены на местности, пользуясь чем, население продолжало самовольно расширять свое землепользование за счет новой расчистки лесов и кустарников. Поскольку земли горнозаводского населения были разбросаны мелкими участками по всей территории обширных лесных дач, заводоуправлениям было трудно или даже совершенно невозможно противодействовать самовольным захватам[27].

Особенно в значительных размерах в этот период увеличилось землепользование горнозаводского населения закрытых и сокративших свое действие заводов, а также небольших, расположенных в глухой, отдаленной

---

[25] 2 ПСЗ, т. XXXIX, СПб, 1867, № 41174, с. 822—823.

[26] К. Понюшев. Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии. Пермь, 1917, с. 18.

[27] К. Понюшев. Указ. соч., с. 18—19.

местности заводов. Расширению землепользования горнозаводского населения способствовали также успехи агрономии и техники земледелия.

Заводовладельцы, опасавшиеся, что на основании закона о десятилетней давности самовольно захваченные горнозаводским населением земли могут перейти в его собственность, начинают все более настойчиво выдвигать вопрос о сохранении в неприкосновенности своих огромных земельных владений, причем они ставят своей задачей не только приостановить дальнейшее расширение землепользования горнозаводского населения, но и экспроприировать земли, самовольно захваченные населением.

Царское правительство пошло навстречу желаниям горнозаводчиков. В 1878 г. министерством государственных имуществ был разработан проект закона об устройстве быта населения посессионных заводов, по которому предполагалось предоставить населению в собственность безвозмездно усадьбы и наделы, определенные уставными грамотами; отвести лесные наделы; росчисти из пожизненного владения передать в собственность; если постоянный надел вместе с росчистями не достигнет нормы высшего надела, предоставить право принять недостающее количество земли за оброчную плату[28].

Проект вызвал возражения со стороны владельцев посессионных заводов. 5 ноября 1883 г. посессионеры обратились в министерство государственных имуществ с коллективным прошением, в котором категорически возражали против предоставления населению дополнительных до высших норм земельных наделов и предоставления лесных наделов, требовали большего ограждения их прав на месторождения полезных ископаемых, предоставления на 10 лет права на обмен угодий, расширения доли участия в вымежевании наделов. Они предлагали предоставить мастеровым, и то не в собственность, а только в вечное и безвозмездное пользование, кроме усадебной оседлости, лишь участки, назначенные уставными грамотами и состоящие под пашнями

---

[28] Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения. Составил А. С. Кривощеков. СПб, 1911, с. 413—415.

и полевыми или луговыми сенокосами; росчисти, заявленные в установленные сроки; пашни, обрабатываемые в течение последних пяти лет сряду; сенокосы в лесах и куренях, если они были назначены там уставными грамотами; выгоны по 600 кв. саж. на душу мужского пола[29].

Хотя правительство и не согласилось с некоторыми пожеланиями горнозаводчиков, их предложения были положены в основу разрабатываемого проекта закона о завершении поземельного устройства населения посессионных горных заводов. В 1885 г. заводовладельцам было предложено предоставить сведения о фактическом землепользовании горнозаводского населения, после чего вопрос был подвергнут новому обсуждению с участием представителей посессионных заводов. В 1887 г. проект был передан на заключение министров финансов и внутренних дел, затем рассмотрен государственным советом, а 19 мая 1893 г. утвержден царем и стал законом.

При выработке закона 19 мая 1893 г. «О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в Уральских горнозаводских округах» правительство руководствовалось соображением, что земельные наделы горнозаводского населения должны служить только «в качестве хозяйственного подспорья, дополняющего заработки горнорабочего и дающего ему прочную оседлость» и обеспечить уральским заводам «постоянный контингент прочнооседлых рабочих, избавляя заводоуправления от тех затруднений, которые испытывает в отношении отыскания рабочих наша каменноугольная промышленность на Юге России или золотопромышленность в Сибири». При этом правительство считало необходимым прежде всего «стремиться к тому, чтобы права заводов на леса и месторождения полезных ископаемых не были уменьшены»[30].

Целью закона 19 мая 1893 г., так откровенно высказанной законодателями, было сохранить и закрепить полукрепостническую зависимость горнозаводских рабо-

[29] Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения. Составил А. С. Кривощеков. СПб, 1911, с. 419—421.

[30] Там же, с. 427—428.

чих от владельцев посессионных заводов. В. И. Ленин отмечал, что царское правительство, лицемерно стараясь представить себя в глазах народных масс стоящим «над классами», охраняющим интересы широкой массы населения, оберегающим его от обезземеления и разорения, на деле осуществляло в то время «чисто крепостническую», насквозь крепостнически-дворянскую политику, которая проводилась деятелями старой дореволюционной России «с тупоумной прямолинейностью»[31]. Закон 19 мая 1893 г. явился одним из звеньев реакционной внутренней политики правительства Александра III, получившей общее название «контрреформ».

По закону 19 мая 1893 г. мастеровым и сельским работникам предоставлялись в постоянный надел безвозмездно, сверх их усадебной оседлости: а) покосы и росчисти в лесах и куренях в тех размерах, в которых покосы были определены уставными грамотами, а росчисти признаны установленным порядком; б) все полевые и луговые угодья, находящиеся вне местностей, указанных в пункте А, которыми мастеровые и сельские работники действительно пользовались не по найму от заводоуправлений по 1 января 1893 г.; в) выгоны по 600 кв. саж. на душу. Через 15 лет со времени издания закона отграниченные наделы должны были перейти в собственность населения, до истечения этого срока заводоуправлениям предоставлялось право производить на этих землях разведку и разработку ископаемых и требовать, в случае обнаружения ископаемых, разверстания и обмена угодий. Землевладельцам предоставлялось право, если они пожелают, производить межевые работы на свой счет и своими людьми[32].

Буржуазная, а вслед за ней и народническая историография всячески идеализировали закон 19 мая 1893 г., утверждали, что он был издан в интересах горнозаводского населения и лишь при проведении в жизнь его положительные черты были в некоторой степени утрачены. Так, известный уральский историк-народник И. Сигов писал: «... Закон 1893 г. имел целью значительное улучшение быта посессионных крестьян и благодетельные по-

---

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 260.
[32] 3 ПСЗ, т. XIII, СПб, 1897, № 9628, с. 326.

следствия его были бы несомненны, но, благодаря разным обстоятельствам, последствия эти сведены были до минимума»[33]. К. Понюшев заявлял, что закон 1893 г. закреплял за населением земли фактического пользования, но при своем осуществлении «резко разошелся с экономическими и бытовыми сторонами жизни того самого населения, для которого он был издан»[34].

В советский период историки 20-х годов без критического рассмотрения восприняли эту точку зрения. С. П. Сигов писал, что закон 1893 г. предписывал «наделение населения в размере его фактического землепользования», но был «в значительной мере сведен на нет целой системой злоупотреблений, созданной заводоуправлениями»[35]. Ю. Гессен тоже считал, что по закону 1893 г. горнозаводское население становилось собственником своих наделов, но закон, «благодаря происками заводовладельцев, на практике был сильно урезан»[36].

В современной советской исторической литературе закону 19 мая 1893 г. дается в основном правильная, классовая оценка, однако некоторые исследователи, например Г. В. Калугина, Л. А. Трефилова и др., без достаточных оснований, причем даже без тех оговорок, которые делали С. П. Сигов и Ю. Гессен, утверждают, что по этому закону горнозаводское население получило в собственность все земельные угодья фактического пользования[37].

В действительности же это было не так. По закону 19 мая 1893 г. из земельных участков, которыми мастеровые и сельские работники фактически пользовались по 1 января 1893 г., в надел поступали только полевые и луговые угодья, что же касается угодий в лесах и куренях, то из них отмежевывались лишь покосы, которые были определены уставными грамотами (по 1 дек. на ревиз-

---

[33] И. Сигов. Указ. статья, с. 198.

[34] К. Понюшев. Указ. соч., с. 22.

[35] С. П. Сигов. Некоторые данные для характеристики земледельческого хозяйства горнозаводского населения Урала. — В кн.: Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926, с. 173.

[36] Ю. Гессен. История горнорабочих СССР. т. 2. (Вторая половина XIX века). М., 1929, с. 201.

[37] Г. В. Калугина. Аграрный вопрос в посессионных округах Урала в конце XIX—начале XX вв. В кн.: Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале, с. 113; Л. А. Трефилова. Указ. соч., с. 19.

скую душу) и росчисти, которые были признаны установленным порядком, то есть утверждены крестьянскими учреждениями и мировыми посредниками. Между тем на Урале, ввиду лесисто-гористого характера местности, полевых и луговых угодий было очень мало или совсем не имелось, а многие росчисти не были заявлены или не были признаны установленным порядком, почему и не должны были поступить в надел[38]. Размер выгона, определенный законом — 600 кв. саж. (1/4 дес.) на душу, — был мизерным. По свидетельству современников, население получало в надел не более 1/20 того выгона, которым оно фактически пользовалось[39].

Таким образом, закон 19 мая 1893 г. предоставлял заводовладельцам большие возможности для экспроприации на «законном основании» значительного количества земель, находящихся в постоянном фактическом пользовании горнозаводского населения. Кроме того, горнозаводское население пользовалось лесом, а по закону 19 мая 1893 г. леса в надел оно совершенно не получало. Поэтому утверждения о том, что по закону 19 мая 1893 г. к населению переходили все земельные угодья фактического пользования, являются не верными.

Заранее осведомленные о предстоящем издании закона и его содержании, заводовладельцы приняли все меры для того, чтобы лишить население возможности закрепить за собой находящиеся в его фактическом пользовании полевые и луговые угодья. Накануне опубликования закона, в 1892 г., заводоуправления путем всевозможных прижимок и угроз стали принуждать ничего не подозревавших мастеровых брать бесплатно или за низкую плату арендные билеты на находившиеся в их пользовании земли. Только Нижне-Тагильским заводоуправлением было заключено до 500 таких договоров. После издания закона 19 мая 1893 г. все эти земли оказались собственностью заводовладельцев[40].

---

[38] Х. По поводу статей т. III. «Поземельное устройство населения посессионных заводов». «Екатеринбургская неделя», 1896, 25 августа, № 33, с. 733; Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX века. 1861—1904. Сборник документов. М.—Л., изд.-во АН СССР, 1960, с. 153.

[39] «Екатеринбургская неделя», 1896, 30 июня, № 25, с. 525.

[40] Г. Г. Савич. Землеустройство сельских обывателей Урала. СПб, 1907, с. 29—31; П. Степанов. Наделение землей горнозаводского населения на Урале. СПб, 1914, с. 68—70.

Проведение землеустроительных работ по отграничению наделов, начавшееся в 1895 г. в Верх-Исетском и Сысертском, а в 1896 г. и в других посессионных округах, сопровождалось урезкой земель горнозаводского населения, отводом ему неудобных, худших земель, различными мошенничествами со стороны заводоуправлений. Ссылаясь на присутствие на участке даже незначительного количества поросли или кустарника, заводоуправления объявляли такие участки лесом и требовали сохранения их за собой. «Доверенные заводовладельцев, — свидетельствовали современники, — оспаривали право населения положительно на каждый клок земли, на каждую поросль, находящуюся на покосах отдельных домохозяев»[41]. Намечаемые к отводу населению наделы значительно отличались от существующего фактического землепользования. Так, население Нейво-Шайтанского завода владело 10 571 дес. земли, заводоуправление же соглашалось предоставить ему в надел только 4945 дес.[42]

Ввиду того, что закон 19 мая 1893 г. не определил, на какую душу, наличную или ревизскую, производится отвод выгонов, заводовладельцы решили отводить их на ревизскую душу, хотя со времени последней ревизии (1858 г.) население в посессионных округах возросло более чем в два раза.

Вятское губернское присутствие сделало вывод, что лес, растущий на угодьях, отходящих в надел горнозаводскому населению по закону 19 мая 1893 г., должен быть собственностью населения. Пермское губернское присутствие 2 мая 1900 г. приняло прямо противоположное постановление, согласно которому произрастающий на отходящих в надел населению земельных угодиях лес не являлся собственностью населения и заводоуправлениям предоставлялось право распоряжаться им по своему усмотрению. Ссылаясь на это постановление Пермского губернского присутствия, заводоуправления стали варварски истреблять леса на землях, отходящих в надел

---

[41] Урал Северный, Средний и Южный. Справочная книга. Составитель Ф. П. Доброхотов, с участием В. А. Весновского и В. С. Зыбина. Петроград, 1917, с. 173.

[42] Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 1291, оп. 3, 1900, д. 2085, л. 61.

населению. В течение четырех лет (1900—1903 гг.) в Пермской губернии свирепствовала настоящая вакханалия беспощадного уничтожения лесов. Растущий на отходящих в надел населению землях, лес лихорадочно вырубался и сжигался в доменных и других металлургических печах. По свидетельству современников, в 1901 и 1902 годах заводчики заготовляли дрова и уголь исключительно из леса, росшего на угодьях горнозаводского населения[43].

Обезземеливание горнозаводского населения посессионных заводов при помощи закона 19 мая 1893 г. ленинская «Искра» назвала «невероятным даже в России законнообставленным преступлением уральских заводчиков»[44].

Горнозаводское население[45] посессионных заводов оказало решительное сопротивление проведению в жизнь закона 19 мая 1893 г. Мастеровые и сельские работники созывают самовольные сходы, подают во все инстанции прошения с просьбами об оставлении за ними земельных участков, не подчиняясь постановлениям межевых чиновников и земских начальников, продолжают самовольно пользоваться отмежеванными от них землями. Заводоуправления составляют сотни протоколов о «самовольных» сенокошениях и порубках. Так, только в одном Верхне-Салдинском заводе с 1 января по 1 октября 1899 г. заводской конторой было составлено 1182 протокола, в том числе за самовольные порубки — 571, за самовольное сенокошение—489, за захваты земли—122[46]. За четыре года в посессионных округах Пермской губернии было составлено до 70 000 протоколов о «самовольных» порубках и почти столько же о «самовольном» пользовании пашнями и покосами[47]. Земские начальники

---

[43] Урал Северный, Средний и Южный, с. 175.

[44] «Искра», 1903, 15 апреля, № 38.

[45] К горнозаводскому населению относились коренные местные жители, зачисленные при проведении реформы 1861 г. в число мастеровых или сельских работников. В основном это были заводские, рудничные и приписные рабочие, вспомогательные рабочие (углежоги, дроворубы, возчики и т. д.), но в состав горнозаводского населения входило и некоторое количество мелких хозяйчиков: кустари, подрядчики, мелкие торговцы и т. д.

[46] НТФ ГАСО, ф. 10, оп. 3, 1899, д. 2425, л. 8.

[47] Урал Северный, Средний и Южный, с. 175.

по этим протоколам накладывали на рабочих штрафы, сажали «самовольщиков» под арест. Лесная стража жестоко расправлялась с самовольщиками: избивала их, сжигала заготовленное ими сено или разбрасывала его по земле и т. д. «Если бы начать описывать, как происходило и происходит земельное устройство мастеровых и сельских работников в посессионных горных заводах...; какую чудовищную массу горя, лишений, обид и страданий пережило и претерпело население; какое огромное количество людей поплатилось ссылками, тюрьмами и арестами; какое невероятное разорение чинилось краю,— если бы все это начать описывать, то получилась бы огромная книга»,—свидетельствуют В. А. Весновский и В. С. Зыбин[48].

Горнозаводское население упорно отстаивало свои права на земельные угодья. Среди мастеровых Нижне-Тагильского округа распространилось убеждение, что по закону 19 мая 1893 г. в их собственность поступят все земли, которыми они владеют. Поэтому они всеми средствами стали расширять границы своих участков: переносят старые изгороди на новые места, огораживают участки жердями, обваливают их границы сухостойким или свежесрубленным лесом[49]. Мастеровые и сельские работники Алапаевских заводов, ссылаясь на апокрифическую грамоту Петра I, по которой все земли якобы были переданы населению в полную собственность, отказались признать землю собственностью заводовладельцев и продолжали самовольно косить сено и рубить лес в заводских дачах[50]. Порубки населением лесов принимают форму массовых коллективных выступлений. 5 июня 1899 г. мастеровые д. Никитиной (Черемшанки), поднявшись по призыву набата, за один день вырубили в Верхне-Салдинской даче большой участок строевого леса, так называемый «Журавлев бор»[51]. В 1901 г. жители деревни Бучиной, выполнявшие на Алапаевских заводах вспомогательные работы, вооружившись охотничьими ружьями и забаррикадировав дороги в деревню, четыре раза

---

[48] Урал Северный, Средний и Южный, с. 168.
[49] НТФ ГАСО, ф. 10, оп. 3, 1899, д. 2425, л. 23.
[50] Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 162, оп. 1, 1899, д. 47, л. 28.
[51] НТФ ГАСО, ф. 10, оп. 3, 1899, д. 2425, л. 23.

отгоняли налеты полицейских, упорно отказываясь признать свои земли принадлежащими горнозаводчикам[52].

Между горнозаводским населением и заводоуправлениями из-за земельных участков возникает масса судебных дел. По официальным данным главного начальника Уральских горных заводов, сообщенным члену совета министра внутренних дел Г. Г. Савичу, ревизировавшему крестьянские учреждения Пермской губернии, в 1898 г. на рассмотрении судебных инстанций по посессионным заводам губернии находилось 8859 спорных дел на пространство 13 009 десятин, в 1902 г.—41159 дел на пространство 77 049 десятин, в 1903 г.—47 992 дела на пространство 99 028 десятин, причем из их числа были решены только 5158 дел на пространство 11 272 десятины и оставались нерешенными 42 834 дела на пространство 87 756 десятин[53]. «Подумать страшно, — восклицали В. А. Весновский и В. С. Зыбин, — какая масса бумаги растрачена, сколько энергии, сил истрачено, какого огромного труда стоило тысячам людей разобраться в этом потоке споров! А какая масса поденщин пропала даром при вызовах свидетелей, понятых, доверенных!»[54].

Таким образом, как мы видим, в конце XIX — начале XX вв. на посессионных заводах Урала развернулась ожесточенная борьба за распределение и перераспределение земельных угодий. В. И. Ленин писал: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века поставил на разрешение общественным классам задачу: покончить с крепостнической стариной и очистить землевладение, очистить всю дорогу для капитализма, для роста производительных сил, для свободной и открытой борьбы классов. И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача»[55].

Обострению аграрного движения на горнозаводском Урале в конце XIX — начале XX вв. способствовали потеря Уралом в конце 90-х гг. XIX в. монополии в производстве и сбыте черных металлов и изделий из них на внутреннем рынке и оттеснение его на второй план быстро развивающимся Югом, экономический кризис

---

[52] Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 519, оп. 1, 1901, д. 18, лл. 51—53.

[53] Г. Г. Савич. Указ. соч., с. 41—42.

[54] Урал Северный, Средний и Южный, с. 174.

[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 137.

1900—1903 гг. и последовавшая за ним промышленная депрессия, которые привели к сокращению производства на многих заводах и даже закрытию некоторых заводов. Массовая хроническая безработица и тяжелое материальное положение рабочих являлись глубокой причиной аграрных волнений. «Если... к нищенскому земельному наделу прибавить, что мастеровые и сельские работники посессионных округов систематически переживают массовую безработицу, что производственные условия их жизни очень тяжелы, а заработки крайне низки и неопределенны, — то почва и причина хронических рабочих волнений и непрерывного за последние годы аграрного брожения на Урале — будут вполне понятны и естественны», — писал Д. Зайцев[56].

Под влиянием аграрных волнений в посессионных округах сенат в ноябре 1903 г. вынужден был издать «разъяснение» (№ 5871), запрещавшее заводоуправлениям уничтожать леса на землях, отходящих в надел горнозаводскому населению. Землеустроительные работы в посессионных округах, ввиду упорного сопротивления населения, велись очень медленно, и к 1905 г. была произведена лишь съемка угодий населения, отграничены наделы по 19 селениям и составлены проекты отграничения по 42 селениям, но все они не были приняты населением[57].

В период революции 1905—1907 гг. аграрное движение на Урале принимает еще больший размах. Уже в марте 1905 г. во время забастовки на Алапаевских заводах рабочие Нейво-Алапаевского завода вместе с сельскими работниками окружающих деревень и рабочими Верхне-Синячихинского, Нейво-Шайтанского и Ирбитского заводов выработали совместные требования о наделении их, в случае отказа от повышения заработной платы, землей[58]. В мае 1905 г. новая стачка на Нейво-Алапаевском заводе переросла в стихийную расправу с администрацией, в завод были введены войска. Вслед

---

[56] Д. Зайцев. Государственная Дума и уральские аргонавты.— «Образование», СПб, 1908, № 5, с. 9.

[57] «Известия главного управления землеустройства и земледелия», 1907, 4 марта, № 9, с. 149.

[58] Ф. С. Горовой. Очерки революции 1905—1907 годов на Урале. Пермь. Кн. изд., 1955, с. 50.

за этим всеобщая забастовка вспыхнула на Нижне-Тагильских заводах, туда правительством были введены две роты солдат. В июне началась стачка на Сысертских заводах, которая продолжалась более трех месяцев. В заводы были введены воинская команда и отряд казаков. Постепенно забастовочное движение охватывает все посессионные округа. В ходе стачек рабочие выдвигают, в числе прочих, и различные аграрные требования.

Осенью 1905 г. аграрное движение еще более активизируется, а к концу года аграрные волнения охватили весь горнозаводской Урал. 29 ноября 1905 г. и. д. пермского губернатора М. В. Стрижевский доносил в министерство внутренних дел, что настроение большинства заводов Урала «... весьма тревожное... Тревожность положения усиливается начинающимся здесь аграрным движением, выражающимся... массовыми порубками...»[59]. 21 декабря 1905 г. Стрижевский телеграфировал председателю совета министров С. Ю. Витте: «Открылись массовые волнения рабочих... На Мотовилихинском заводе—форменное восстание... Одновременно возникают аграрные волнения крестьян. Ими охвачены имения графа Строганова, князя Голицына, Абамелек-Лазарева, Орловой-Дашковой, Ратькова-Рожнова и других... происходят массовые порубки лесов, случаи грабежа, насилий... Положение становится крайне тревожным; трудно предвидеть, чем все кончится...»[60].

Особенно острый характер аграрное движение приняло в посессионных округах. Когда в октябре 1906 г. заведующим землеустройством на Урале было созвано в Перми совещание горнопромышленников, население Нижне-Тагильского округа под влиянием агитации социал-демократов потребовало, чтобы на него были приглашены его представители. Явившись на совещание, уполномоченные рабочих высказались за отмену закона 19 мая 1893 г. и наделение землей в достаточном количестве. Почти на всех посессионных заводах для отстаивания земельных нужд населения создаются волостные ко-

---

[59] Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. Ч. II. М., изд-во АН СССР, 1955, с. 821.

[60] Там же, с. 828.

миссии по землеустройству, избравшие центральное бюро. В декабре 1906 г. центральное бюро отправило министру внутренних дел телеграмму, в которой требовало, впредь до удовлетворения населения в наделении землей, приостановить обсуждение вопроса о выкупе владельцами посессионных имений. В ответ на телеграмму министр приказал арестовать бюро, но местная администрация не в состоянии была выполнить это приказание. В январе 1907 г. уполномоченные мастеровых Нижне-Тагильского округа отвергли проект надела, составленный на основании закона 19 мая 1893 г. и выдвинули свой, в котором требовали передачи населению всех земель фактического пользования, предоставления малоземельным и безземельным по 8 дес. на наличную душу, предоставления лесного надела по 3 дес. на наличную душу, выгонной земли по 2 дес. на наличную душу и зачисления всей остальной земли посессионных дач в неотчуждаемый резервный фонд[61].

«... Революция 1905 года, — указывал В. И. Ленин, — вызвала поворот всей земельной политики самодержавия»[62]. Напуганные размахом аграрного движения, владельцы заводов на своем совещании в конце 1905 г. решили отказаться от проведения межевых работ своими средствами и обратились к правительству с ходатайством о передаче всех работ по поземельному устройству горнозаводского населения посессионных заводов Уральскому поземельно-устроительному отряду, производившему работы в казенных заводах. Одновременно они согласились предоставить населению лесные наделы по 2 десятины на наличную душу и увеличить размер выгона до 1/2 дес. на наличную душу. Правительство сделало ряд новых «разъяснений» к закону 19 мая 1893 г.: разъяснением сената от 25 сентября 1906 г. (№ 5364) разрешалось заменять право населения на получение лесных материалов из посессионных дач отводом ему лесного надела, а разъяснением от 20 декабря 1908 г. (№ 6142) заводоуправлениям предлагалось определять размеры наделов по числу не ревизских, а наличных душ. В течение 1906—1907 гг. Уральский поземельно-устроительный отряд, работая

[61] П. Степанов. Указ. соч., с. 83—84; Д. Зайцев. Указ. статья, с. 11—12.

[62] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 260.

ускоренными темпами, пересмотрел и пересоставил все проекты отграничения наделов, составленные заводоуправлениями, а затем подготовил и предъявил населению проекты наделов по всем 113 посессионным селениям Пермской губернии; при отграничении наделов для спрямления границ и уменьшения чересполосицы производились прирезки, по 65 селениям состоялся отвод лесных наделов[63].

Результаты этих межевых работ показывает следующая таблица[64]:

Наименование округов	Угодий, определенных населению съемками 1896—1905 гг. (десятин)	Угодий, определенных населению съемками 1906—1907 гг. и последующих лет (десятин)
Верх-Исетский	50384	218296
Сысертский	33362	69427
Алапаевский	64887	113390
Нижне-Тагильский	139050	220437
Невьянский	40097	65638
Ревдинский	38634	57274
Шайтанский	7230	10711
Омутнинский	9656	14988
Холуницкий	3080	35910
ВСЕГО:	386380	795381

Из таблицы видно, что если по съемкам, произведенным заводоуправлениями в 1896—1905 гг., населению посессионных заводов Урала было определено 386 380 десятин, то по съемкам 1906—1907 гг. и последующих лет, произведенных поземельно-устроительным отрядом,— уже 795 381 дес., то есть в два раза больше. Напуганные революцией 1905—1907 гг., власти и горнозаводчики вынуждены были пойти на значительные уступки горноза-

[63] «Известия главного управления землеустройства и земледелия», № 9, 4 марта 1907 г., с. 150; К. Понюшев. Указ. соч., с. 26—29.

[64] См. «Известия главного управления землеустройства и земледелия», № 28, 10 июля 1905 г., с. 573; К. Понюшев. Указ. соч., с. 70—76.

водскому населению и признать не только де-факто, но и де-юре сложившееся в посессионных округах землевладение горнозаводского населения. Поэтому, на наш взгляд, правильнее было бы говорить не об увеличении земельных наделов горнозаводского населения при наделении его землей по закону 19 мая 1893 г., а об юридическом признании властями и горнозаводчиками, под влиянием неблагоприятно сложившейся для них расстановки сил в развернувшейся вокруг земельных наделов классовой борьбе, фактически сложившегося землепользования горнозаводского населения, изменить которое им оказалось не под силу. Как мы видели выше, закон 19 мая 1893 г. не предусматривал увеличения наделов, а наоборот предполагал изъятие у населения значительного количества земель фактического пользования и ленинская «Искра» с полным основанием писала «об обезземелении крестьян при помощи «закона о наделении крестьян землею»[65].

Разрешить с помощью закона 19 мая 1893 г. земельный вопрос на посессионных заводах Урала правительству не удалось. Предоставленные по закону в надел угодья, даже с дополнительными приrезками, произведенными после 1905 года, оказались совершенно недостаточными для удовлетворения нужд горнозаводского населения. Надельные земли распределялись среди населения очень неравномерно: наряду с владельцами участков в 70—80 дес. оказалось большое количество безземельных и малоземельных мастеровых, имевших клочки в 1 десятину и менее. Выгоны и после увеличения их до 1/2 десятины на наличную душу оставались незначительными; лесные наделы, да и то в недостаточном размере, получила только половина обществ. Земли горнозаводского населения были расположены в дачах заводовладельцев чрезвычайно чересполосно. На громадные площади угодий, отходящих населению, заводоуправлениями были поданы заявки к обязательному обмену. Поскольку поземельное устройство еще не было завершено, население не могло считать отграниченные наделы своей собственностью. Поэтому и после повторного межевания горнозаводское население посессионных заводов продолжало борьбу за наделение зем-

[65] «Искра», 1903, 15 апреля, № 38.

лей в достаточном количестве. К 1917 г. из 113 селений только 54 согласились принять составленные проекты наделов по добровольному соглашению, по остальным же 59 селениям все проекты наделов были обжалованы[66]. Землеустройство населения посессионных заводов осталось к 1917 г. незавершенным.

Ленинские высказывания о социально-экономической природе латифундий горнозаводчиков, о роли землевладения горнопромышленников в жизни горнозаводского Урала, об условиях освобождения уральских горнозаводских крестьян от крепостного права, об основных направлениях аграрной политики царизма в пореформенный период, о повороте всей земельной политики самодержавия после революции 1905 года и другие являются надежным ориентиром для исследования аграрного вопроса не только на посессионных, но и на частновладельческих и казенных заводах Урала, но это — тема особой статьи или даже нескольких статей.

В. И. Ленин в своих работах по аграрному вопросу показал, что единственным путем решения аграрного вопроса на Урале могло быть уничтожение латифундий горнозаводчиков путем передачи их в руки государства, то есть национализация земли[67]. Только революционное решение аграрного вопроса в стране, писал В. И. Ленин, создало бы условия для «действительно капиталистического производства на Урале вместо векового полуфеодального застоя «посессионного» производства»[68].

«Ни столыпинская, ни кадетская аграрная политика, — указывал В. И. Ленин, — не могут дать заметного улучшения в условиях жизни массы, а без этого не разовьется действительно «свободная» промышленность на Урале. Только крестьянская революция могла бы быстро заменить Россию деревянную Россией железной»[69].

Разрешить аграрный вопрос на Урале, создать условия для бурного развития производительных сил края смогла только Великая Октябрьская социалистическая революция.

---

[66] К. Понюшев. Указ. соч., с. 27.
[67] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 335—336.
[68] Там же, с. 383.
[69] Там же, с. 383—384.

Р. А. ТАУБИН

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРУЖКА Н. А. ДОБРОЛЮБОВА — И. И. ПАРЖНИЦКОГО (1854—1857 гг.)

В конце 1840-х годов правительству Николая I казалось, что политический режим, господствовавший в России, упрочился: антиправительственные организации (Кирилло-Мефодиевское общество, кружок петрашевцев и др.) разгромлены, крестьянские выступления подавлены, прогрессивная литература, журналистика и общественная мысль зажаты «чугунным» цензурным комитетом и уваровским министерством просвещения. Международный престиж Российского самодержавия в реакционных правящих кругах Европы чрезвычайно возрос вследствие той роли, которую царизм сыграл в подавлении революционного движения в Венгрии и в других странах. Но в конце 1850-х гг. самодержавие вынуждено было начать подготовку отмены крепостного права.

Объясняя причины, побудившие крепостников взяться за «реформы», В. И. Ленин писал: «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить **сверху**, чем ждать, пока свергнут **снизу**»[1].

Растущий размах массовых выступлений крестьян против помещиков и кровавая расправа над ними царских властей с применением войск; позорный для самодержавия и его генералитета, чиновничества и интендантства ход и исход Крымской войны; революционная проповедь «Полярной звезды» и «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева в Лондоне и «Современника» Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова — в Петербурге,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

обращенная к лучшим людям страны, сыграли огромную роль в пробуждении к активной борьбе против царизма широких слоев разночинной интеллигенции.

Вновь, как и в 1840-е годы, раньше всего усилие революционного движения проявилось в Петербурге, устойчиво занявшем в XIX веке роль главного революционного центра страны. В. Г. Белинский, А. И. Герцен и другие идеологи революционной демократии раскрыли секрет того, чем это было вызвано. В Петербурге, столице российского самодержавия, особенно отчетливо обнаруживались всевластие царизма, развращенность верхушки правящего класса, продажность чиновничества, раболепие «низших» перед «высшими», произвол властей над народом, их своекорыстие и эгоизм, гнилость и духовная опустошенность дворянства и помещиков. Именно в Петербурге были университет и другие высшие учебные заведения, на кафедрах которых время от времени появлялись наиболее честные и передовые ученые. Здесь же выходили лучшие русские журналы того времени: «Отечественные записки», «Военный сборник» (когда его редакторами были Н. Г. Чернышевский, Н. Н. Обручев и их единомышленники), «Современник». На страницах этих журналов выступали лучшие писатели и публицисты 1850 — начала 1860-х гг.: И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. А. Антонович, П. Л. Лавров и другие, в чьих произведениях, сквозь рогатки цензуры прорывались к народу, к прогрессивно и революционно настроенным сынам и дочерям всех национальностей России революционно-демократические идеи, призывы к борьбе против царизма и крепостничества.

Понимали эту роль Петербурга, как главного национального революционного центра страны, и прогрессивные деятели в провинции, желавшие принести свои дарования, энергию, а если потребуется, свободу и жизнь, на алтарь борьбы за освобождение родного народа.

«Одной из особенностей провинциальной молодежи, — писал по этому поводу Н. В. Шелгунов, — было ее тяготение к Петербургу, чтобы удовлетворить смутному стремлению к чему-то, чего она не находила в родной глуши. Белинский убежал в Петербург, даже из Москвы. Со времени Белинского тяготение к Петербургу усилилось еще больше, и Петербург стал для России

источником общественных идей»[2]. «Чернышевского, — указывал Н. В. Шелгунов, — притянул тоже Петербург, как и Добролюбова и Писарева, а после Крымской войны магнитность Петербурга и еще усилилась»[3].

Действительно, в 1850-е годы в Петербурге наряду с его собственными даровитыми уроженцами собралось такое количество честнейших и талантливейших сынов со всей России из Польши, Литвы, Украины, Кавказа, что они оказались в состоянии придать ярчайшую окраску и героический характер целой славной эпохе 1850—начала 1860-х годов. По всей России маяками светили университеты, литература и журналистика. От них шли призывы к борьбе за свободу, республику, за ликвидацию самодержавия, крепостничества, за просвещение народа, за его счастье и прогресс, за социализм. Под влиянием университетов, передовых писателей и публицистов быстро формировалось идейно, начинало группироваться организационно и политически целое поколение революционных разночинцев в Петербурге, Москве, почти во всех университетских центрах и многих губернских городах, которое в конце 1850 — начале 1860-х годов предприняло ряд попыток поднять народы России на революционное возмущение против самодержавия и крепостничества.

Складывалась атмосфера такого общественного подъема, небывалого влияния передовой общественной мысли, такой активности и массовости участников освободительного движения, какого Россия еще не видела до этого. «Это было удивительное время, — писал о нем Шелгунов, — время, когда всякий захотел думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до этого времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порыв ее был сильный и задачи громадные. Не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений, будущие судьбы всей России, становившиеся в зависимость от того или другого разрешения реформ. Эта заманчивая работа потянула к себе всех более даровитых и способ-

---

[2] Н. В. Шелгунов. Воспоминания. Петроград, 1923, стр. 62—63.

[3] Там же, стр. 63—64.

ных людей и выдвинула массу молодых публицистов, литераторов и ученых, имена которых навсегда связались с историей русского просвещения и с блестящим, но коротким моментом шестидесятых годов, надолго давшим свое направление умственному движению России, как бы оно по временам ни затихало»[4]. Во главе этого могучего движения стоял Петербургский революционно-демократический центр. Его душою была революционно-демократическая редакция «Современника» во главе с Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым.

Крестьянские волнения, прокатывавшиеся по всей стране, новый революционный подъем в Италии, Венгрии, Англии и других странах Европы, первые проявления в 1858—1859-х годах гражданской войны в США создавали в широких кругах русского общества в условиях созревавшей революционной ситуации, морально-политическую атмосферу уверенности в близости и осуществимости народной революции в России.

Такая внутренняя и международная политическая обстановка благоприятствовала возникновению как в Петербурге, так и в других городах России множества кружков разного типа: самообразовательных, просветительских, литературных, политических. Значительная часть этих кружков, по мере углубления и обострения революционной ситуации в стране, приобретала все более ярко выраженный антиправительственный характер, переходя от самообразования к различным формам политической и революционной деятельности. Среди них особенно выделялись кружки Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, С. С. Рымаренко, Н. И. Утина, Е. П. Михаэлиса, П. В. Макалинского, С. И. Сераковского[5].

Одним из первых студенческих кружков в Петербурге 1850-х годов был кружок Н. А. Добролюбова—И. И. Паржницкого, который и является предметом исследования в настоящей статье.

---

[4] Н. В. Шелгунов. Указ. соч., стр. 81—82.

[5] Подробнее об этом см. Р. А. Таубин. Кружок Н. Г. Чернышевского и вопрос о создании революционной партии в годы первой революционной ситуации в России. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Т. 2, Изд. Саратовского университета, 1961; Его же. Революционер-демократ С. С. Рымаренко. «История СССР», 1959, № 1.

Биография Н. А. Добролюбова широко известна из посвященных ему монографий[6]. В связи с рассмотрением истории кружка, сложившегося под руководством Н. А. Добролюбова в Главном педагогическом институте в 1853—1954 годах, мы остановимся на выяснении социально-политических воззрений Н. А. Добролюбова ко времени образования кружка.

Нижегородская семинария, в которой Н. А. Добролюбов учился в 1848—1853 гг., пустотою и реакционностью своих учебных «курсов», низким уровнем преподавания вызывала у него уже в 1852 году сильное недовольство[7]. Уже тогда заметил он как одну из характерных черт своей личности — глубокое сочувствие к людям, к их нуждам и страданиям[8].

Особенно быстро шло духовное созревание Н. А. Добролюбова в 1852—1853-х годах. Это были для него годы крутой ломки представлений и воззрений, сложившихся под влиянием семьи и семинарии, и формирования новых взглядов, образовавшихся в значительной мере под влиянием чтения произведений Гоголя, Лермонтова, Тургенева, передовых журналов и собственных критических наблюдений за жизнью. В записи в дневнике (от 24 января 1853 года, по случаю достижения семнадцатилетнего возраста) молодой Добролюбов подвел итоги своему развитию за период обучения в Нижнем Новгороде. Он отметил в себе страсть к книгам («Я большой библиофил»), особый интерес в журналах к отделам библиографии и заметок о книгах, с удовлетворением подчеркнул, как свое важнейшее достижение, быстрый рост самостоятельности — «большая установленность или твердость взгляда и убеждений»[9].

---

[6] Валерьян Полянский (П. И. Лебедев). Н. А. Добролюбов. Изд. 2-е, М., ГИХЛ, 1935; В. С. Кружков. Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., Госполитиздат, 1950; В. Жданов. Добролюбов. 1836—1861. М., «Молодая гвардия», 1951; С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., АН СССР, 1952; С. А. Рейсер. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., Культпросветиздат, 1953; Ф. М. Бурлацкий. Политические взгляды Н. А. Добролюбова. М., Госюриздат, 1954 и др.

[7] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., ГИХЛ, 1939, с. 375.

[8] Там же, стр. 377—378.

[9] Там же, стр. 383—385.

Уже в августе—сентябре 1852 года у него созрело решение уйти из семинарии в университет. Он еще колебался в вопросах веры, но былая религиозность исчезла.

В феврале—марте 1853 г. был достигнут компромисс: отец согласился на уход Николая Александровича в духовную академию в Петербурге, не дожидаясь окончания Нижегородской семинарии.

Но Н. А. Добролюбов не отказался от поступления в университет, определив свой будущий жизненный путь— как путь литератора-журналиста.

Чем же привлекали его университет, Петербург? «Главным образом, — отвечал на эти вопросы сам Добролюбов, — соблазняет меня авторство, и если мне хочется в Петербург, то не по желанию видеть Северную Пальмиру, не по расчетам на превосходство столичного образования: это все на втором плане, это только средство. На первом же плане стоит удобство сообщения с журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этой мыслью, а теперь уже начинаю подумывать, что: «То кровь кипит, то сил избыток...»[10].

В Петербурге Н. А. Добролюбов, как известно, поступил не в духовную академию, а в главный педагогический институт. С осени 1853 года он с величайшим самоотвержением и настойчивостью отдается выработке своего революционного мировоззрения и помогает в этом ближайшим товарищам, из которых в конце 1853—начале 1854 г. под его руководством сложился небольшой, но весьма влиятельный кружок, носивший на первых порах преимущественно самообразовательный характер. Началось с совместного чтения журналов, их выписки. Предметом горячих обсуждений в конце 1853—в 1854 гг. были вопросы религии и философии. Поскольку большая часть членов кружка состояла из бывших семинаристов — религия для них являлась вопросом всех вопросов дальнейшего развития.

Заметной вехой, выделившей кружковцев из общей массы, стал подготовленный перед рождеством 1854 г. коллективный протест студентов против поведения инспектора А. Тихомандрицкого. Недовольные плохим питанием в институте, своевластием директора И. И. Давыдова, оскорбительным вмешательством инспектора в

[10] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., ГИХЛ, 1939, стр. 388—389.

их жизнь, студенты решли протестовать. Н. Добролюбов и студент-математик В. Тарановский написали прошение на имя директора Давыдова, в котором резко осудили грубости Тихомандрицкого. От лица студентов 1-го и 2-го курсов в их присутствии оно было передано Давыдову и оглашено. Взбешенный директор пединститута жалобу принял, но, расценив ее как оскорбительную, потребовал выдачи зачинщиков. Несколько дней студенты не покорялись. Но понимая, что сила была на стороне властей, Н. А. Добролюбов и В. Тарановский приняли на себя вину за это выступление товарищей, объявив себя «зачинщиками». М. И. Шемановский — участник выступления — писал: «Факт подачи студентами жалобы важен в том отношении, что он сгладил сразу разницу между гимназистами и семинаристами; вместе с тем он выдвинул вперед и Добролюбова, которого решимость принять на себя имя зачинщика пред страшным Давыдовым родила во всех к нему искреннее уважение»[11].

После этого события состоялась студенческая вечеринка с явным политическим оттенком. «Помню, — замечал по этому поводу М. И. Шемановский, — беседа была самая отвлеченная, говорили преимущественно о начальстве и о профессорах: в первый раз наша речь шла безбоязненно · быть услышанной начальством или кем-нибудь близким ему»[12]. На вечеринке пели пародию на царский гимн. Д. Ф. Щеглов сообщил присутствующим, что автором ходившего по Петербургу в списках стихотворения «На юбилей Н. И. Гречу» был Н. А. Добролюбов. В заключение вечера было прочтено стихотворение Н. А. Добролюбова, в котором раскрывался смысл их дружеской встречи:

«Любовь и братство нас собрали,
Мы вечер дружно провели,
Свободу мы провозглашали
И пели тост крамбамбули»[13].

---

[11] Материалы для биографии Н. А. Добролюбова. Публикация С. Рейсера; М. И. Шемановский. Воспоминания о жизни в главном педагогическом институте 1853—1857 годов. — «Литературное наследство» Т. 25—26, М., изд-во АН СССР, 1936, стр. 273.

[12] Там же, стр. 273.

[13] Там же, стр. 273.

В 1855—1856-х годах важнейшее место в деятельности студенческого кружка Добролюбова занимало обсуждение политических вопросов: освобождение крестьян, судьбы монархии и помещиков в России, причины неудачи Крымской войны и ее последствия, способы вывести Россию из отсталости и т. д.

Переход кружковцев от изучения и уяснения проблем религии к проблемам политическим отмечен и в воспоминаниях друга Н. А. Добролюбова, активного члена кружка Б. И. Сциборского. «Вопросы из мира верований сменились вопросами политическими.., — писал он. — Здесь открылся богатый материал для прений. В этом случае требовался запас исторических фактов, которыми все были очень бедны: нужно было читать и читать»[14].

Снабжение товарищей необходимой литературой взял на себя Добролюбов. «Николай Александрович, имевший в то время несколько порядочных знакомств,— рассказывает Сциборский, — оказал нам в этом случае значительную услугу... Полученная книга с жадностью и с наперед заготовленным доверием к ней прочитывалась в кружке и была предметом очень серьезных толков, пока, наконец, факты, заимствованные из нее, не проходили через критику читателей... Если же эта книга была на одном из иностранных языков, то, смотря по достоинству ее, иногда общими силами переводилась буквально вся и после прочитывалась в кружке, иногда же читалась для всех, владевших этими языками, вслух по-русски, а часто один кто-нибудь брался за прочтение и перевод замечательнейших мест и потом в кружке подробно излагал содержание ее и прочитывал переведенные отрывки... Н. Ал. в этом случае был одним из ревностнейших и трудолюбивейших деятелей...»[15].

Состав кружка Добролюбова был политически неоднородным. В его левое крыло входили Н. А. Добролюбов, И. И. Бордюгов, Н. П. Турчанинов, Черняковский, В. Александрович, В. Тарановский, И. И. Паржницкий, Б. И. Сциборский, и с некоторыми колебаниями

---

[14] Б. И. Сциборский. Воспоминания о Н. А. Добролюбове. — «Литературное наследство», т. 25—26, стр. 306.

[15] Там же, стр. 306.

М. И. Шемановский и Янковский. В те годы на радикальных позициях еще стоял и пользовался значительным влиянием в кружке Д. Ф. Щеглов, в 1856 году порвавший с Н. А. Добролюбовым, а позднее переметнувшийся в лагерь реакции. Часть членов кружка, глубоко уважавших Добролюбова, тем не менее слабо верила в успех революционных путей и не изжила как и многие еще в те годы надежду на возможность уступок «сверху». К ним следует отнести А. А. Радонежского, К. П. Буренина, И. А. Копанасевича, Н. М. Михайловского и некоторых других.

О работе кружка в 1854—1857 гг. М. И. Шемановский писал: «С этого вечера (после случая с подачей протеста против поведения инспектора Тихомандрицкого. — **Р. Т.**) образовался из небольшого числа студентов нашего курса кружок, в котором читались и переписывались те сочинения, которые трудно было найти в нашей книжной торговле; переводились также некоторые сочинения с иностранных языков на русский. Решено было вносить небольшую плату каждым из нас для приобретения редких книг (преимущественно Герцена), на выписку русских журналов и газет. Всем этим главным образом руководил Добролюбов. Мы собирались иногда у наших бывших институтских товарищей, вышедших из института (Паржницкого и Сидорова) или у знакомых студентов Петербургского университета (Кельсиева и других) и медицинской академии. Вино и карты были совершенно изгнаны из этих собраний, время проходило в разговорах и спорах»[16].

Говоря о смысле деятельности Добролюбова в кружке в 1854—1857-х годах, М. И. Шемановский указывал, что главным в ней было служение «общему делу» и требование будить часть общества для участия в нем[17].

Эти замечания М. И. Шемановского подтверждаются самим Н. А. Добролюбовым. После одной из встреч со своим ближайшим другом И. И. Паржницким Н. А. Добролюбов (18 декабря 1855 г.) писал: «Мы затрагиваем великие вопросы и наша родная Русь более всего занимает нас своим великим будущим, для которого хотим

[16] Там же, стр. 274.
[17] Там же, стр. 275.

мы трудиться неутомимо, бескорыстно и горячо... Да, теперь эта великая цель занимает меня необыкновенно сильно...»[18]. Для него и в ту пору уже было очевидно, что только народная революция может явиться основой быстрого и устойчивого прогресса страны. Но она победит не скоро и с большими трудностями. Народ, — по его мнению, — еще темен, распылен, не подготовлен. Самоотверженных борцов за народное дело было очень немного. В отличие от Д. Ф. Щеглова, Б. И. Сциборского, М. И. Шемановского и других членов кружка, явно недооценивавших трудностей предстоящего переворота, Добролюбов глубже и реалистичнее разбирался в обстановке. Он понимал, что нужна сильная организация, своей кропотливой работой способная пробудить и объединить революционные силы страны.

«К несчастью, — указывал он в той же записи, — я очень ясно вижу и свое настоящее положение и положение русского народа в эту минуту, и потому не могу увлекаться обольстительными мечтами, какие позволяет себе Щеглов. Я чувствую, что реформатором, революционером я не призван быть... Не прогремит мое имя, не осенит слава дерзкого предпринимателя и совершителя великого переворота... Тихо и медленно буду я действовать, незаметно стану подготовлять умы; имение (если оно будет у меня), жизнь, безопасность личную я отдам на жертву великому делу, но — это тогда только, когда самопожертвование будет обещать верный успех...»[19].

Отлично сознавая ограниченность сил их кружка для решения столь сложной задачи, как пробуждение русского народа для революции, Добролюбов считал своим долгом быть чернорабочим в трудной, длительной работе по пробуждению революционного сознания у людей из народа и у лучшей части его образованного меньшинства. Иной награды за свой труд, кроме участия вместе с ними в успешном восстании против царизма и помещиков, Добролюбов для себя не желал. К указанной же роли он считал себя и подходящим, и подготовленным. «А между тем, что касается до меня, — с величайшей убежденностью писал он, — я как будто

[18] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 396—397.
[19] Там же, стр. 397.

нарочно призван судьбою к великому делу переворота!... Сын священника, воспитанный в строгих правилах христианской веры и нравственности, — родившийся в центре Руси, проведший первые годы жизни в ближайшем соприкосновении с простым и средним классом общества, бывший чем-то вроде оракула в своем маленьком кружке, потом — собственным рассудком, при всех этих обстоятельствах, дошедших до убеждения в несправедливости некоторых начал, которые внушены (были) мне с первых лет детства; понявший ничтожность и пустоту того кружка, в котором так любили и ласкали меня, — наконец, вырвавшийся из него на свет божий и смело взглянувший на оставленный мною мир, увидевший все, что в нем было возмутительного, ложного и пошлого, — я чувствую теперь, что более, нежели кто-нибудь, имею силы и возможности взяться за свое дело...»[20].

В дневниковой записи от 18 декабря 1855 года, которую мы имеем полное право называть первой программной декларацией Н. А. Добролюбова как революционного демократа, ополчившегося на битву против царизма и крепостничества, содержится еще ряд важных, принципиальных заявлений по коренным вопросам мировоззрения и планов на будущее. Из них особо следует отметить полный разрыв с религией. Добролюбов об этом заявил с предельной ясностью: «Меня постигло страшное несчастье — смерть отца и матери, — но оно убедило меня окончательно в правоте моего дела, в несуществовании тех призраков, которые состроило себе восточное воображение и которые навязывают нам насильно вопреки здравому смыслу»[21].

После 1855 года дневники и письма Н. А. Добролюбова показывают нам его как активного деятеля революционного-демократического лагеря. В одних он обращал внимание товарищей на людей, достойных политической обработки, в других — выступал в роли агитатора-пропагандиста, воспитателя революционеров: активизировал товарищей в общественной деятельности, воодушевлял на подвиги, помогал определять цели, методы борьбы. В заметках, озаглавленных «Закулисные

[20] Там же, стр. 397.
[21] Там же.

тайны русской литературы и жизни», относящихся к концу 1855 года, обращает на себя внимание особый интерес Н. А. Добролюбова к Н. Г. Чернышевскому и всему, что от него исходит.

В них говорится: «Чернышевский издал свою магистерскую диссертацию. В «Отеч(ественных) зап(исках)» № 6 написана очень дельная рецензия на нее: автор по словам самого Чернышевского,—Дудышкин»[22]. Добролюбов был знаком с программными работами Н. Г. Чернышевского («Эстетические отношения искусства к действительности», «Очерки гоголевского периода русской литературы») 1855—1856-х годов, полностью разделял выраженные в них взгляды и отстаивал их в спорах со своими знакомыми (например, с братом драматурга А. Н. Островского — М. Н. Островским)[23].

В 1855—1857-х годах Н. А. Добролюбов проявил себя прекрасным знатоком запрещенной литературы первой половины 1850-х годов: сочинений А. И. Герцена, П. Л. Лаврова и других. В заметке «Закулисные тайны русской литературы и жизни» он раскрыл историю процесса А. И. Герцена и Н. П. Огарева, освещенного первым из них в книге «Тюрьма и ссылка»[24].

В 1854 г. Н. А. Добролюбов обратил внимание на своего нижегородского знакомого М. Е. Лебедева, показавшегося ему честным и ищущим справедливости. Он встретился с ним несколько раз, рекомендовал читать произведения лучших русских писателей. В 1855 году он познакомил М. Е. Лебедева с весьма популярным тогда «запрещенным» стихотворением П. Л. Лаврова «Русскому царю». В 1856 году Добролюбов послал тетрадку сочинений А. И. Герцена в Нижний Новгород своему товарищу Ф. А. Василькову, некогда познакомившему его с письмом Белинского к Гоголю. Эта тетрадка в начале 1857 года вернулась к нему в Петербург вместе с М. Е. Лебедевым, привезшим ее с письмом от Ф. А. Василькова. После беседы с Лебедевым Н. А. Добролюбов записал в своем дневнике: «Два года тому назад читал я ему стихи «Русскому царю», он ужасался,

---

[22] Там же, стр. 398.
[23] Там же, стр. 479—480.
[24] Там же, стр. 402.

теперь он готов и даже стремится читать все, что только может указать ему истину, и просил меня руководить его чтениями. Увидим»[25]. Известны факты рекомендации Добролюбовым Лебедеву для прочтения «Истории развития революционных идей в России» и других произведений А. И. Герцена[26].

До нас дошли и другие примеры длительного воспитания Н. А. Добролюбовым в революционном духе лиц, признанных им подходящими для этой цели. «Вечером вчера, — записал он 8 января 1857 года, — зашел я к Решеткину.* Этот молодой человек успешно развивается. Некоторые догматические формы стоят еще в его голове нетронуты; но уважение к разумным убеждениям уже сильно в его душе. Мы толковали с ним о несоразмерности состояний, о роскоши, о браке, и он совсем не чуждается радикальных объяснений, которые я делал ему на этот счет. В глубине души он даже давно сочувствует им и смутно предугадывал их, но только прямо высказать боялся до сих пор»[27].

В ходе этой беседы Решеткин посоветовал Н. А. Добролюбову заняться еще одним студентом Петербургского университета — Левшиным, сыном А. И. Левшина, видного чиновника министерства государственных имуществ, литератора. «Судя по его (Решеткина. — **Р. Т.**) словам,—заметил по этому поводу Н. А. Добролюбов,— это (молодой Левшин. — **Р. Т.**) должен быть хороший человек, и не фанфарон, и не охреян, вроде Демидова»[28].

13 января 1857 года Добролюбов сделал в дневнике запись, подтверждающую его регулярные конспиративные связи со студентами восточного факультета Петербургского университета: «От Татариновых** полетел я к восточным студентам, где ожидала меня вторая книжка «Полярной звезды»... Тригоров, доставший ее где-то и с которым я в первый раз тут познакомился, очень милый и добрый человек, довольно, кажется, слабый характером и способный к увлечениям всякого рода, от природы,

---

[25] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 457.
[26] Там же, стр. 460.
* Решеткин — студент Петербургского университета.
[27] Там же, стр. 444—445.
[28] Там же, стр. 445.
** Дочери А. Н. Татаринова Н. А. Татариновой Н. А. Добролюбов давал уроки.

кажется, недалекий, но силящийся рассуждать серьезно и способный к внутреннему развитию... Другой из студентов, Киниани, ...должно быть сильная, но сдерживающая себя натура... Разумеется, я с ними толковал весьма мало, потому что передо мной был собеседник («Полярная звезда». — **Р. Т.**) поинтереснее»[29].

19 января 1857 года в дневнике зафиксирован разговор со студентом-филологом главного педагогического института Н. С. Преображенским. Направление идейного развития, на которое нацеливал Н. С. Преображенского Н. А. Добролюбов, определялось идеями Н. Г. Чернышевского. «Я толковал ему, — писал он, — о необходимости стать в ближайшее соприкосновение с жизнью и обратить свою наблюдательность на жизненные интересы, а не на отвлеченные воззрения и мертвую жизнь природы... Он понял мои убеждения и отчасти согласился. Я дал ему читать «Очерки гоголевского периода литературы»[30]. Среди вольнослушателей восточного факультета Петербургского университета Добролюбов отличал В. И. Кельсиева, считал его хотя и не способным к прочным привязанностям и к устойчивости в ведении какого-либо дела, но искренне готовым служить общественным интересам. Добролюбов, видимо, сыграл немалую роль в решении Кельсиева эмигрировать из России и принять участие в «Колоколе» и других начинаниях Герцена и Огарева. Наибольшая близость В. И. Кельсиева к Добролюбову, приходится на 1856—1857 годы. «Кельсиев.., — писал о нем Добролюбов, — ...человек серьезно мыслящий, с сильной душой, с жаждой деятельности, очень развитый разнообразным чтением и глубоким размышлением... С ним случалось мне просиживать по 5 часов, зашедши на полчаса за каким-нибудь делом... Он не пугается отвлеченных вопросов, но берет их, не разобщая с жизнью»[31].

Нельзя не упомянуть о поразительной проницательности Н. А. Добролюбова, разглядевшего еще в январе 1857 года сильные и слабые стороны В. И. Кельсиева, приведшие его сначала в ряды близких сотрудников

---

[29] Там же, стр. 451.
[30] Там же, стр. 459.
[31] Там же, стр. 459.

А. И. Герцена, а затем сделавшие ренегатом. После приведенной выше характеристики В. И. Кельсиева, Добролюбов подчеркнул его «излишнюю прихотливость в отношении к собственной жизни». Последняя выразилась в частой смене интересов и увлечений, смене профессий: сначала поступление на службу к американской кампании, увлечение китайским языком, затем интерес к естественным наукам, наконец, к славянской философии...» Добролюбов опасался того, что такая неустойчивость может погубить Кельсиева, что и произошло в действительности[32].

Весной 1856 года Н. П.Турчанинов познакомил Добролюбова с Н. Г. Чернышевским. Добролюбов сразу был высоко оценен Чернышевским как талантливейший оригинальный мыслитель со сложившимся революционным мировоззрением. Добролюбов же увидел в Чернышевском учителя, руководителя, вдохновителя, друга и старшего брата. В письме к Н. П. Турчанинову от 1 августа 1856 года Добролюбов подробно осветил ход своего сближения с Н. Г. Черышевским. В заключение он писал: «Я до сих пор не могу различать время, когда сижу у него... Толкуем не только о литературе, но и о философии, я вспоминаю при этом, как Станкевич и Герцен учили Белинского, Белинский — Некрасова, Грановский—Забелина и т. п. ...В моем смысле вся честь сравнения относится к Чернышевскому. Я бы тебе передал, конечно, все, что мы говорили, но ты сам знаешь, что в письме это не так удобно...»[33].

Насколько высоко оценивал Чернышевский самостоятельность и зрелость Добролюбова, видно из следующих фактов. В начале 1856 г. петербургский издатель А. Т. Крылов решил издать историко-литературный сборник. Он пригласил участвовать в нем видных писателей и ученых (Толбина, Данилевского, М. Михайлова и др.). Работа по составлению сборника затянулась. В сентябре 1856 года А. Т. Крылов попросил Н. Г. Чернышевского написать для указанного сборника статью о Пушкине и Державине. Чернышевский, сославшись на свою занятость, посоветовал пригласить для выполнения

[32] Там же, стр. 459—460.

[33] Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах, т. 1. М., 1890, стр. 313—320.

этого поручения Н. А. Добролюбова. Крылов так и поступил. Видя, что для ускорения издания сборника, приведения его в должный вид требуется хороший авторитетный редактор, Крылов попросил Н. Г. Чернышевского взять это на себя. Чернышевский опять выдвинул своего молодого друга, дав ему достойную аттестацию[34]. Это означало, что уже в конце 1856 года Н. Г. Чернышевский считал Добролюбова своим ближайшим помощником.

В 1856 году на материале статьи о «Собеседнике любителей российского слова»[35], издававшегося кн. Дашковой и Екатериной II в 1783—1784 годах, анализируя коренной вопрос — соотношение литературы и жизни — Добролюбов сделал программное заявление, характерное для представителя революционно-демократического лагеря. Литература, — подчеркивал он, — должна быть орудием переделки общества, одним из средств революционной борьбы.

«Молодое, развивающееся общество русское, — писал он, — чувствовало, конечно, само свое несовершенство, видело, что ему еще многое нужно у себя исправить и переделать. Но не в его воле было вдруг отрешиться от всех своих недостатков, имевших большею частью историческое происхождение, проникнувших весь характер народа и нередко связанных с самым общественным его устройством. Для этого нужно было время, приготовление; нужно было, чтобы появилось сначала сознание недостатков, чувство необходимости их исправления, сначала должно было теоретически овладеть умами, чтобы потом практически выразиться в жизни. Сатира явилась в этом случае могучим деятелем, как и всегда является она в обществе»[36].

Еще более открыто революционно-демократическая сущность мировоззрения Добролюбова нашла свое отражение в его стихотворениях, переписывавшихся им и его товарищами от руки и расходившихся, начиная с 1854—1855 годов, нелегально, таких, как «На 50-летний юбилей его превосходительства Н. И. Греча»; «Любовь»

---

[34] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 448—449.
[35] «Собеседник любителей российского слова».—«Современник», 1856, книжки VIII и IX.
[36] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 32.

и братство нас собрали...», «Дума при гробе Оленина», «Ода на смерть Николая I», «К Розенталю», «Годовщина», «Сила слова» и другие.

В 1856 — 1860-х годах революционные кружки Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, Казани и других городов уже использовали в целях революционной пропаганды политические стихотворения Н. А. Добролюбова. М. И. Шемановский в своих воспоминаниях о Н. А. Добролюбове в связи с широким распространением в Петербурге стихотворения «18 февраля» («Годовщина») замечает: «Это стихотворение ходило по Петербургу, как и многие другие, написанные Добролюбовым. Товарищи его делали списки и разносили по своим знакомым и таким образом распространяли их по городу. В 1860 г. бывши в Вятке, мне попалась в руки тетрадь запрещенных стихотворений одного семинариста тамошней семинарии. Перебирая, я встретил в ней два-три стихотворения, написанные Добролюбовым во время его студенчества. Так далеко расходятся эти стихотворения»[37].

Рост революционных настроений в стране в 1856 — 1857 гг., знакомство и сближение с Н. Г. Чернышевским, первые крупные успешные выступления в «Современнике», рост популярности нелегальных стихотворений, активная пропагандистская деятельность его лично и членов его кружка, вхождение в более широкий и влиятельный круг «Современника», группировавшийся вокруг Н. Г. Чернышевского, несомненно содействовали росту уверенности Н. А. Добролюбова в реальности революции в России, в неизбежности ее прихода и победы. По мере накопления политического опыта он глубже видел достоинства одних (И. Паржницкого, И. Бордюгова, М. Шемановского, Б. Сциборского и др.), фальшивость других (Сидорова, особенно Щеглова), пассивность третьих (Синев и др.). В январе 1857 г. назрел разрыв Добролюбова с Д. Ф. Щегловым. В дневниковой записи от 15 января 1857 года, анализируя свои разногласия с последним, Добролюбов обращается к большим принципиальным вопросам, разделявшим их. Щеглов — по его оценке — буржуазный демократ. Сам Добролюбов — со-

[37] «Литературное наследство», тт. 25—26, стр. 288.

циалист. «... С Щегловым, — писал он, — у нас общего только честность стремлений, да и то немногих. В последних целях мы расходимся. Я—отчаянный социалист, хоть сейчас готовый вступить в небогатое общество, с равными правами и общим имуществом всех членов; а он — революционер, полный ненависти ко всякой власти над ним, но признающий необходимым неравенство прав и состояний даже в высшем идеале человечества и восстающий против власти только потому, кажется, что видит нелепость Status quo* и признает себя выше ее. ...Идеал его — Северо-Американские Штаты. Для меня же идеал на земле еще не существует, кроме, разве, демократического общества,** митинг которого описал Герцен»[38].

Заявляя о своей приверженности к социализму А. И. Герцена, Н. А. Добролюбов подчеркнул, что он, как и все последовательные революционные демократы России 1850 — начала 1860-х годов были не только противниками сословной неравноправности, но и врагами эксплуатации человека человеком.

1856/57 учебный год был последним годом пребывания Н. А. Добролюбова в главном педагогическом институте. М. И. Шемановский, так писал об Н. А. Добролюбове этих лет: «Каждый из нас уж смотрел на него как на даровитейшего из всех нас, откровенно признавался в его превосходстве, обращался к нему за советом по всякому делу — в то время все студенты действительно любили эту могучую и талантливую натуру, а наш кружок просто-напросто — гордился им. Не раз ставили его в параллель профессорам и это сопоставление наполняло гордостью наши молодые сердца. В это время начиналась уже его литературная известность в «Современнике»... Он был вхож в литературный кружок Некрасова, Тургенева, Чернышевского, а перед этим кружком мы благоговели. С жадным любопытством рас-

---

* Status quo — существующее положение.

** Добролюбов имел в виду брошюру, опубликованную в 1855 году Вольной Русской типографией в Лондоне; «27 февраля 1855 года. Народный Сход в память переворота 1848 г.» В речи от 27 февраля 1855 года в Лондоне А. И. Герцен выдвинул свою идею о грядущем торжестве русского социализма.

[38] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 453.

спрашивали мы его об этих личностях, так занимавших нас и так возбуждавших к себе наши симпатии»[39].

Анализ развития мировоззрения Добролюбова в студенческий период и деятельности его кружка был бы не полон, если бы мы не упомянули об издании ими газет «Слухи» и «Сплетни» (вышел один номер в апреле 1857 г.).

«Слухи» — газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая», — как гласил ее подзаголовок, выходила с 1 сентября по 19 декабря 1855 года. По имеющимся сведениям вышло 19 номеров.

Объясняя свое название и направление, газета «Слухи» подчеркивала свою народность, стремление раскрывать сущность и проявления народного духа, содействовать благу народных масс. «В наш просвещенный век,— говорилось в ее первом номере, — уже не подвержена ни малейшему сомнению великая польза устных сказаний и современных заметок в многообразных отраслях наук исторических... Так называемое общественное мнение не есть ли выражение духа, направления и понятий народных в ту или другую эпоху?...»[40].

Изучение слухов, ходящих в народе, ценно тем, что позволяет узнать его интересы — цели, нужды, пожелания. А это создает возможность с большей пользой служить ему. Из множества намеков, рассеянных в газете, видно, что имеются в виду слухи, критические по адресу существовавшего режима. Их цель — уяснение недостатков в обществе и государстве. Ожидаемый от них результат — исправление существующего зла.

Во втором номере (5. IX. 1855 г.) «Слухов» в сатирическом тоне описывалась казенная церемония 30 августа 1855 года «по случаю празднования святого угодника божия» Александра Невского и, главное, по случаю именин имеющего быть помазанным от господа царя нашего Александра Николаевича». С явной издевкой описывался сам Александр II. «Царь был печален, худ и бледен, — вероятно, от сожаления о неучтивости французов, учтивейшего народа в мире, угостившего его ко дню ангела — взятием Севастополя. Но в эти горькие

[39] Материалы для биографии Н. А. Добролюбова. М. И. Шемановский. Воспоминания о жизни в главном педагогическом институте в 1853—1857 годах. — «Литературное наследство», тт. 25—26, стр. 294—295.

[40] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 429—430.

минуты особенно ярко выказалась народная доблесть народа русского. Впереди всего царского поезда ехал церемониймейстер и несколько гусар, приказывающих всему собравшемуся народу снимать шапки и кричать «ура». Вся толпа выказала обычное послушание и громкое «ура» огласило воздух»[41]. В следующей фразе раскрылось подлинное отношение «Слухов» и к торжественной церемонии и к тому, в честь кого она была организована. «Хорошо еще, что он (т. е. царь Александр II. — **Р. Т.**) не знаком с восточными языками: что, если бы он знал, что «ура» с татарского значит — бей!!! А ведь этот возглас относится прямо к нему...»[42].

Номера третий и седьмой «Слухов» от 11 сентября и 6 октября 1855 года посвящены Иосифу Розенталю. Члены кружка Добролюбова поддерживали любое выступление, направленное на организацию восстания во имя освобождения народов России от пут царизма и крепостничества.

В «Слухах» поднимались преимущественно вопросы, имевшие всероссийское значение. Четвертый номер газеты был посвящен ходившим по рукам эпиграммам А. С. Пушкина. Особое значение Пушкина как «свободного поэта» Добролюбов видел в его оде «Вольность», послании к декабристам, «Моя родословная» и ряде сатирических стихов. В том же номере «Слухов» пересказывался очерк А. И. Герцена о Полежаеве (из его книги «Тюрьма и ссылка»)[43].

Пятый номер «Слухов» (от 26 сентября 1855 года) посвящен разоблачению безобразий, творившихся в царской армии в Крыму.

В одном из номеров газеты дана убийственная оценка деспотизма и произвольных действий только что скончавшегося Николая I, рассказано о радости, с которой эта весть была принята в обществе и в народе[44]; в другом помещена статья, раскрывавшая поистине баснословную распущенность, царившую при дворе в царствование Николая I.

Одним из наиболее интересных номеров «Слухов» был девятый от 17 октября 1855 года, посвященный

[41] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 431.
[42] Там же, стр. 431.
[43] Там же, стр. 434—435.
[44] Там же, стр. 438—439.

целиком декабристам. В статье «Тайные общества в России» в 1817—1825 гг. дан очерк возникновения «Союза спасения», «Союза благоденствия», «Северного» и «Южного» обществ, и «Общества соединенных славян», сообщалось об их организаторах, руководителях, целях, устройстве, отношении к монархии, о предательстве Майбороды. Критикуя декабристов, газета указывала, что поскольку дело было поставлено так, что солдаты не знали целей восстания, «с такими деятелями нельзя было ждать успеха... Судьба их всех известна, конечно, читателям»[45].

Газета «Слухи» по своему назначению была органом кружка Добролюбова и служила орудием политического воспитания в революционно-демократическом духе его членов и близких к ним студентов. При изучении газеты выпукло вырисовывается роль Н. А. Добролюбова, как идеолога, подлинного вожака и воспитателя членов кружка. В составе кружка были талантливейшие пропагандисты (Б. Сциборский, И. Бордюгов и др.), замечательные организаторы — конспираторы (И. И. Паржницкий), но среди них не было равного Добролюбову по силе теоретической мысли, глубине влияния на товарищей, идейному и моральному авторитету.

Прекращение издания «Слухов» в конце 1855 года было связано с расширением масштабов деятельности Добролюбова, осознанием им мысли, что только общероссийская борьба способна привести революционные организации к победе. Центр его работы переместился в «Современник», в котором он занял вскоре видное и и влиятельное положение.

Вместе с Н. Г. Чернышевским Н. А. Добролюбов участвовал в разработке программных положений демократической революции в России (критика крепостничества и самодержавия, разоблачение либералов, обоснование необходимости революционного пути и т. д. (См. его работы «Собеседник любителей российского слова», «О степени участия народности в развитии русской литературы», «Что такое обломовщина», «Темное царство», «Когда же придет настоящий день?», «Черты для характеристики русского простонародья», «Луч света в

[45] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 443—444.

темном царстве», «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» и др.). Огромен вклад Добролюбова в пропаганду социалистических идей, в борьбу за освобождение трудящихся от всех видов эксплуатации («Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым», «Роберт Овэн и его попытки общественных реформ» и т. д.).

Наконец, значительно место Н. А. Добролюбова и в непосредственной конспиративной работе штаба революционно-демократического лагеря в России. Подтверждение этому мы имеем от самого Чернышевского. В «Прологе», характеризуя свои взаимоотношения с В. А. Левицким (под этим именем выведен Добролюбов), Волгин (исследователи отождествляют его с Н. Г. Чернышевским) прямо говорил, что Левицкий—единственный человек, которого он может взять к себе в помощники[46].

В разговоре о неизбежности и близости в России революции Волгин предупредил Левицкого о том, что он должен беречь себя для того, чтобы быть одним из ее руководителей. Неоднократно обсуждали и вопрос о необходимости подбирать и воспитывать кадры революционеров Волгин (Чернышевский) и Левицкий (Добролюбов): «Для чего, — читаем мы в дневнике Левицкого, — хорошо иметь много приятелей? Для того, чтобы иметь наготове людей, когда начнутся серьезные дела»[47].

Весной 1857 года кружок Н. А. Добролюбова в главном педагогическом институте в старом виде перестал существовать. Прежде всего, большая часть его членов, окончив институт, выехала к местам своего назначения (И. И. Бордюгов — в г. Змиев Харьковской губернии; Б. И. Сциборский — в Новгород; М. И. Шемановский — в Вятку; В. Львов — в Кишинев; Черняковский — в Кострому; А. Ф. Радонежский — в Новочеркасск; А. Александрович — в Сувалки, Августовской губернии; Августин Янковский—в Варшаву и т. д.). И. И. Паржницкий, Г. М. Сидоров еще раньше ушли из педагогического института (Г. М. Сидоров — в Петербургский университет, И. И. Паржницкий — в Медико-хирургическую академию). В Петербурге остались немногие (Я. и Н. Михай-

---

[46] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 13. М., ГИХЛ, 1949, стр. 103.

[47] Там же, стр. 221.

ловские, Д. Ф. Щеглов, Г. М. Сидоров и некоторые другие).

На распад кружка повлияла также клевета на Добролюбова со стороны начальства. После издевательской «благодарности» за «внимание», с которой он перед окончанием института обратился к директору И. И. Давыдову, последний, ненавидевший Добролюбова как «смутьяна» (автора разоблачительного письма в Министерство просвещения), отомстил ему. Он распустил клеветнический слух, будто Добролюбов приходил к нему выпрашивать протекции и ради этого «валялся у него в ногах». Д. Ф. Щеглов в письмах к некоторым из товарищей тоже наклеветал на Добролюбова, утверждая, будто он вошел в знакомство с генералами и подлаживается к ним. Это привело к тому, что даже Н. П. Турчанинов, М. И. Шемановский, Б. И. Сциборский и некоторые другие отвернулись от Добролюбова. Из гордости и возмущения тем, как столь хорошо знавшие его люди оказались способны усомниться в нем, Добролюбов не стал оправдываться. Только в 1859 году это недоразумение рассеялось, и былое сотрудничество возобновилось.

В 1858—1859 гг. лично и через товарищей Н. А. Добролюбов, одновременно с сотрудничеством в «Современнике», вел активную пропагандистскую и организаторскую работу среди студенчества, учащихся военных академий и среди офицеров-преподавателей военных учебных заведений. Виднейшим его помощником в этом деле был И. И. Паржницкий. Из воспоминаний Добролюбова и их общих друзей известно, что И. И. Паржницкого толкнул на борьбу против царских властей протест против религиозных преследований, которым он подвергался с детства как выходец из униатской семьи. Насильственное обращение в православие породило в нем недоверие не только к правительству, но и ко всему русскому, содействуя развитию националистических чувств. После гимназии он поступил в Одесский лицей, но через год перевелся в Петербургский университет. Выходец из бедной семьи (его братья и он сам жили на 4—6 рублей в месяц), И. И. Паржницкий через полтора года пребывания в университете (осенью 1854 года) вынужден был перевестись на казенное содержание в главный педагогический институт. Он был человеком одаренным, образованным, начитанным, свободно вла-

девшим четырьмя иностранными языками, прекрасным математиком, осведомленнейшим в европейской литературе социологом.

После того, как он наголодался в Петербургском университете, в первые месяцы пребывания в Главном педагогическом институте Паржницкий пытался ладить с начальством и держаться в стороне от выступлений учащихся против администрации. Но когда студенты под руководством добролюбовского кружка подали в конце 1854 года жалобу на инспектора Тихомандрицкого, И. И. Паржницкий не устоял и примкнул к ним. У него начались стычки с директором института И. И. Давыдовым и другими представителями институтской администрации, в которых он не давал своим противникам спуску.

Паржницкому пришлось уйти из Главного педагогического института. Вскоре после смерти императора Николая I, он во время прогулки Александра II на набережной Невы передал ему прошение с просьбой о переводе в Медико-хирургическую академию. Просьба была удовлетворена. В академии Паржницкий среди студентов-поляков (их было около 40 процентов всего состава) и среди русских, развернул активную политическую работу. М. И. Шемановский писал о нем следующее: «Есть натуры, для которых введение социальных идей в жизнь составляет как бы цель их собственной жизни. В какое бы положение они не были поставлены, как бы ни старались они себя уединить, отдернуть от этого стремления их природы занятиями по части наук не социальных, но природа берет свое; покрепятся, покрепятся, да и прорвутся, и прорвутся страшно, начисто. Куда бы судьба их ни забросила, везде они сумеют найти людей, пробудить и в них эти идеи, сумеют составить без всякого намерения, с своей стороны почти бессознательно, из них общество с определенным социальным взглядом... Люди эти — предтечи будущего социального устройства, будущего, но недалекого, близкого. Старый, дряхлый организм общественного устройства сам родит их из себя, воспитывает в них свою смерть и свое возрождение в обновленном виде. Такой органической клеточкой был П(аржницкий)»[48].

[48] «Литературное наследство», том 25—26, стр. 282.

Товарищи подчеркивали в нем боевитость, прирожденный организаторский талант, умение любой, самый трудный вопрос, поставить на практическую почву. В этом отношении кружковцы сравнивали его даже с Добролюбовым, с которым он был необычайно близок и дружен. В своих воспоминаниях М. И. Шемановский писал: «Он не занимался отвлеченными социальными вопросами.., но если жизнь представляла ему практически решить вопрос, в своем решении, в своих действиях он высказывался социалистом. Это был человек практического дела, боец жизни, презиравший всякое бесплодное словопрение. Он был совершенною противоположностью с Сидоровым: ни капли восторженности, ни капли честолюбия. С этой стороны он схож был с Добролюбовым»[49].

Паржницкий быстро сколотил из наиболее развитой политически части студентов Медико-хирургической академии кружок, который в несколько месяцев сплотил и поднял большинство студентов на борьбу против безобразий начальства, обкрадывающего их. На сходках отредактировали и согласовали текст жалобы на президента академии В. В. Пеликана, адресованной Александру II. Студенты выбрали четырех депутатов во главе с И. И. Паржницким для передачи жалобы царю. Жалоба была принята. Безобразия в ней отмеченные — подтвердились. Но...! Наказаны были депутаты за то, что не соблюли принципа передачи жалобы по инстанции. Они были высланы фельдшерами по провинциальным госпиталям.

В 1856 году, во время коронации Александра II, по ходатайству его лейб-медика Енохина, студенты-фельдшера были амнистированы. И. Паржницкий получил разрешение продолжить образование в Казанском университете. И там И. Паржницкий принял активное участие в политической работе среди студентов. При его активном участии студенты Казанского университета, руководимые своим политическим кружком, добились ухода из университета крайне непопулярного инспектора И. И. Ланге, и заставили поставить на эту должность более приемлемого для них адъюнкта Э. П. Янишевского. Начальство учебного округа, проведав о роли в этих

[49] «Литературное наследство», том 25—26, стр. 282.

делах Паржницкого, исключило его из университета. Вернувшись в Петербург, он пытался восстановиться в Медико-хирургической академии, но безуспешно. В месяцы ожиданий он занимался переводом «Фармации» Кляруса и «Целлюлярной патологии» Вихрова, а также вел пропагандистскую работу среди студентов академии, здесь он установил контакт с одним из популярнейших в 1858—1862 гг. революционных вожаков студенчества— С. С. Рымаренко.

В письме к В. О. Португалову от 21 мая 1859 года С. С. Рымаренко среди других вопросов сообщил и о своем знакомстве с И. И. Паржницким и с одним из его двоюродных братьев. Столкнулся Рымаренко с ними в связи со своим стремлением объединить в Медико-хирургической академии в единый поток польское и русское освободительное движение. В этом своем стремлении он получил поддержку от И. И. Паржницкого, но имел серьезные расхождения во взглядах с его братом Александром, настроенным в духе польского национализма. О первых итогах этой работы он писал В. О. Португалову следующее: «Ваша история с поляками показывает, как трудно слияние и единение, как часто сталкиваются и неприятно отталкиваются интересы двух национальностей, которым было бы хорошо идти вместе. А кто виноват? Тут сам черт ничего не разберет!.. Я здесь знаком со многими поляками и неким Паржницким, ходившим некогда с жалобою к Александру на дурное правление Академии при Пеликане. Он был 1/2 года фельдшером, потом прощен и поступил в Казанский университет, произвел эмансипацию студентов от родительских попечений начальства и был выжит последним; теперь он едет за границу оканчивать курс на деньги, которые он выручит за свой перевод фармации Кляруса. Но я более знаком с его братом, с которым мы насколько сходимся, настолько и расходимся. Односторонний человек, бог с ним...»[50].

Приведенные факты рисуют И. И. Паржницкого как настоящего революционера, умевшего необычайно быстро завязывать революционные связи с членами тайных революционных организаций—Харьковско-Киевской (че-

[50] ЦГАОР, ф. 112 и, оп. 1, 1862 г., д. 23, т. 3, лл. 122 об.—123.

рез Рымаренко), Казанского университета, Медико-хирургической академии.

И. И. Паржницкий как член кружка Добролюбова действовал всюду, где ему приходилось жить и работать и как своего рода агент этого кружка. Его переписка с членами кружка и лично с Добролюбовым об этом свидетельствуют достаточно убедительно. Уезжая из Петербурга в ссылку в госпиталь в Тавастгус, он обратился к товарищам с письмом, в котором, между прочим, говорилось: «Прощайте, любезные математика и филология, может быть долго не увидимся... Я желал с вами добра и истины и если мы не успели еще доселе ничего сделать, то все-таки вина не наша, а наши плохие обстоятельства, которыми владеть мы не привыкли, не умеем встать выше их — самопожертвование приходит не вдруг в душу и достигает до нее только постепенно. Впрочем **наше** впереди, лишь бы только не увлечься нам общею болезнью нашего века — стремлением к комфорту»[51].

Дальше он рекомендовал товарищам обратить внимание на студента 2 курса Л. (по предположению С. А. Рейсера, речь шла о студентах главного педагогического института А. Левицком или В. Лукашевиче)[52]. «Есть еще у меня, — добавлял он, — личностей восемь на примете, да за тех примусь я по моем возвращении из Патмоса, где не был ни один из апостолов»[53].

Из сохранившихся писем И. И. Паржницкого к Добролюбову 1856—1857 годов видно, что центральной темой их переписки была общественная деятельность. Хотя письма Добролюбова к И. И. Паржницкому до нас не дошли, из ответов Паржницкого можно догадаться о содержании их переписки. Отвечая на письмо Паржницкого от 18 июня 1856 года, Н. А. Добролюбов и его друзья обстоятельно проинформировали своего товарища обо всем, что делалось их кружком, что ими планировалось на будущее.

Письмо глубоко и радостно взволновало Паржницкого. Отвечая на него, он писал: «Николай Александрович... письмо твое такого содержания, что нельзя на

---

[51] «Литературное наследство», тт. 25—26, стр. 285.
[52] Там же, стр. 299.
[53] Там же, стр. 285.

него не отвечать отдельно, и, уже судя по этой выставленной причине, ты легко можешь себе представить, какое впечатление произвело оно на меня. Да, прекрасны новости тобою рассказанные, прекрасны должны быть надежды, которые я отчасти угадываю. Будем же надеяться»[54].

Будучи в Казани, И. И. Паржницкий получил от Добролюбова письмо, излагавшее печальную историю его разрыва со Сциборским, Турчаниновым и другими вследствие клеветы Давыдова и Щеглова. Выражая Добролюбову свою солидарность, И. И. Паржницкий подчеркнул, что переживал негодование «при мысли, что бессмысленный сплетник в состоянии уничтожить согласие и доверие между людьми, для коих первым условием деятельности должны быть совершенная уверенность во взаимной честности и благородстве поступков». Как подлинный революционер И. И. Паржницкий схватил главную суть размолвки между Добролюбовым и частью товарищей, увидев ее в том, что подрыв, хотя бы на время, взаимного доверия исключал возможность ведения ими совместной революционной работы. «Да, — писал он, — тяжело, мой друг, вспоминать, а тем более выслушивать требования объяснений, отзывающиеся подозрением честности. Сознаюсь, что всякое хладнокровие и терпеливость должны тут лопнуть: тут видишь не одну личную обиду, а невозможность положиться на людей, которым хотелось бы доверять даже больше, чем самому себе, если это возможно»[55]. И. И. Паржницкий просил Добролюбова охарактеризовать позиции, занятые к тому времени всеми членами их кружка, чтобы соответственно этому определить отношение к каждому из них.

Н. А. Добролюбов отвечал И. И. Паржницкому взаимностью, считая его близким другом и настоящим революционером. «Я, признаюсь, — писал он 14 января 1857 года, — более люблю Паржницкого, которого... 10 числа проводил я в Казань. Это — благородный человек, с энергетическим постоянным желанием добра и участия к бедным ближним. Даже польские его предрассудки начинают теперь пропадать, когда он нашел любовь и сочувствие между русскими. Он ужасно много

[54] «Литературное наследство», тт. 25—26, стр. 331.
[55] Там же, стр. 338.

потерпел и приобрел энергию и опытность, каких мне может быть никогда не удастся приобрести»[56].

Однако в середине 1859 года отношение И. И. Паржницкого к Добролюбову и его товарищам стали несколько холоднее. Отказ властей восстановить его в Медико-хирургической академии и предшествующие гонения резко ожесточили его не только против царизма, что было естественно, но и породили известный рецидив национализма. Это несколько охладило отношения Паржницкого с Добролюбовым и его друзьями, размолвка между которыми к тому времени уже была позади. Вскоре Паржницкий уехал доучиваться в Берлин, после чего известия о нем прекратились.

* * *

Кружок Н. А. Добролюбова — И. И. Паржницкого, просуществовал с 1854 по 1857 годы включительно. Это был несомненно антиправительственный кружок четко выраженного революционно-демократического направления, разделявшегося большинством его участников. Как и многие другие кружки тех лет, кружок Добролюбова—Паржницкого, начав с работы по идейно-теоретическому, философско-политическому самообразованию своих членов на произведениях А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, русских и западноевропейских философов-материалистов (Л. Фейербаха, Герцена, Чернышевского и т. д.) и утопических социалистов, не остановился на этом. В 1855—1857 гг. главным в его деятельности стала пропаганда революционно-демократических идей—свержение самодержавия, ликвидация крепостничества и всех его проявлений, провозглашение республики, политической, социальной, национальной свободы и равенства всех народов России, борьба за утверждение в стране общинного социализма. Но в отличие от утопистов Запада, путь к победе нового строя и к решению всех своих задач члены кружка Добролюбова—Паржницкого видели не в реформаторском мирном сотрудничестве богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых, а в организации и осуществлении народной крестьянской революции, в восстании трудящихся против «дармоедов».

---

[56] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 396—397, 454.

От чтения и обсуждения прогрессивной и революционной литературы (русской и иностранной) члены кружка в 1855—1857 гг. перешли к прямой пропаганде революционно-демократической идеологии среди студентов (гражданских, военных и духовных учебных заведений) Петербурга, Казани, Москвы, Киева, Вятки, Вологды и других городов России. Формами этой пропаганды, как мы показали, были — распространение и разъяснение произведений А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, революционных стихотворений Н. А. Добролюбова; издание антиправительственных рукописных газет «Слухи» и «Сплетни».

Кружок Добролюбова—Паржницкого осуществил ряд удачных попыток организации студентов на открытые выступления против своего непосредственного начальства. В описываемом кружке получили или завершили свое идейное политическое воспитание Н. А. Добролюбов и его единомышленники: И. И. Паржницкий, И. И. Бордюгов, Б. И. Сциборский, Н. П. Турчанинов и др.

Некоторые студенты и офицеры столицы, не без влияния Н. А. Добролюбова и его товарищей (бр. Кельсиевы, Кипиани, Решеткин, Лебедев, С. И. Сераковский, О. Ф. Станевич, Н. Н. Обручев и др.) в той или иной форме приняли участие в освободительном движении в Петербурге, Польше и во многих городах России. Несомненно также влияние этого кружка на возникновение других студенческих и офицерских кружков столицы и других районов страны. Но это уже самостоятельный вопрос, выходящий за рамки избранной темы.

Д. В. ГАВРИЛОВ

КАЗЕННЫЕ ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв. (1861—1904 гг.)

В пореформенный период вопрос об уральских казенных горных заводах неоднократно, особенно в 60-е годы и в конце XIX — начале XX вв., вызывал в местной, уральской и в общероссийской печати оживленные, острые дискуссии, результатом которых были не только

многочисленные газетные и журнальные статьи, но и специальные исследования (работы В. П. Безобразова, В. Д. Белова и др.)[1]. Проблемы казенных заводов нашли в то время широкое отражение и в трудах, посвященных исследованию уральской горнозаводской промышленности в целом (работы Д. И. Менделеева, А. Н. Митинского, И. Х. Озерова и др.)[2].

Такое повышенное внимание современников к уральским казенным заводам в значительной степени объясняется их особым местом в экономике страны. «Ничто не вызывало среди либерально настроенной буржуазии, занимавшейся вопросами, связанными с уральской металлургией, такого раздражения, как сохранение за казной горных заводов», — отмечает М. П. Вяткин[3]. Почти все буржуазные историки и экономисты, писавшие в дореволюционное время об уральских казенных заводах, резко критиковали организацию их хозяйства, выступали против сохранения заводов в руках казны, предлагали реорганизовать деятельность казенных заводов на коммерческих основаниях или продать их частным предпринимателям.

Великая Октябрьская социалистическая революция, передав в руки народа казенные заводы и предприятия частных капиталистов, тем самым сняла с повестки дня и «проблему» уральских казенных заводов.

В советское время уральские казенные горные заводы периода промышленного капитализма не привлекали серьезного внимания историков. Некоторые сведения о них содержатся лишь в общих работах об уральской горнозаводской промышленности (работа С. П. Сигова[4]

---

[1] В. П. Безобразов. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. Изд. комиссии для пересмотра системы податей и сборов. СПб, 1869; В. Д. Белов. Записка об уральских казенных горных заводах. СПб, типография И. Гольдберга, 1894.

[2] Уральская железная промышленность в 1899 году. Под редакц. Д. И. Менделеева и др. СПб, 1900; А. Н. Митинский. Горнозаводский Урал. СПб, типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909; И. Х. Озеров. Горные заводы Урала. М., типография И. Сытина, 1910.

[3] М. П. Вяткин. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.—Л., «Наука», 1965. с. 36.

[4] С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, Свердлгиз, 1936.

и др.) и в первом томе незавершенного издания о металлургических заводах на территории СССР с XVII века до 1917 г.[5] В монографии М. П. Вяткина довольно подробно проанализирована экономическая деятельность уральских казенных заводов в период империализма[6].

Необходимость более глубокого и обстоятельного изучения экономики царской России и социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, развернувшаяся в последние годы среди советских историков дискуссия о многоукладности экономики дореволюционной России заставляют нас более пристально присмотреться к уральским казенным горным заводам, явно выделявшимся как особый, своеобразный вид хозяйства, выяснить роль и место уральских казенных горных заводов в экономике царской России.

К моменту падения крепостного права казне принадлежали на Урале 6 горнозаводских округов: Екатеринбургский, Златоустовский, Гороблагодатский, Богословский, Пермский и Воткинский. Вскоре после отмены крепостного права, в 1865 г., в казну был приобретен от Бенардаки Вятский округ.

В дореформенный период почти все уральские казенные горные заводы, наряду с выплавкой чугуна и приготовлением железа, изготовляли предметы вооружения. На Каменском и Верхне-Туринском заводах отливались чугунные гладкоствольные пушки, на Кушвинском, Баранчинском, Верхне-Туринском, Каменском, Нижне-Исетском, Златоустовском, Саткинском и Кусинском — чугунные снаряды. Златоустовская оружейная фабрика выделывала ружейные стволы и холодное оружие (сабельные клинки, кинжалы и т. д.), Воткинский завод изготовлял суда, якоря и цепи. Уральские казенные заводы, технически отсталые, применявшие преимущественно малопроизводительный крепостной труд, не справлялись с военными заказами, что особенно ярко проявилось в период Крымской войны 1853—1856 гг. Многие виды вооружения, изготовлявшегося на уральских ка-

---

[5] Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 г. Т. 1. М.—Л., изд-во АН СССР, 1937.

[6] М. П. Вяткин. Указ. соч.

зенных заводах, были устаревшими и низкого качества.

После Крымской войны, так ярко выявившей технико-экономическую отсталость царской России, правительство вынуждено было начать перевооружение армии и флота более совершенными образцами артиллерийского и стрелкового оружия. Программа перевооружения предусматривала в первую очередь замену гладкоствольного оружия нарезным. В связи с этим было решено массовый выпуск чугунных гладкоствольных пушек прекратить и начать изготовление стальных нарезных орудий.

Еще в начале 50-х гг. управитель Златоустовской оружейной фабрики П. М. Обухов изобрел способ приготовления литой тигельной стали, превосходившей по упругости и вязкости лучшие заграничные сорта, и разработал проект производства орудий из этой стали. В Златоусте началось строительство Князе-Михайловской сталепушечной фабрики с 130 горнами и приспособлениями для отливки орудий. В 1860 г. Обухов изготовил первую стальную пушку, показавшую на испытаниях высокие боевые качества. Однако вскоре правительство пришло к заключению, что массовое производство стальных орудий на Златоустовском заводе не может быть организовано ввиду неблагоприятных условий их доставки в центральные районы страны и недостатка лесов в заводских дачах. Деятельность Князе-Михайловской фабрики была приостановлена, а П. М. Обухов отозван в Петербург[7].

Несколько позднее Князе-Михайловская сталепушечная фабрика была совсем закрыта. Д. К. Чернов, осматривавший в 1880 г. заброшенную фабрику, обнаружил в пустовавших помещениях лишь ряды больших стальных пушечных болванок, немых свидетелей головотяпства чиновников горного ведомства. «Сколько средств потрачено, сколько надежд возлагалось на этот завод..., — с горечью писал Д. К. Чернов. — И вот те-

---

[7] Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 г., т. 1, с. 343—344; П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., изд-во Московского университета, 1952, с. 146—150.

герь вместо пушек лежат, и, вероятно, долго еще будут лежать в назидание потомству, ряды негодных болванок»[8].

Для изготовления стальных орудий для полевой артиллерии и чугунных орудий больших калибров для береговой артиллерии было решено построить новые заводы на левом берегу Камы, в четырех верстах севернее г. Перми, недалеко от закрытого в 1863 г., за истощением близлежащих рудников, казенного Мотовилихинского медеплавильного завода. Выбранное место обеспечивало хорошие условия для доставки продукции заводов в центр страны по судоходной Каме, было удобно для получения с уральских заводов путем сплава по реке Чусовой чугуна и других сырых материалов, находилось недалеко от каменноугольных месторождений западного склона Урала, позволяло использовать рабочую силу, помещения и лесные дачи закрытого Мотовилихинского медеплавильного завода. В 1863 г. здесь был заложен Пермский сталепушечный завод, а в 1864 г. рядом с ним — Пермский чугунопушечный[9].

Строительство обоих заводов велось быстрыми темпами. Уже в 1863 г. сталепушечный завод изготовил первое пробное стальное орудие, а в 1865 г. выпустил 80 стальных орудий. На заводе было установлено 120 сталеплавильных горнов, 5 паровых молотов. Завод был оснащен современным по тому времени оборудованием. Несмотря на встретившиеся при переходе к серийному производству трудности (вследствие невозможности обеспечить правильную сортировку черновых материалов и равномерный нагрев металла сталь имела крупнозернистую сыпь — признак недостаточной вязкости металла, были случаи разрыва стволов), завод преодолел их и во второй половине 60-х гг. успешно освоил производство высококачественной стали и орудий из нее. Сначала завод изготовлял орудия малых и средних калиб-

---

[8] Д. К. Чернов. Взгляд на положение железных заводов на Урале.— «Записки императорского русского технического общества», 1881, вып. 1, с. 28.

[9] Государственный архив Пермской области (ГАПО), ф. 276, оп. 2, д. 27, лл. 27—28 об.; Краткие сведения о Пермских пушечных заводах. Пермь, типография П. Ф. Каменского, 1899, с. 1—2.

ров, а с 1870 г. перешел к изготовлению орудий крупных калибров — 8- и 9-дюймовых (203 и 228 мм)[10].

Построенный рядом со сталепушечным чугунно-пушечный завод сначала отливал 12- и 24-фунтовые (4,8- и 6-дюймовые) пушки, а затем начал выпускать 8-дюймовые (203 мм) мортиры и 11-дюймовые (279 мм) пушки. В 1869 г. по отдельному заказу морского ведомства на заводе была изготовлена колоссальная 20-дюймовая (508 мм) чугунная гладкоствольная пушка, предназначенная для стрельбы по «панцирным» судам (броненосцам), которая весила 2800 пудов (45,8 тонны) и заряжалась с дула круглыми ядрами весом по 28 пудов (458 кг). Однако вскоре такие громадные пушки заказывать больше не стали ввиду их недостаточной меткости. В 1871 г. сталепушечный и чугунно-пушечный заводы были слиты в один завод, получивший официальное название «Пермские пушечные заводы». В обыденной жизни завод стали называть просто Пермским пушечным, или — еще чаще — Мотовилихинским[11].

Изготовление на Пермском пушечном заводе орудий крупных калибров потребовало перестройки заводских устройств. В 1875 г. по проекту и под руководством инженера Н. В. Воронцова для проковки слитков большого веса (до 3000 пудов) на заводе был изготовлен паровой молот мощностью 50 тонн, способный доводить силу удара при действии верхнего пара до 120 тонн. Вплоть до конца XIX века этот молот считался самым мощным в мире. Важной особенностью молота был его чугунный стул — шабот, который весил 38 000 пудов (630 тонн) и был не составной, а цельный, что явилось большим новшеством в мировой технике того времени. В этот же период завод переходит от выплавки тигельной стали в горнах к выплавке ее в регенеративных печах Сименса. В 1876 г. на заводе было введено мартеновское производство. Изготовление чугунных орудий продолжалось до 1879 г., когда от них окончательно отказались. После этого завод стал изготовлять только стальные орудия средних и крупных калибров. Кроме приготовления орудий, завод почти с самого основания

[10] ЦГИА, ф. 40, оп. 2, 1866, д. 62, лл. 145—146; Краткие сведения Пермских пушечных заводах, с. 2.

[11] ГАПО, ф. 276, оп. 2, д. 27, лл. 29—30.

(с 1867 г.) изготовлял артиллерийские снаряды, сначала чугунные, а затем, с 1885 г., и стальные разных калибров и типов, в том числе и бронебойные[12]. К концу 70-х годов Пермский пушечный завод представлял крупное, технически хорошо оснащенное предприятие с 3 тысячами рабочих. «Завод этот, — писал Д. К. Чернов, посетивший Пермский завод в 1880 г., — снабжен богато всем, что только нужно для сталепушечного дела в современном его состоянии»[13].

В начале 60-х гг. намечалось организовать производство стальных орудий и на Воткинском заводе. С этой целью на заводе были установлены 20 горнов для отлизки пушек, но вскоре эти работы были прекращены, так как было решено все производство пушек сосредоточить на Пермских заводах. Завод подвергся частичному переоборудованию и с 1868 г., кроме судов различных типов, стал выпускать паровозы. В начале 70-х гг. Воткинский завод первым на Урале ввел мартеновское производство. В 1862 г. на Каме, у Усть-Реченской пристани, началось строительство вспомогательного к Воткинскому Камского броневого завода, предназначенного для производства броневых плит для судов русского военно-морского флота. В 1864 г. завод был пущен в строй, но уже вскоре, в 1879 г., был закрыт, так как потребность в таких плитах отпала, а изготовление железа на заводе оказалось убыточным[14].

Заводы Гороблагодатского и Екатеринбургского округов обладали огромными лесными дачами и богатыми запасами руд, но доставка орудий со Среднего Урала в то время, ввиду отсутствия железных дорог, была крайне затруднительной. Поэтому изготовление чугунных пушек на заводах Среднего Урала в 60-х гг., с постройкой Пермских заводов, было окончательно прекращено. Лишь на нескольких заводах (Верхне-Туринском, Баранчинском и Каменском) было сохранено производство снарядов. Заводы Среднего Урала стали в основном только изготовлять чугун и железо для казенных ве-

---

[12] ГАПО, ф. 276, оп. 2, д. 27, лл. 30—31; Краткие сведения о Пермских пушечных заводах, с. 2—3.

[13] Д. К. Чернов. Указ. статья, с. 25.

[14] Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 г., т. 1, с. 210—214.

домств и снабжать чугуном Пермский, Воткинский и Ижевский заводы.

Таким образом, в пореформенный период произошло перемещение центров военной промышленности со Среднего Урала в Прикамье и изменение профиля большинства казенных горных заводов. К 70-м гг. из всех уральских казенных горных заводов только два — Пермский пушечный и Златоустовская оружейная фабрика — выпускали преимущественно военную продукцию и сохранили характер военных заводов. Остальные заводы или совершенно не производили предметов вооружения или производили их в небольшом количестве, приобретая все более профиль обыкновенных металлургических предприятий.

Последствием этих изменений было то, что Пермский завод, окруженный вниманием и заботой правительства, рос и совершенствовался, а чугуноплавильные и железоделательные заводы Среднего и Южного Урала, оказавшиеся на второстепенных ролях, стали влачить жалкое существование.

Еще накануне отмены крепостного права большинство уральских казенных заводов находилось в состоянии упадка. Отмена крепостного права в 1861 г. окончательно расстроила уральское казенное горнозаводское хозяйство. Выплавка чугуна на казенных заводах Урала с 1 733 608 пуд. в 1861 г. упала до 1 037 654 пуд. в 1862 г., то есть на 40,2%, выработка железа — с 1 014 042 пуд. в 1861 г. упала до 829 592 пуд. в 1862 г., то есть на 18,2%. В последующие годы происходит некоторый подъем производительности казенных заводов, но даже в 70-е гг. выплавка чугуна на них все еще оставалась почти на уровне дореформенного времени. В течение двух первых десятилетий после отмены крепостного права казенные горные заводы не выходили из состояния упадка и застоя. В 1865 г. на заводах было выплавлено 2 045 064 пуд. чугуна, в 1875 г. — 2 229 742 пуд., в 1880 г. — 2 051 705 пуд.[15]

[15] Сборник статистических сведений по горной части на 1864 год. Изд. ученого комитета корпуса горных инженеров. СПб, 1864, с. 20; Сборник статистических сведений по горной части на 1867 г. Изд. ученого комитета корпуса горных инженеров. СПб, 1967; Горнозаводская производительность России в 1880 г. Составил Н. Иосса, секретарь горного ученого комитета. СПб, 1882.

Правительство, затратившее в 60—70-х гг. большие средства на сооружение новых военных заводов (причем, в ряде случаев, так как строительство велось хаотично, без продуманного плана, совершенно нецелесообразно, как это произошло с Князе-Михайловской сталепушечной фабрикой и Камским броневым заводом, вскоре после постройки оказавшимися ненужными), не имело средств не только для усовершенствования горных заводов, но даже для поддержания в должном порядке их деятельности. Оборудование на заводах не обновлялось, устаревало и приходило в ветхость. В. П. Безобразов, посетивший казенные заводы Урала в 1867 г., нашел их почти все в состоянии полного упадка. В Верхне-Туринском заводе постройки «совершенно обветшали» и находились «в самом плохом положении», требуя «отчасти коренных исправлений, отчасти возведения новых зданий»; многие части Нижне-Туринского завода «пришли в ветхость» и требовали «значительных исправлений»; Нижне-Исетский завод отличался «особенною убыточностью своего производства»; Каменскому заводу предрекали «прекращение возможности существования»[16]. В Кусинском и Саткинском заводах, разрушенных наводнением в 1862 г., пострадавшие цехи не восстанавливались, а действовали лишь уцелевшие производства. Артинские заводы не соответствовали «самым скромным требованиям горнозаводского дела». Верхне-Артинский завод «оказался полуразрушившимся деревянным балаганом, в котором... прекращена была всякая работа вследствие явной опасности (от проваливающегося потолка) для рабочих». «Ничего подобного этой развалине, которую даже невозможно назвать заводом, — писал В. П. Безобразов, — я не видел на Урале даже в самых расстроенных частных округах»[17].

Водяные двигатели на казенных заводах находились «в жалком состоянии», паровые машины в большей части были «грубой работы и построены по системам, не всегда соответствующим необходимой силе и сбережению горючего материала»[18]. В казенных лесах господ-

---

[16] В. П. Безобразов. Указ. соч., с. 63, 65, 140, 167.
[17] Там же, с. 208.
[18] ЦГИА, ф. 40, оп. 2, 1866, д. 62, лл. 141—141 об.

ствовал страшный беспорядок, они горели, гнили, опустошались самовольными порубками[19].

Операционные кредиты выделялись казенным заводам в недостаточном количестве и несвоевременно. Строительные кредиты отпускались в ничтожных размерах и, главным образом, только в экстренных случаях. За 15 лет, с 1866 по 1881 гг., Каменскому заводу было ассигновано строительных кредитов 39 044 руб., в том числе 36 177 руб. на исправление заводской плотины и укрепление берегов реки Каменки и 2303 руб. на ремонт заводской конторы и поправку крыши над доменным двором. Нижне-Исетскому заводу — 63 924 руб., в том числе 15 528 руб. на восстановление заводских корпусов, поврежденных пожаром, и 28 840 руб. на исправление заводской плотины[20]. Совершенно очевидно, что при таких ассигнованиях заводы могли лишь кое-как поддерживать существующее производство и не могли осуществить каких-либо технических усовершенствований.

Технически отсталые, обремененные многочисленными пережитками крепостничества уральские казенные заводы систематически приносили казне огромные убытки, которые только за один 1868 г. составили 938 000 руб. «Точный анализ всех статей государственных доходов и расходов, входящих в состав сметы нашего горного ведомства, — писал В. П. Безобразов, — приводит к результатам, которые поразительны громадностью денежных жертв, приносимых государством на содержание и сооружение казенных горных заводов»[21]. В. П. Безобразов предлагал постепенно, в течение 8—10 лет, продать все казенные горные заводы частным лицам.

Казенные заказы давались горным заводам в недостаточном количестве и очень неравномерно. Отсутствие заказов приводило к сокращению производства и даже к полной остановке заводов. В 1867 г., во время поездки В. П. Безобразова на Урал, Воткинский завод «находился в бездействии, имея весьма мало нарядов и денег», на заводах Екатеринбургского и Гороблагодатского округов производство было сокращено, положение заводов Златоустовского округа «было самое печальное

---

[19] ЦГИА, ф. 40, оп. 2, 1866, д. 62, л. 155 об.
[20] ЦГИА, ф. 37, оп. 74, 1885, д. 100, лл. 21 об. — 22.
[21] В. П. Безобразов. Указ. соч., с. 317.

на всех заводах (за исключением Саткинского), за недостатком денег и нарядов, были приостановлены все работы»[22].

Подобное положение продолжало сохраняться и в последующие годы. В 1872 г. главный начальник Уральских горных заводов доносил в горный департамент, что на Воткинском заводе, вследствие отсутствия заказов, производство резко сократилось и «рабочие терпят крайнюю нужду», заводы Серебрянский, Нижне-Туринский, Баранчинский, Каменский, Саткинский, Кусинский и Артинский получают такие ничтожные заказы, что рабочее население их должно оставаться без способов к заработкам в течение большей части года»[23]. В Кусинском заводе в 1883 г. было занято только 170 человек, тогда как ранее работало более 1000 человек[24].

Поскольку уральские казенные заводы требовали значительных средств не только на техническое переустройство, но даже на продолжение их действия, а казна средств не имела, дефицит в государственном бюджете был хроническим, в правительственных кругах в 60-х гг. возникло мнение о необходимости продажи если не всех, то по крайней мере части казенных заводов в частные руки. Оно нашло отражение в пометах Александра II на докладе великого князя Николая Максимилиановича, герцога Лейхтенбергского, о результатах поездки на уральские заводы в 1866 г. «Одно из главных препятствий к правильному и успешному ходу горного дела в России, — писал князь, — заключается в слишком большом развитии у нас казенного горного хозяйства, убыточного для казны и вредного для частной производительности»[25]. Великий князь считал, что казенные заводы должны выполнять только военные заказы; заводы, не выполняющие военных заказов, а только производящие чугун и железо, он предлагал передать в частные руки. Александр II присоединился к этому мнению.

«При отсутствии личного интереса в деле и правиль-

---

[22] В. П. Безобразов. Указ. соч., с. 242, 272.

[23] Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX века. 1861—1904. Сборник документов. М.—Л., изд-во АН СССР, 1960, с. 265, 266.

[24] Там же, с. 275.

[25] ЦГИА, ф. 40, оп. 2, 1866, д. 62, л. 136 об.

ной конкуренции..., — говорилось в докладе, — казенные заводы могут быть допущены в самом ограниченном размере, как политическая необходимость, и должны удовлетворять только специальные потребности правительства». Александр II подчеркнул слова «должны удовлетворять только специальные потребности правительства», а на полях доклада написал: «справедливо»[26]. «Металлы общей потребности, — читаем далее, — должны быть предоставлены естественным производителям страны, т. е. частным лицам, а следовательно, все наши казенные заводы с таким характером должны перейти в частные руки». Против этих слов Александр II написал: «Я этого и желаю»[27].

В докладе советовалось приступить к передаче казенных заводов в частные руки, для чего определить способ передачи, «наиболее выгодный для казны и необременительный для частных промышленников». Александр II полностью согласился с этим предложением. На полях он написал: «Я лично о том говорил ген. Рашету, который также вполне разделяет эти мысли. Поэтому желаю, чтобы немедленно приступлено было к соображениям о приведении их в исполнение»[28].

В 1866 г. Александр II одобрил представленный государственным контролером и министром финансов доклад, в котором, с целью устранения дефицита в государственном бюджете, предполагалась продажа или отдача в аренду убыточных казенных горных заводов. Вопрос о возможности продажи казенных заводов затем несколько лет обсуждался в комиссии для пересмотра системы податей и сборов, которая выработала проект правил о продаже казенных заводов и составила список подлежащих продаже заводов. В распоряжении казны, по мнению комиссии, должны были остаться только Пермские пушечные заводы, Кувшинский завод с горой Благодатью, Златоустовский и Саткинский заводы. Министерство финансов, рассмотревшее проект, признало необходимым, кроме перечисленных, оставить за казной Баранчинский и Верхне-Туринский заводы, Златоустов-

[26] ЦГИА, ф. 40, оп. 2, 1866, д. 62, л. 136 об.
[27] Там же, л. 137.
[28] Там же. Генерал Рашет — директор горного департамента.

скую оружейную фабрику, Кусинский завод и Камско-Воткинский округ. Департамент государственной экономии, со своей стороны, признал нужным оставить за казной, сверх вышепоименованных, еще Нижне-Туринский завод, Илимскую лесную дачу и Илимскую и Ослянскую пристани на реке Чусовой[29].

После рассмотрения государственным советом, правила о продаже казенных заводов с приложенным к ним списком подлежащих продаже заводов 18 октября 1871 г. были утверждены царем. Продаже подлежали Богословский и Вятский горные округа, Серебрянский, Нижне-Туринский, Нижне-Исетский, Артинский железоделательные и Юговский медеплавильный заводы, Екатеринбургская механическая фабрика[30].

Список заводов, окончательно определенных к продаже в частные руки, показывает, что за пять лет, в течение которых обсуждался вопрос о продаже казенных заводов, во взглядах правительства произошли существенные изменения — от первоначального предположения сохранить в руках казны только заводы, выполнявшие военные заказы, а все остальные продать в частные руки, было сделано значительное отступление, а именно: было признано необходимым сохранить не только военные заводы, но и большую группу чугуноплавильных и железоделательных заводов, не выполнявших военных заказов. К продаже были назначены только второстепенные маломощные передельные заводы и медеплавильные заводы, истощившие свои рудники.

Департамент государственной экономии, высказавшийся за сохранение в руках правительства большинства казенных горных заводов и рудных месторождений, мотивировал это необходимостью поставить правительство в отношении предметов вооружения «в положение, независимое от иностранных государств и, в некоторой степени, — даже от собственной частной промышленности»[31]. Таким образом, по признанию самого правительства, сохранение казенных горных заводов в руках казны вызывалось не только интересами обороны, но и политическими причинами—желанием царизма сохранить

[29] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898,д. 193, лл. 53 об—54.
[30] Там же, л. 54 об.
[31] Там же, л. 54.

и укрепить свои позиции в экономической жизни страны, не допустить чрезмерного усиления влияния буржуазии в экономической области.

Операция по продаже казенных заводов сопровождалась хищнической спекуляцией придворных кругов. В 1875 г. Богословский округ площадью в 385 000 десятин земли и лесов, содержащий богатые месторождения меди и золота, вместе с заводскими сооружениями был продан статскому советнику Башмакову за 2 050 000 руб. с рассрочкой выкупной суммы на 37 лет. Продажа была совершена с грубым нарушением правил 1871 г.: без оценки, без предварительного отграничения наделов населению, на торги был приглашен узкий круг лиц.

При наступлении первого же срока платежа, по случаю происшедшего в одном из рудников пожара (современники утверждали, что пожар был инсценирован самим заводовладельцем), Башмакову была предоставлена льгота в виде отсрочки платежей на два года и рассрочки взноса первого платежа на восемь лет. Затем Башмаков умер и его наследникам была предоставлена новая льгота в виде зачета в платеж представленного при торгах залога и отсрочки всех дальнейших платежей на четыре года. В 1884 г. наследники Башмакова продали Богословский округ за 5 707 606 руб., «заработав» на этой операции (после вычета всех долгов) 2 105 000 руб. чистой прибыли[32].

В 1879 г. Вятский округ площадью в 209 500 дес. земли и лесов был продан почетным гражданам Пастуховым за 270 000 руб. с беспроцентной 7-летней рассрочкой. В том же году назначались торги на продажу Серебрянского и Нижне-Туринского заводов с лесными дачами площадью в 256 000 дес. земли и лесов (за них было предложено 1 045 000 руб. с 15-летней рассрочкой), но продажа не состоялась ввиду несостоятельности покупщика купца Гоберга. Было продано по частям с торгов движимое имущество Екатеринбургской механической фабрики, упраздненной в начале 70-х гг., и Екатеринбургского монетного двора, закрытого в 1876 г., а их здания в 1883 г. были переданы министерству путей сообщения под железнодорожные мастерские[33]. После

[32] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, лл. 55, 56—56 об.
[33] Там же, л. 55—55 об.

этого, в 1884 г., Екатеринбургский горный округ был упразднен, а оставшиеся в руках казны Каменский и Нижне-Исетский заводы стали непосредственно подчиняться главному начальнику Уральских горных заводов.

Продажа двух горных округов и закрытие механической фабрики и монетного двора в Екатеринбурге не изменили существенно положения уральских казенных заводов. Не оказала большого влияния на них и постройка в 1878 г. Уральской горнозаводской железной дороги, которая хотя и связала между собой пять казенных заводов, но имела малую пропускную способность и не была соединена с общероссийской железнодорожной сетью. Заводы продолжали действовать убыточно.

В начале 80-х гг. правительственный взгляд на уральские казенные горные заводы существенно меняется, что было связано с улучшением состояния государственного бюджета и общим реакционным курсом внутренней политики правительства Александра III, известным под названием «контрреформ» и проявившимся в сфере народного хозяйства в стремлении усилить государственное вмешательство в экономическую жизнь страны. «Продавать казенные земли с лесами, минеральными месторождениями и заводскими строениями по 5 руб. 32 коп. (для Богословского округа) или по 1 руб. 30 коп. (для Вятских заводов) за десятину, не значит ли отчуждать казенные имущества за слишком ничтожную цену?» — писал в 1881 г. в отчете царю министр государственных имуществ Островский[34]. Министр находил, что дальнейшая продажа заводов на прежних основаниях «была бы неосторожною мерою». Он считал возможным продать только три завода — Камский броневой, Юговский медеплавильный и Нижне-Исетский, а остальные убыточные заводы предлагал сдать частным лицам в аренду. Дальнейшая распродажа казенных заводов «высочайшим повелением» от 28 июня 1882 г. была приостановлена, в аренду же был сдан только один Юговский медеплавильный завод (в 1892 г. инженерам Урбановичу и Захаровскому сроком на 36 лет)[35].

В 1882 г. во всеподданейшем докладе царю Островский предложил ряд реформ, которые, по его мнению,

[34] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, л. 56.
[35] Там же, лл. 56 об—58.

способствовали бы развитию в стране горной промышленности и увеличили удельный вес казенных горных заводов в экономике страны. Островский предлагал увеличить на казенных заводах выплавку чугуна, передать им заказы на изготовление железнодорожных принадлежностей, увеличить на них производство предметов широкого потребления, преобразовать горную администрацию, предоставив ей больше прав, развивать горное образование, для чего осуществить реформу горных учебных заведений. Но между грандиозными планами ретивого министра и реальными возможностями их осуществления была дистанция огромного размера. Почти все предложения Островского остались лишь благими пожеланиями. На докладе министра царь Александр III написал резолюцию: «Это дело будущего, увы! Надо много денежных средств, чтобы развить нашу горную промышленность, а средств мало»[36].

На казенных заводах все осталось по-старому. Производительность заводов росла очень медленно. С 1885 по 1895 г. выплавка чугуна на уральских казенных горных заводах выросла с 3 225 048 пуд. до 4 026 025 пуд., то есть на 25%, тогда как в целом по всем уральским заводам за этот период она увеличилась на 53%[37]. За период с 1886 по 1895 г. казенные заводы принесли убыток в 4 600 000 руб., не считая расходов на содержание горной администрации[38].

Причины хронической убыточности уральских казенных горных заводов заключались в сохранении на них многочисленных остатков крепостничества, их технической отсталости, отсутствии специализации, слабой загрузке имеющегося оборудования, бюрократической и рутинной организации производства.

Уральская казенная горнозаводская промышленность представляла особый вид хозяйства, в котором вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции еще не закончилась полностью смена крепостнических

---

[36] Обозрение деятельности министерства государственных имуществ по горной части в 1881 г. «Екатеринбургская неделя», 1883, № 6, с. 97.

[37] Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1885 и 1895 гг. СПб, 1887 и 1897.

[38] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1896, д. 1445, лл. 59—60.

отношений капиталистическими. Казенные горнозаводские округа, сложившиеся еще в крепостническое время, представляли огромные латифундии, объединявшие в едином комплексе промышленность и помещичье землевладение. За уральскими казенными горными заводами в 1867 г. числилось 4 049 860 дес. земли, в том числе 2 509 816 дес. лесов. Даже в 1900 г. к ним было приписано 2 130 248 дес., в том числе 1 698 890 дес. лесов, то есть на каждый завод в среднем приходилось по 156 175 дес. земли, в том числе по 130 684 дес. лесов[39].

Казна, как и все уральские горнозаводчики, вела свое хозяйство, основываясь не на капитале и конкуренции, а на феодальном праве и монополии. Остатки крепостничества пронизывали весь строй отношений на уральских казенных заводах. Землеустройство горнозаводского населения, предусмотренное законом 12 марта 1877 г., не было завершено. Ссылаясь на необходимость сохранения лесов для действия заводов, казна препятствовала развитию в заводских поселках кустарных промыслов, преследовала кустарей, не продавала им металлы и лес[40].

Все казенное горнозаводское хозяйство основывалось на жестокой эксплуатации прикрепленного к заводам местного населения, средством приобретения рабочих рук являлись не только наем, но и отработки. Неслучайно В. И. Ленин, говоря о сохранении на Урале остатков крепостничества, в качестве примера привел казенный Артинский завод. «В высшей степени характерен тот термин, — отмечал В. И. Ленин, — который сохранился поныне по отношению к уральским рабочим, именно, что они «задолжаются» на работах. Когда читаешь, например, в земской статистике «сведение о рабочей команде, находившейся в задолжении при цеховых работах Артинского завода», то невольно оглядываешься на обложку и справляешься с датой: неужели это в самом деле девяносто четвертый, а не какой-нибудь сорок четвертый год?»[41].

[39] ЦГИА, ф. 40, оп. 2, 1867, д. 62, л. 155; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб, 1902.

[40] Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 47, оп. 1, 1895, д. 318, лл. 3 об—4.

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 486.

Нельзя согласиться с М. П. Вяткиным, который писал об уральских казенных заводах, что «это были предприятия, организованные капиталистически»[42]. В явном противоречии с этим заявлением находится его собственный вывод, что казенные заводы обслуживались «рабочей силой исключительно из местных жителей. Обязательственные отношения к рабочим на всех заводах сохранялись»[43]. Сохранение на заводах «обязательственных отношений» как раз свидетельствовало, что эти предприятия не были еще организованы полностью капиталистически.

Уральские казенные заводы даже в конце XIX века поражали всех своим устарелым и ветхим оборудованием. Как сообщала в 1897 г. «Торгово-промышленная газета», в Нижне-Исетском заводе турбины, приводящие в действие сварочный цех, были совершенно непригодны по своей слабосильности, все остальные устройства устарелой конструкции и прямо ветхи»; в Баранчинском заводе плавка велась «на холодном дутье, потому что воздухонагревательные аппараты, как и во многих других заводах, разрушились от старости»; в Верхне-Туринском заводе литейно-механическая фабрика «прямо развалилась и ежеминутно угрожала жизни рабочих», воздухонагревательных аппаратов тоже не было; в Кушвинском заводе выплавлялся чугун исключительно плохого качества, так как имеющиеся печи были не в состоянии выжечь из руды примеси серы; в Саткинском заводе не было нагревательных аппаратов; в Златоустовском заводе тигельные печи Сименса пришли «в совершенную негодность», оружейная фабрика «пришла в ветхость», все заводское производство было поставлено так, что заводоуправление находило «более выгодным торговать высококачественною рудой в сыром виде, чем выделывать из нее железо»[44].

Артинский завод современники характеризовали как типичный пережиток старины. «Десять кричных горнов, из которых пять контуазской системы, а пять совершен-

---

[42] М. П. Вяткин. Указ. соч., с. 268.
[43] Там же, с. 109.
[44] Н. Штейнфельд. Современное положение уральских казенных заводов. «Торгово-промышленная газета», 12(24) октября 1897 г., № 222.

но неизвестной, одна старая-престарая воздуходувная машина с вертикальными цилиндрами и десять молотов, вкривь и вкось медленно тюкающих от водяного колеса — вот и все оборудование этого курьезного завода»,— писал Е. Рагозин[45].

Златоустовский завод всеми своими устройствами изготовлял в сутки в среднем 40 штук 4—6-дюймовых снарядов при потере 75—85% металла, тогда как на заводах Германии один пресс изготовлял в сутки около 800 штук таких же снарядов при потере 30% металла[46]. Даже на Пермском пушечном заводе, технически оборудованном по тому времени довольно хорошо, рядом с современными механизмами и машинами уживались устарелые, в механических цехах были «скоплены механизмы всевозможных эпох», цеха были «тесны и загромождены»[47].

На казенных заводах процветал кричный способ выделки железа, являвшийся в конце XIX в. явным анахронизмом. Основным источником энергии продолжали оставаться примитивные водяные двигатели, причем со стороны работавших на казенных заводах инженеров наблюдалось «чрезмерное увлечение» ими. Паровые двигатели на большинстве заводов применялись лишь в качестве дополнения к водяным на время недостатка воды в прудах[48].

Специализация производства отсутствовала, имеющееся оборудование было загружено очень слабо. Казенные передельные заводы обладали обширными обрабатывающими устройствами, превышающими в 2—6 раз их фактическую производительность, но за недостатком чугуна не могли увеличить свое производство. Заказы на изготовление снарядов распределялись между пятью заводами (Пермским, Нижне-Туринским, Каменским, Саткинским и Кусинским), причем на долю некоторых из них приходилось заказов только на 8—9 тыс. руб. в год, тогда как имеющееся оборудование позволяло выполнять заказы на 200—300 тыс. руб. Только содержание снарядных цехов на каждом из этих заводов стоило

[45] Е. Рагозин. Железо и уголь на Урале. СПб, 1903, с. 78.
[46] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1897, д. 188, лл. 1—1 об.
[47] Уральская железная промышленность в 1899 году, с. 61—62.
[48] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1897, д. 188, лл. 3,7.

по 10 тыс. руб. в год. Все производство снарядов вполне можно было сосредоточить на одном из заводов. Заказы на снаряды давались заводам в разнообразной и ежегодно изменяемой пропорции, при получении каждого нового, даже незначительного заказа приходилось заново подготовлять все станки и механизмы, что также удорожало стоимость продукции[49].

Сортовое железо — не более 700 тыс. пудов в год — изготовлялось на 6 заводах (Серебрянском, Нижне-Исетском, Мотовилихинском, Златоустовском, Нижне-Златоустовском и Воткинском), тогда как один Воткинский завод имел оборудование, достаточное для изготовления 2 млн. пудов сортового железа в год. Прокатка листового железа в количестве 325 тыс. пудов производилась на 5 заводах (Нижне-Туринском, Нижне-Исетском, Мотовилихинском, Воткинском и Златоустовском), тогда как устройства Нижне-Туринского завода позволяли выделывать в год 200 тыс. пудов, Мотовилихинского — 500 тыс. пудов, Воткинского — 600 тыс. пудов [50].

Железнодорожные скрепления выделывались на Воткинском и Златоустовском заводах, хотя заказов не хватало для полного обеспечения работой даже одного из них. Отливка чугунных труб рационально производилась в одном Каменском заводе, но заказы на них принимались почти всеми заводами, даже не имеющими специальных литейных приспособлений. Все чугунное литье вполне можно было сосредоточить на двух заводах — Каменском и Кусинском. Судостроение велось в Воткинском и Пермском заводах, хотя имелась возможность сосредоточить его целиком в одном заводе, например, Пермском, а Воткинский специализировать на производстве паровозов и земледельческих орудий[51].

Несмотря на то, что казенные заводы не имели достаточного количества заказов и работали не на полную мощность, они не справлялись даже с теми заказами, которые получали. Исполнение военных заказов на них часто затягивалось на три года, а 11-дюймовые пушки и

[49] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1897, д. 188, лл. 1 об. 3 об.
[50] Там же, лл. 3 об. 4.
[51] Там же, лл. 3 об., 4 об., 5 об.

снаряды (заказ 1878 года) изготовлялись... 17 лет! Поэтому неудивительно, что военное и морское ведомства предпочитали отдавать свои заказы не казенным, а частным заводам. В 1896 г. заказы этих ведомств на пушки и снаряды составили 6 670 000 руб., казенным заводам из этой суммы было дано заказов на 1 170 000 руб., то есть только 17%[52].

Ввиду отсутствия постоянных заказов, казенные заводы даже в период промышленного подъема 90-х гг. работали неритмично, часто простаивали. В 1891—1892 гг. недостаточные наряды на снаряды давались Верхне-Туринскому и Саткинскому заводам, что привело к сокращению производства и безработице рабочих на этих заводах. К 1892 г. на Серебрянском заводе работы были уменьшены до того, что завод в году бездействовал более полугода. На Воткинском заводе ввиду отсутствия заказов в 1894—1896 гг. было закрыто несколько цехов, число рабочих с 5000 сократилось до 2600. В 1899 г. из-за отсутствия заказов на снаряды оставались без работы в течение 5 месяцев рабочие Кусинского завода[53].

Топливная база уральского казенного горнозаводского хозяйства тоже была отсталой. Все уральские казенные горные заводы работали почти исключительно на древесноугольном топливе. Другие виды топлива (каменный уголь, нефть, мазут) не только не нашли широкого применения, но ввиду того, что их нужно было покупать, администрация, с целью экономии средств, всячески стремилась сократить их употребление. «Пермские пушечные заводы, — писала в 1897 г. «Торгово-промышленная газета», — попробовали было начать отопляться кизеловским каменным углем, но недавно вернулись к прежнему древесному топливу, которое в качестве дарового по весьма понятной причине выгоднее самого полезного и дешевого минерального топлива. Эта эволюция возврата от каменного угля к дровам может считаться едва ли не единственным примером в истории развития мировой техники»[54].

---

[52] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1897, д. 188, л. 1.

[53] Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX века, с. 287, 289, 290, 292, 294, 297.

[54] «Торгово-промышленная газета», 1897, 12(24) октября, № 222.

Месторождения руд и лесные дачи эксплуатировались казенными заводами самыми хищническими методами. На горе Благодати добыча велась открытыми разносами только в местах, имеющих наиболее богатую по содержанию руду. Гора была разрыта до такого состояния, что к началу XX в. разрабатывать ее рудные массы сделалось экономически невыгодным и казна перешла к перемывке осыпей, построив рудопромывальную фабрику. Уголь заготовлялся примитивно-хищническими методами путем выжигания его в кучах, печное углежжение было развито слабо. В первую очередь вырубались ближайшие к заводам и лучшие леса. В Каменской даче нормальный годичный отпуск леса составлял 12,5 тыс. куб. саж., а вырубалось ежегодно по 22 тыс. куб. саж. и уже к концу 80-х гг. леса в даче сохранились лишь в ее северо-западном углу. В то время, когда в Каменской даче истреблялись последние рощи, в казенной Монетной даче площадью 130 000 дес. леса гнили на корню, не находя применения[55].

Организация сбыта изделий казенных заводов была отсталой и не гибкой. Заводоуправления были лишены права распоряжаться изготовленными на продажу металлами и изделиями. Все эти металлы и изделия поступали в распоряжение комиссионерства казенных заводов (Зуккау, Износков и К°), которое занималось не только продажей продукции казенных заводов, но и других владельцев и не было заинтересовано в выгодной продаже изделий казенных заводов. Для комиссионерства фирма казны и государственный герб нужны были только лишь для того, чтобы под их прикрытием отлично устраивать свои торговые дела[56].

Очень слабой и неудовлетворительно поставленной являлась финансовая сторона казенного горнозаводского хозяйства. Операционные и строительные кредиты исчислялись заводам приблизительно («в самом гадательном размере»), причем по сметам ассигновалось всегда меньше средств, чем испрашивалось заводоуправлениями. Управители заводов должны были точно придерживаться смет, что связывало их инициативу. Заво-

[55] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, д. 173, л. 2; д. 188, л. 2 об.

[56] «Торгово-промышленная газета», 12(24) октября 1897 г., № 222.

ды не располагали оборотным капиталом для исполнения сверхнарядных, дополнительных и экстренных заказов и поэтому вынуждены были отказываться даже от очень выгодных заказов, если они предлагались после утверждения финансовых смет. Только по этой причине в 1893 г. Пермскому заводу пришлось отказаться от весьма выгодного и вполне посильного для завода частного заказа на нефтеналивную шхуну и два буксирных парохода, в 1898 г. по этой же причине казенные заводы не смогли воспользоваться экстренными заказами военного и морского министерства на пушки и снаряды[57].

Вообще неповоротливость, негибкость, формализм в управлении казенными заводами были поразительными. Управители заводов и округов не имели права решать самостоятельно почти ни одного вопроса. По самому ничтожному поводу они должны были испрашивать разрешение высшего начальства. Управитель завода мог произвести ремонт на сумму не более 5 руб., при необходимости затратить большую сумму он должен был испросить разрешение начальника горного округа. Начальник округа мог произвести ремонт на сумму не свыше 150 руб., на ремонт свыше этой суммы требовалось разрешение от главного начальника Уральских горных заводов, который, в свою очередь, мог разрешить своей властью, без ведома горного департамента, ремонт на сумму не свыше 500 руб.[58]

Специалисты, занятые на казенных заводах, совершенно не были материально заинтересованы в улучшении работы заводов, так как получали свои оклады независимо от деятельности и доходности предприятия[59].

Результатом всего этого была огромная хроническая убыточность уральского казенного горнозаводского хозяйства. Даже в период промышленного подъема 90-х годов, называемого современниками временем расцвета русской железной промышленности, уральские казенные горные заводы продолжали приносить убытки.

Финансовые результаты деятельности уральских казенных горных заводов за 1895—1898 гг. показывает

---

[57] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, лл. 64—65.
[58] И. Х. Озеров. Указ. соч., с. 120.
[59] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1897, д. 188, л. 8.

следующая таблица (знаком + обозначена прибыль, знаком — обозначен дефицит в рублях)[60]:

№№ пп	Наименование заводов и рудников	Ежегодно за трехлетие 1895—1897 гг.	1898 г.
1	Златоустовский	— 221326	— 445706
2	Саткинский	+ 252161	+ 88845
3	Кусинский	+ 32217	— 93823
4	Артинский	— 42533	— 100206
5	Нижне-Исетский	— 24964	— 42851
6	Каменский	— 67891	— 97452
7	Воткинский	— 811956	— 1408063
8	Пермский пушечный	— 76852	— 290269
9	Кушвинский	— 19623	— 147047
10	Верхне-Туринский	— 17400	— 15906
11	Серебрянский	— 307154	— 8367
12	Нижне-Туринский	+ 1630	— 204225
13	Гора Благодать	— 54855	— 45850
14	Баранчинский	— 35842	— 326066
	ВСЕГО	— 1394418	— 3136986

Из таблицы видно, что в 1895—1897 гг. убыток ежегодно составлял по 1 394 418 руб., в 1898 г. составил 3 136 986 руб., а всего за четыре года, с 1895 по 1898 гг. уральские казенные горные заводы принесли убыток в 7 320 240 руб. Особенно большие убытки приносили все заводы Гороблагодатского округа, Нижне-Исетский, Артинский и Воткинский заводы. За десятилетие, с 1892 по 1901 гг., уральские казенные заводы принесли казне убыток в 12 202 651 руб.[61]

Представители горного ведомства всячески скрывали убыточность горных заводов, в чем им немало помогала существовавшая на заводах система так называемого двойного счетоводства или «итальянская бухгалтерия», по которой расходы на ремонт оборудования приплюсовывались к стоимости основных фондов и засчитывались в прибыль, в прибыль засчитывались неоплатные, нередко совершенно безнадежные долги, в себестои-

[60] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1899, д. 1757, л. 12.
[61] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1901, д. 1928, л. 4 об.

мость продукции засчитывались не все расходы заводов и т. д. Подобная отчетность не только не давала истинной картины экономического положения заводов, а, наоборот, представляла ее в ложном свете, позволяла доказывать, что вместо убытков заводы якобы приносят прибыль. Например, главный начальник Уральских горных заводов Боклевский, используя данные двойной бухгалтерии, утверждал, что в 1898 г. казенные заводы дали не убыток в 3 136 986 руб., как показывали кассовые результаты их деятельности, а принесли прибыль в 699 028 руб. По поводу этих расчетов Боклевского инспектор министерства земледелия и государственных имуществ по горной части Урбанович совершенно справедливо заметил, что манипуляции, допускаемые в двойной бухгалтерии, «служат к тому, что в общежитии именуется «втиранием очков»[62].

Размеры производства и характер деятельности казенных заводов в конце XIX в. видны из сведений о их производительности в 1897 г.[63] (см. таблицу на стр. 105).

Самым крупным по масштабам производства был Пермский пушечный завод, который один давал 24,9% всей продукции уральских казенных горных заводов, за ним шли Воткинский и Златоустовский заводы, выпускавшие продукцию на сумму свыше 1 млн. руб. Все остальные заводы (за исключением Саткинского) намного уступали по объему своего производства этим трем основным заводам, что касается Артинского завода, то его производительность была ничтожной.

Из общей суммы всей продукции казенных горных заводов в 1897 г. продукция по казенным заказам составляла 5 787 392 руб. (75,7%), в том числе по заказам военного и морского ведомств — 3 418 633 руб. (44,7%), министерства земледелия и государственных имуществ — 1 353 689 руб. (17,7%), министерства путей сообщения — 1 015 070 руб. (13,2%). Преимущественно военную продукцию выпускал только Пермский пушечный завод (87,7% всей продукции), на 5 заводах (Златоустовском, Саткинском, Баранчинском, Верхне-Туринском и Кусинском) доля заказов военного и морского министерств

[62] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1899, д. 1757, л. 26.
[63] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, лл. 60 об.—63.

Названия заводов	Вся продукция (в рублях)	В том числе			
		по казенным заказам			по частным заказам
		военного и морского министерств	министерства путей сообщения	министерства земледелия и государственных имуществ	
Воткинский	1275967	91918	889624	6800	287625
Пермский пушечный	1902473	1668208	—	35966	198299
Кушвинский	421596	1063	—	329070	91463
Верхне-Туринский	469324	189432	—	267487	12405
Нижне-Туринский	145034	722	—	—	144262
Баранчинский	338163	234111	—	98314	5738
Серебрянский	278361	—	—	—	278361
Нижне-Исетский	242876	—	—	—	242876
Каменский	237018	8282	24398	136445	67893
Златоустовский	1010100	468661	94473	58723	388243
Саткинский	928391	528420	—	396670	3301
Кусинский	347246	226236	6575	24214	90221
Артинский	46437	1530	—	—	44907
Итого	7642996	3418633	1015070	1353689	1855604

колебалась от 40 до 70,2%, 2 завода (Серебрянский и Нижне-Исетский) совсем не выполняли военных заказов, на остальных 5 заводах доля заказов военного и морского министерств была невелика: на Воткинском заводе — 7,2%, Каменском — 3,5%, Артинском — 3,3%, Нижне-Туринском — 0,5%, Кушвинском — 0,25%. Воткинский завод в основном работал по заказам министерства путей сообщения, изготовляя для него паровозы, крепления и т. д. Почти все заводы изготовляли чугун и железо и изделия из них по заказам министерства земледелия и государственных имуществ.

Тот факт, что казенные горные заводы были пристегнуты к военной колеснице царского самодержавия, были

тесно связаны с военно-промышленным потенциалом царизма, накладывал сильнейший отпечаток на весь строй уральского казенного горнозаводского хозяйства. Изготовление на заводах того или иного вида продукции определялось не экономической выгодностью, рентабельностью ее производства, а необходимостью данной продукции для нужд военного и других казенных ведомств. Поэтому уральские казенные заводы лишь в очень слабой степени испытывали на себе влияние капиталистического рынка. Подобное «отключение» казенных заводов от сферы капиталистического рынка задерживало их перестройку на капиталистический лад.

Казенные заводы выполняли и частные заказы. Пермский завод изготовлял пароходные машины, котлы; Воткинский — пароходы, сельскохозяйственные орудия (плуги); Артинский — косы, серпы; все остальные заводы — чугун, железо разных сортов, причем 4 завода (Серебрянский, Нижне-Исетский, Нижне-Туринский и Артинский) почти исключительно работали только по частным заказам. Однако в целом для казенных заводов выполнение частных заказов и работа на рынок имели второстепенное значение. В 1897 г., как видно из нашей таблицы, продукция уральских казенных горных заводов по частным заказам составила только 1 855 604 руб. (24,3%).

Технически отсталые, с рутинной организацией производства казенные заводы развивались медленнее частновладельческих, результатом чего было постепенное уменьшение их удельного веса в выплавке чугуна на Урале (с 14,8% в 1885 г., до 13,3% в 1890 г., 12,8% в 1895 г. и 12,3% в 1900 г.).

Система казенного горнозаводского хозяйства не только консервировала остатки крепостничества на большой группе уральских заводов, но и тормозила развитие капитализма на всем Урале.

В руках казенных заводов находились лучшие рудные месторождения и богатейшие лесные дачи, но казна была неспособна использовать эти огромные природные богатства. Она напоминала собаку на сене, которая не ела сама и не давала есть другим. «В центре Урала,— писал Д. И. Менделеев, — где есть хоть мало, но все же есть, пути как наторенные водные, особенно по Чусовой, так и железнодорожные в виде Уральской, Челябинской и

Самаро-Златоустовской железных дорог — ничему новому не было и нет места, оно все занято и на него «не пущают». Если бы ничего иного и не было для объяснения «медленности» уральской железной промышленности — этого одного было бы за глаза довольно для полного понимания «медленности»[64].

Вот почему сохранение в руках казны уральских горных заводов вызывало такое возмущение либеральной буржуазии.

В конце XIX — начале XX вв., с вступлением России в период империализма, когда обостряется борьба империалистических держав за рынки сбыта, колонии, за передел уже поделенного мира, царское правительство активно включается в гонку вооружений и подготовку к войне.

В 1896—1899 гг. был основательно перестроен Пермский пушечный завод. В нем были построены новый сталелитейный цех с четырьмя мартеновскими печами, большой прессовый цех с гидравлическими штамповочными установками для изготовления корпусов снарядов, расширены помещения орудийных и снарядных цехов. С 1898 г. завод приступил к изготовлению скорострельных орудий системы Канэ для крепостной и морской артиллерии, а с 1903 г. начал массовое производство трехдюймовых скорострельных полевых орудий и трехдюймовой шрапнели. В 1904 г., с началом русско-японской войны, завод почти полностью был переключен на производство военной продукции. За период с 1891 по 1904 г. Пермский пушечный завод увеличил выпуск продукции с 1 165 750 руб. до 5 683 873 руб., то есть в 4,8 раза, в том числе выпуск артиллерийских изделий — с 836 990 руб. до 5 303 841 руб., то есть в 6,3 раза. Число рабочих, инженеров и служащих на заводе за этот период возросло с 2877 чел. до 6425 чел.[65] Пермский пушечный завод, наряду с Обуховским и Путиловским, стал крупнейшим артиллерийским заводом страны. (Обуховский завод был в состоянии изготовлять самые крупные орудия, Пермский изготовлял орудия средних калибров, Путиловский — только мелкие калибры).

---

[64] Уральская железная промышленность в 1899 г., с. 99.
[65] ГАПО, ф. 276, оп. 2, д. 27, лл. 4—5.

Во второй половине 90-х гг., в период промышленного подъема, в правительственных кругах возникает решение о коренной перестройке и остальных уральских казенных горных заводов. Министр земледелия и государственных имуществ Ермолов в отчете царю о своей поездке на Урал в 1895 г. писал: «Предместник мой, статс-секретарь Островский, полагал возможным (кроме недействующих Камского броневого и Юговского медеплавильного заводов) продать только один Нижне-Исетский завод, как наиболее убыточный для казны... Я же лично полагал бы необходимым идти в этом направлении еще далее, и, по крайней мере в отношении уральских горных заводов, — не отчуждать ни одной пяди казенной земли, ни одного рудного месторождения в заводских дачах не продавать и не закрывать ни одного завода. Более того, я решился бы даже возбудить вопрос об учреждении новых заводов для эксплуатации казенных рудных богатств, для утилизации казенных лесов...»[66].

Главной задачей казенных горных заводов министр считал не снабжение армии и флота предметами вооружения, а производство металла для внутреннего рынка, что, по его мнению, позволило бы правительству регулировать цены на металлы на внутреннем рынке. «Главную задачу казенных горных заводов на Урале,—писал Ермолов,— я вижу в извлечении из недр земли скрытых в ней рудных богатств и обращении их в такой вид, в котором они могут быть пущены в обращение и служить для нужд частной промышленности, другими словами, в добыче железной руды и выплавке из нее чугуна... чтобы, сколь возможно, обеспечивать частную промышленность потребным ей сырым материалом, идти навстречу с каждым днем возрастающему спросу на чугун и железо, с тем, чтобы путем обращения этих материалов в продажу по умеренным, хотя и прибыльным для казны ценам,—противодействовать пагубному стремлению частных заводчиков искусственно повышать цены...»[67].

Осуществление этого плана, безусловно, еще более

---

[66] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, л. 59 об.
[67] Там же, л. 60.

бы усилило позиции царизма в экономической жизни страны. Доклад министра был одобрен царем. Правда, до создания новых заводов дело не дошло, однако на всех уральских заводах были начаты многочисленные постройки. Вокруг вопроса о переустройстве казенных заводов развернулась интенсивная заседательская деятельность.

В 1896 г. для обсуждения вопроса о переустройстве казенных заводов в Петербурге под председательством министра земледелия и государственных имуществ собралось совещание чиновников горного ведомства совместно с представителями от военного и морского ведомств, признавшее, что «нельзя откладывать этого переустройства без значительного ущерба для горнозаводского дела, без явных потерь для казны от устаревших, несоответствующих современным требованиям технических устройств и даже без опасности для обороны государства»[68]. Совещание высказалось за увеличение выплавки чугуна на казенных заводах, за специализацию заводов, усовершенствование техники, за изменение системы бухгалтерской отчетности, а также признало возможным продать или закрыть некоторые убыточные заводы.

Для дальнейшего обсуждения вопроса в казенных округах на Урале были образованы горные советы из местных инженеров под председательством горных начальников, которые выработали свои предположения по вопросу о перестройке заводов. Затем в 1897 г. в Екатеринбурге под председательством главного начальника Уральских горных заводов состоялось совещание горных начальников и чиновников горного ведомства. Оно рассмотрело предложения горных советов и составило подробный план технического переустройства заводов, для осуществления которого был необходим, по мнению совещания, кредит минимум в 12 млн. руб. Совещание признало возможным передать в частные руки или закрыть три завода — Артинский, Нижне-Исетский и Воткинский. Согласившись с общим планом намечавшейся перестройки, совещание вместе с тем решительно

[68] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, л. 50.

высказалось за переход казенных заводов к управлению на коммерческих основаниях[69].

В конце 1897 г. в Петербурге было созвано под председательством министра земледелия и государственных имуществ новое совещание с участием представителей министерства финансов, военного министерства и государственного контроля, которое также пришло к заключению, что для улучшения деятельности казенных заводов «необходимо перейти к такой системе управления ими на коммерческом основании, которая, с одной стороны, допускала бы полный правительственный надзор за всеми операциями заводов, а с другой — не лишала бы их администрацию той свободы и оборотливости, которые, главным образом, обуславливают успех частных промышленных предприятий»[70]. Совещание высказалось за передачу в аренду частным лицам без земельных и лесных угодий и рудных месторождений Артинского и Нижне-Исетского заводов, а также, если найдутся желающие — то и Каменского и Воткинского заводов.

В начале 1898 г. министерством земледелия и государственных имуществ была образована под председательством директора горного департамента комиссия для выработки проекта временного положения об управлении уральскими казенными заводами. Составленный комиссией проект был обсужден совещанием в Екатеринбурге под председательством главного начальника Уральских горных заводов и затем вновь пересмотрен в комиссии. Проект предусматривал организацию управления казенными заводами на коммерческом основании, создание коллегиальных органов — советов — при главном начальнике Уральских горных заводов и горных начальниках, участие заводских служащих в 20% прибылей предприятия[71].

На отчете государственного контролера, сообщавшего об этом проекте, царь Николай II сделал помету: «желательно поспешить с рассмотрением этого важного

---

[69] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, л. 50; Газета «Урал» (Екатеринбург), 1897, № 99, с. 2.

[70] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, л. 51 об.

[71] Там же, лл. 53, 67—68 об.

проекта»[72]. «Высочайшая» резолюция, однако, не ускорила ход дела. Против проекта организации управления казенными заводами на коммерческом праве решительно выступили представители министерства финансов, заявившие, что «коммерческий строй деятельности казенных горных заводов вызывал бы снабжение их особым оборотным капиталом, а такая обособленность их в финансовом отношении находилась бы в противоречии с принятой в государстве бюджетною системою»[73]. Что же касается планов технической перестройки уральских казенных горных заводов, то министерство считало, что не только коренная перестройка, но даже «поддержание всех казенных горных заводов, хотя бы и на коммерческих основаниях, могло бы потребовать совершенно непосильных для государственного казначейства пожертвований»[74].

Совершенно очевидно, что при таком положении дела все проекты о переустройстве казенных заводов были заранее обречены на неудачу. И действительно, проекты эти так и остались только проектами. Единственным результатом многолетнего обсуждения их в различных инстанциях явилось введение в 1909 г. на казенных заводах новой системы отчетности. Грандиозная бумажная волокита, затеянная министерством земледелия и государственных имуществ вокруг вопроса о перестройке уральских казенных заводов, имела, как писал А. Н. Митинский, «только один результат — введение новой бухгалтерии, т. е. начали с конца — надо было придумать, как поменьше тратить зря деньги, а придумали, как надо траты эти записывать на бумаге. Все остальное потонуло в бесконечных комиссиях, составляющих несчастье горного дела»[75].

Согласно решениям совещаний о переустройстве на казенных заводах было предпринято значительное строительство: введено доменное производство на Серебрянском и Нижне-Туринском заводах, перестроены домны в Верхне-Туринском, Кушвинском и Каменском заводах, началось строительство доменных печей в Воткин-

---

[72] А. Н. Митинский. Указ. соч., с. 209.
[73] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1898, д. 193, л. 51 об.
[74] Там же, л. 52 об.
[75] А. Н. Митинский. Указ. соч., с. 209.

ском, Златоустовском и Нижне-Исетском заводах, осуществлен ряд технических усовершенствований[76]. Развитию казенных заводов, особенно заводов Златоустовского горного округа, содействовала постройка в 1892 г. Самаро-Златоустовской железной дороги и соединение ее в 1896 г. с Пермь-Тюменской железной дорогой. Благодаря построенным новым доменным печам и осуществленным усовершенствованиям в технике выплавка чугуна на уральских казенных заводах с 3 691 150 пуд. в 1890 г. возросла до 6 187 940 пуд. в 1900 г.[77]

Решение о расширении выплавки чугуна было экономически правильным, так как в конце XIX в. цены на чугун стояли высокие, спрос на него был большой. Но казенное ведомство действовало очень медленно, ассигновало на строительство недостаточно средств (за последние пять лет XIX в., с 1896 по 1900 г., уральским казенным заводам было выделено строительных кредитов 2 305 660 руб.[78], что минимум в 5 раз было меньше требуемой для технического переустройства заводов суммы), и пока разрабатывало проекты о переустройстве заводов, конъюнктура в стране резко изменилась: разразился экономический кризис 1900—1903 гг., спрос и цены на чугун резко упали. Увеличение выплавки чугуна поэтому не дало казне ожидаемых результатов.

Многие постройки, начатые в конце 90-х гг., ко времени кризиса не были завершены. Инспектор министерства земледелия и государственных имуществ по горной части Урбанович, объехавший в 1901 г., в самом начале кризиса, уральские казенные горные заводы обратил внимание «на массу возводимых там построек», из которых некоторые воздвигались «без видимой необходимости, ради, если можно так выразиться, показной стороны дела», а большая часть построек представляла «лишь зачатки обширных проектов, для приведения в окончательный вид которых могут потребоваться, — писал Урбанович, — еще весьма солидные средства»[79].

Новые постройки возводились спешно, без предварительных изысканий и разведок, и поэтому часто оказы-

[76] ГАСО, ф. 24, оп. 20, 1904, д. 1474, лл. 17—34 об.
[77] Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1890 и 1900 гг. СПб, 1892 и 1902.
[78] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1907, д. 210, лл. 2—2 об.
[79] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1901, д. 1928, л. 2.

вались непригодными к эксплуатации, а средства, затраченные на их возведение, — затраченными впустую. Так, на Серебрянском заводе сначала выстроили в 1897 г. доменную печь, а потом стали производить разведки близлежащих рудных месторождений, которые показали, что никакой возможности выгодно плавить чугун здесь нет. Доменная печь Серебрянского завода выплавила около 1 млн. пуд. очень дорогого, но совершенно непригодного чугуна, который затем долго валялся без употребления по разным казенным заводам, а остановленная в 1902 г. доменная печь, бездействуя, разрушилась. Такова же была судьба доменной печи, построенной в Воткинском заводе[80].

По вопросу о положении казенных заводов в годы экономического кризиса 1900—1903 гг. среди исследователей имеются существенные разногласия. Если И. Х. Озеров, А. Н. Митинский, В. Д. Белов, П. А. Голлубев и др. считали, что положение уральских казенных заводов в годы кризиса было исключительно тяжелым[81], то М. П. Вяткин полагает, что оно не было таким уж плохим. Он пишет, что «общее сальдо по всем казенным заводам Урала за годы кризиса при общности кассы оказалось положительным», что в годы кризиса, «несмотря на значительные убытки отдельных заводов, в целом казенные заводы давали государству ощутимую прибыль»[82]. По мнению М. П. Вяткина, из всех казенных горных заводов только один Серебрянский «работал с убытком не за отдельные, а за все годы кризиса»; Златоустовский, Кушвинский, Артинский, Верхне-Туринский, Нижне-Туринский и Воткинский заводы если и давали убыток, то только «в отдельные годы»; положение же остальных казенных заводов в годы кризиса, по его мнению, было просто великолепное: Баранчинский завод якобы «за все годы кризиса работал рентабельно и дал... значительную прибыль», которая со-

---

[80] А. Н. Митинский. Указ. соч., с. 155; М. П. Вяткин. Указ. соч., с. 117.

[81] И. Х. Озеров. Указ. соч.; А. Н. Митинский. Указ. соч.; В. Д. Белов. Кризис уральских горных заводов. СПб, 1910; П. А. Голубев. К вопросу о современном положении уральской железной промышленности. СПб, 1909.

[82] М. П. Вяткин. Указ. соч., с. 37, 45.

ставила «внушительную сумму»; Саткинский завод, которого «почти совсем кризис не коснулся,.. принес казне весьма значительную прибыль»; Каменский завод неукоснительно давал казне «весьма приличную прибыль» и т. д.[83] Правда, М. П. Вяткин отмечает, что «трудно сказать при хаотичности отчетности, в какой мере эти данные соответствовали действительности» (это признание само по себе уже подрывает веру в приведенные им данные), но далее заявляет, что «других данных при сметном финансировании казенных предприятий не сохранилось и не могло сохраниться»[84].

Между тем, вопреки прогнозу М. П. Вяткина, в архивах сохранились документы, которые более правдиво показывают финансовое положение казенных заводов в годы кризиса, чем данные официальной двойной бухгалтерии, которыми пользовался М. П. Вяткин. Это докладные записки инспектора по горной части Урбановича министру земледелия и государственных имуществ о финансовых результатах деятельности казенных горных заводов, в которых сообщаются кассовые результаты деятельности уральских казенных заводов в годы кризиса. Эти документы показывают действительную картину финансового положения казенных заводов, вскрывают явную тенденциозность официальной статистики горного департамента. Если по данным горного департамента, основанным на выводах двойной бухгалтерии, уральские казенные горные заводы дали прибыль в 1901 г. — 1 371 815 руб., в 1902 г.— 826 561 руб., в 1903 г.—3054 руб., а всего за три года— 2 201 430 руб.[85], то по данным инспектора по горной части они принесли убыток в 1901 г. — 108 000 руб., в 1902—1903 гг. — 6 317 570 руб., а всего за три года—6 425 570 руб.[86]

Экономический кризис 1900—1903 гг. застал уральские казенные заводы совершенно неподготовленными. Несмотря на некоторые технические усовершенствования, осуществленные во второй половине 90-х гг., казенные заводы по-прежнему оставались технически отсталыми. На заводах имелось большое количество не-

[83] М. П. Вяткин. Указ. соч., с. 38, 45, 39, 42, 44 и др.
[84] Там же, с. 37—38.
[85] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1907, д. 210, лл. 6 об.— 7.
[86] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1905, д. 1757, л. 29 об.

завершенных строек, на быстрое окончание которых не было никакой надежды, так как с началом кризиса строительные кредиты были резко сокращены (в 1901—1905 гг. заводы получили их на сумму 412 993 руб.—в 5 раз меньше, чем в 1896—1900 гг.[87]). Казенные заводы не были приспособлены к требованиям рынка, выпускали в основном полосовое и сортовое железо, которое в годы кризиса не пользовалось спросом. Себестоимость продукции была высокой и, когда в период кризиса цены на металлы резко упали, она оказалась значительно выше продажных цен. Так, на Нижне-Исетском заводе в 1903 г. себестоимость 1 пуда сортового железа составляла 1 руб. 31 коп., а продавалось оно по 1 руб. 13 коп. за пуд[88]. Поэтому не удивительно, что казенные заводы, систематически, из года в год работавшие убыточно, в годы кризиса стали приносить еще большие убытки.

Финансовые результаты деятельности уральских казенных горных заводов в период кризиса были следующими. В 1900 г. кризис еще не дошел до Урала и заводы, впервые за много лет, дали прибыль в 566 572 руб. Но даже и в этом наиболее благоприятном году, по обыкновению, большой убыток дали заводы Гороблагодатского округа—1 279 322 руб., Артинский завод — 117 684 руб., Нижне-Исетский — 95 575 руб.[89] В 1901 г. когда кризис только что охватил Урал, казенные заводы принесли убыток в 108 000 руб., а в 1902—1903 гг., в разгар кризиса, дали огромный убыток в 6 317 570 руб. Финансовые результаты деятельности отдельных заводов в 1902—1903 гг. были таковы: принесли убыток Воткинский завод — 1 445 116 руб., Пермский пушечный — 1 315 072 руб., Кушвинский —584 907 руб., Верхне-Туринский—7414 руб., Нижне-Туринский—589 767 руб., Баранчинский—16 766 руб., Серебрянский—268 629 руб., Нижне-Исетский—279 528 руб., Каменский — 142 690 руб., Златоустовский—1 328 767 руб., Саткинский—15 106 руб., Кусинский—215 637 руб., Артинский—25 596 руб., гора Благодать —82 575 руб.[90] Таким образом, все казенные

[87] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1907, д. 210, лл. 2—2 об.
[88] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1905, д. 1757, л. 33.
[89] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1901, д. 1928, л. 4.
[90] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1905, д. 1757, л. 29—29 об.

заводы в эти годы работали убыточно. Даже те три завода — Баранчинский, Каменский и Саткинский, — которые, по утверждению М. П. Вяткина, за все годы кризиса якобы давали «приличную», «значительную» и «весьма значительную прибыль»— в действительности принесли в 1902—1903 гг. убыток в 174 562 руб.

В 1904 г. большинство казенных заводов тоже работало с убытком. Так, только заводы Гороблагодатского округа дали в этом году убыток в 1 184 000 руб., в том числе: Кушвинский завод—324 000 руб., Баранчинский—328 000 руб., Верхне-Туринский—353 000 руб., Нижне-Туринский —133 000 руб., Серебрянский— 22 000 руб., гора Благодать — 24 000 руб.[91]

Кризис на казенных заводах имел свои особенности. Хотя производство на них тоже сократилось (в 1904 г. из 18 доменных печей действовали только 13 — были остановлены 2 домны в Кушвинском заводе и по одной в Верхне-Туринском, Серебрянском и Златоустовском), но его падение было значительно меньшим, чем на частных заводах. Выплавка чугуна на казенных заводах с 6 187 940 пуд. в 1900 г. уменьшилась до 5 830 994 пуд. в 1904 г., то есть на 5,7% (в целом по Уралу за это время она сократилась на 21%)[92]. Меньшее падение уровня производства на казенных заводах по сравнению с частновладельческими объясняется искусственной поддержкой казенных заводов в годы кризиса со стороны казны — предоставлением им крупных казенных заказов и значительных субсидий из государственного бюджета, за счет которых и покрывался дефицит в финансовой деятельности заводов. Операционные кредиты казенным заводам были увеличены с 10 000 000 руб. в 1900 г. до 12 208 000 руб. в 1904 г.[93], что позволило им в годы кризиса работать «про запас», «накапливая» на заводских складах вырабатываемые чугун и железо.

В результате за годы кризиса на казенных заводах скопилось огромное количество железа и чугуна, не нашедших себе сбыта. Так, на Нижне-Исетском заводе остаток непроданного железа на 1 января 1902 г. со-

[91] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1910, д. 89, л. 1.
[92] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1900 г., СПб, 1902.
[93] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1907, д. 210, л. 2 об.

ставлял 186 560 пуд., а на 1 января 1904 г.— уже 409 280 пуд., что превышало двухгодичную производительность завода. На заводах Гороблагодатского округа к 1 января 1904 г. скопилось 2 936 969 пуд. чугуна (в том числе на Кушвинском заводе — 818 688 пуд., Баранчинском — 698 626 пуд., Верхне-Туринском—899 421 пуд.), что превышало годовую выплавку чугуна на заводах округа, и 8 257 698 пуд. руды, что равнялось почти двухгодовому запасу. На Артинском заводе к 1 января 1904 г. скопилось 366 436 шт. непроданных кос[94].

На финансовой стороне деятельности казенных заводов в годы кризиса отрицательно сказывалась обремененность их невзысканными долгами, которых к 1 января 1904 г. по всем уральским казенным горным заводам накопилось на огромную сумму 11 931 260 руб., причем значительную часть невзысканных долгов составляли безнадежные долги[95].

Значительно ухудшили положение казенных заводов крупные пожары, которые произошли на Златоустовском заводе в 1902 г. и на Воткинском в 1903 г. На Златоустовском заводе сгорели снарядный и механический цеха со всем их оборудованием, на Воткинском пожаром было уничтожено нефтехранилище, сильно повреждены сварочный цех, плотина и водопровод[96].

Горная администрация приняла ряд мер, чтобы уменьшить убыточность казенных заводов, поправить их неблагополучное финансовое положение. Были сделаны попытки продвинуть изделия казенных заводов на новые рынки — в Среднюю Азию, Сибирь, Закавказье, но они успеха не имели, так как на эти рынки уже успели проникнуть, вперед казенных, уральские частновладельческие заводы[97].

Казна развернула оживленную торговлю лесом, хищнически вырубая для этой цели заводские леса. Доход от продажи леса составил в 1901 г.—305 197 руб., в 1902—1903 гг.—530 084 руб.[98], но это не могло сколько-нибудь существенно повлиять на общий баланс заводов, который все равно оставался убыточным.

[94] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1905, д. 1757, лл. 31—33.
[95] Там же, л. 34 об.
[96] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1907, д. 210, л. 2 об.
[97] ГАСО, ф. 24, оп. 20, 1903, д. 1312.
[98] ЦГИА, ф. 37, оп. 64, 1905, д. 1757, л. 30.

Была предпринята попытка организовать выпуск на казенных заводах кровельного железа, которое в годы кризиса пользовалось спросом на рынке. Началось переоборудование Серебрянского завода для производства такого железа, но делалось это, по казенному обыкновению, очень медленно, в результате чего получилась прежняя картина: когда завод стал выпускать кровельное железо, цены на него уже упали. Себестоимость серебрянского кровельного железа была 1 руб. 86 коп. за пуд, а цены на него к 1909 г. упали до 1 руб. 40 коп.— 1 руб. 50 коп. за пуд[99]. Казенным заводам ничего не оставалась делать, как снова подсчитывать свои убытки.

Все попытки царской администрации в конце XIX — начале XX вв. реконструировать казенные заводы, сделать их экономически рентабельными окончились неудачей, показав полную неспособность царизма организовать руководство горными заводами. На Урале укоренилось прочное убеждение, что казенные заводы, по самой своей природе, безубыточно работать не могут. А. Н. Митинский писал: «Плохо работать и давать убытки уральские казенные горные заводы должны и дают теперь потому, что они, во-первых, казенные, во-вторых, уральские, а в-третьих—горные заводы»[100].

Царскому правительству не удалось также разрешить на казенных заводах «рабочий вопрос», несмотря на уверения, что оно якобы проявляет большую заботу о своих рабочих, чем частные предприниматели. Жестокая эксплуатация рабочих на казенных заводах вызывает со стороны рабочих решительный отпор, сначала стихийный, а затем, особенно с конца 90-х гг. XIX в., когда борьбой рабочих начинают руководить социал-демократические организации — все более организованный. Рабочие казенных заводов выступают в авангарде развернувшейся на Урале классовой борьбы. Крупные стачки рабочих на Златоустовском заводе в 1897 г., на Воткинском в 1902 г., на Мотовилихинском в 1899 и 1903 гг., расстрел рабочих Златоустовского завода в 1903 г. оказали огромное влияние на весь ход рабочего

[99] ЦГИА, ф. 37, оп. 77, 1910, д. 89, л. 10.
[100] А. Н. Митинский. Указ. соч., с. 166.

движения на Урале. Рабочие казенных заводов приняли активное участие в революции 1905—1907 гг.

Хроническая убыточность казенных заводов, неудача попыток их переустройства, тяжелое экономическое и финансовое положение заводов в период экономического кризиса 1900—1903 гг. и последовавшей за ним промышленной депрессии[101] заставили правительство снова изменить свой взгляд на уральские казенные горные заводы. Планы массового производства на казенных заводах чугуна и завоевания ведущего положения на внутреннем металлургическом рынке были окончательно оставлены, как явно не осуществимые. В 1906 г. горный ученый комитет признал, что главной задачей казенных заводов должно быть исполнение нарядов казенных ведомств; заводы, изготовлявшие продукцию на рынок, предлагалось передать в частную эксплуатацию. К этому предложению присоединилось министерство торговли и промышленности, которое разработало проект закона о передаче в частную эксплуатацию заводов, работавших на частный рынок. Законопроект был 25 октября 1910 г. утвержден царем и стал законом[102].

Казалось, что по вопросу об уральских казенных заводах царское правительство вновь вернулось к позициям, которые занимало в 60—70-х гг. Однако на практике закон 25 октября 1910 г. не был приведен в исполнение и до революции 1917 г. ни один казенный завод не был передан в частные руки.

Таким образом, несмотря на значительные колебания правительственной политики по отношению к уральским казенным горным заводам в пореформенный период, обуславливаемые в значительной мере состоянием промышленной конъюнктуры в стране и состоянием государственного бюджета, основу ее составляло неизменное стремление царского правительства сохранить в своих руках ведущие предприятия горнозаводской промышленности. Царское правительство, несмотря на хро-

---

[101] В 1905—1909 г., в период промышленной депрессии, по данным А. Н. Митинского, уральские казенные горные заводы приносили убыток ежегодно в среднем по 4 000 000 руб. (А. Н. Митинский. Указ. соч., с. 168).

[102] П. М. Вяткин. Указ. соч., с. 125—127.

ническую убыточность уральского казенного горнозаводского хозяйства, упорно удерживало его в своих руках.

Уральская казенная горнозаводская промышленность, тесно связанная с военно-промышленным потенциалом царизма, функционировала не на основе традиционного закона получения капиталистической прибыли, а поддерживалась царским правительством за счет государственного бюджета по политическим причинам — она являлась одной из составных частей монополии военной силы царизма, опираясь на которую, царизм сохранял известную политическую самостоятельность, хищнически эксплуатировал народные массы и вел захватническую внешнюю политику.

Е. И. ЛЯГУШЕВ

ПЕРВЫЕ ШАГИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1918—1922 гг.)

Проблема возникновения и развития социалистических форм в сельском хозяйстве в первые годы Советской власти все больше привлекает внимание исследователей, особенно в последнее время. В трудах советских историков С. П. Трапезникова, В. П. Данилова, Ю. А. Полякова, Г. В. Шарапова, В. Б. Островского, В. А. Голикова, Б. А. Абрамова и других на большом конкретном материале раскрываются социально-экономические и политические отношения в советской деревне, создание и проведение в жизнь ленинского кооперативного плана, показывается упрочение союза рабочего класса и трудового крестьянства, укрепление сельских Советов, развитие кооперативного движения, руководящая роль партии в социалистическом преобразовании сельского хозяйства.

Вместе с тем, картина возникновения и развития социализма в деревне была бы неполной без конкретных исследований этого процесса в отдельных районах страны. В последнее время появляется все больше работ, восполняющих этот пробел. К ним следует отнести исследования Е. И. Медведева, Ф. А. Каревского, А. В. Филимоновой и других, в которых освещаются процессы становления и развития коллективных форм в земледелии на материалах Среднего Поволжья[1].

[1] Е. И. Медведев. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1964; его же. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970; Ф. А. Каревский. Развитие сельскохозяйственной кооперации в Среднем Поволжье. «Ученые записки» Куйбышевского госпединститута, выпуск XVIII, 1957; его же. Начало коллективизации сельского хозяйства в Среднем Поволжье (до XVI съезда партии). «Ученые записки» Куйбышевского госпединститута, выпуск XX, 1958; А. В. Филимонова. Борьба за предпосылки коллективизации сельского хозяйства в Ульяновской губернии ко времени XV съезда партии. Ульяновский краеведческий музей. «Краеведческие записки», выпуск II. Ульяновск, 1958.

Автор настоящей статьи на основе изучения решений съездов, конференций, пленумов ЦК РКП (б), съездов Советов, документальных материалов областных партийных и государственных архивов Куйбышевской и Ульяновской областей, а также центральной и местной печати первых лет Советской власти ставит своей целью показать появление и развитие социалистических форм хозяйства на селе в Самарской и Симбирской губерниях в 1918—1922 гг.

Общая площадь, занимаемая Самарской и Симбирской губерниями, равнялась 189 785 кв. км. В дореволюционное время здесь проживало более 5 млн. человек. Подавляющее большинство жителей (93,2%) приходилось на сельскую местность, на каждую тысячу человек населения в сельском хозяйстве было занято 851 чел.[2] Земля в основном находилась в руках помещиков, купцов, кулаков и церкви. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» относил Самарскую и Симбирскую губернии, как и все правобережье Волги, к местностям, в которых всего сильнее было развито крепостное право. Крупными земельными собственниками в Самарской губернии были князья Кугушевы (256 тыс. дес.), графы Орловы-Давыдовы (193 тыс. дес.), Шуваловы (135 тыс. дес.) и другие[3]. Купцы, кулаки и другие предприниматели спекулировали землей, разоряли трудовое крестьянство.

В. И. Ленин, анализируя состояние сельского хозяйства, указывал на огромные размеры запашек сельской буржуазии в Самарской губернии, которые усиливали процесс классовой дифференциации в деревне: «... запашки в 3—6 тыс. десятин не редкость, а некоторые практикуют посевы и до 8—10—15 тысяч десятин, при аренде нескольких десятков тысяч казенной земли»[4]. Поэтому в Самарской губернии резко обозначались две социальные группы крестьянства — беднота (43,4%) и зажиточные крестьяне (22,3%). В губернии насчитывалось 18,9% безлошадных крестьянских хозяйств[5].

---

[2] Е. И. Медведев. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970, стр. 6.

[3] Там же.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 83.

[5] Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО), ф. 644, оп. 1, д. 4849, л. 4.

В 1913 году в Симбирской губернии было 657 помещиков, в имениях которых числилось 510,6 тыс. дес. лучших и удобных земель. В то же время 285 тыс. крестьянских дворов имели только 2 275 тыс. дес. — в среднем по 7,9 дес. на хозяйство. Почти половина этой земли принадлежала кулакам, составлявшим около 15% крестьянских дворов. Из общего числа крестьянских хозяйств было 14,2% беспосевных и около 20% безлошадных и бескоровных хозяйств[6]. Крестьяне-бедняки разорялись, превращались в батраков, поденщиков, а часть из них уходила в город, пополняя армию промышленных рабочих.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила крестьянство от помещичьей, кулацкой кабалы и завершила борьбу крестьян за землю. Советская власть ликвидировала долги крестьянскому поземельному банку и освободила крестьян от ежегодных арендных платежей за землю в сумме 7 млн. рублей[7].

В результате проведения в жизнь ленинского Декрета о земле крестьяне Самарской и Симбирской губерний получили 7 004 841 дес. национализированных земель[8].

Победа Октябрьской революции создала объективные предпосылки для коллективного ведения сельского хозяйства, создания и укрепления социалистического уклада в деревне. Осуществление Декрета о земле, деятельность комитетов бедноты привели к тому, что село в основном стало середняцким; количество как деревенской бедноты, так и кулаков намного сократилось. Но для массовой коллективизации в деревне в первые годы Советской власти еще не было необходимых материальных условий.

Следует помнить, что строительство первых коллективных хозяйств проходило в исключительно тяжелых условиях гражданской войны. Кроме того, они создавались на слабой материальной базе: устаревшая сель-

---

[6] Десять лет культурного и хозяйственного строительства. Ульяновск, 1927, стр. 20.

[7] А. В. Филимонова. Борьба за предпосылки коллективизации сельского хозяйства в Ульяновской губернии ко времени XV съезда партии. Краеведческие записки, выпуск. II, Ульяновск, 1958.

[8] Е. И. Медведев. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1964, стр. 115; ГАУО, ф. 336, оп. 52, д. 142, л. 53.

скохозяйственная техника, недостаточное количество рабочего скота, продуктов, почти полное отсутствие денежных средств. Примитивной была организация труда и распределение продуктов. Но несмотря на все это, весной 1918 года как в ряде других районов, так и в Среднем Поволжье появились первые коммуны и артели.

В начале 1918 г. 250 крестьян с. Старые Бурундуки Симбирской губернии создали трудовую коммуну. В резолюции, принятой на организационном собрании, указывалось, что «...только артельным братским порывом можно... ожидать восстановления нашего хозяйства и и счастья на земле[9]. Односельчане с. Михайловки Новоузенского уезда Самарской губернии организовали коммуну из 21 двора. В распоряжении коммунаров находилось 500 десятин пахотной земли, кузница и столярная мастерская[10]. Коммуны чаще всего создавались беженцами. Так, на организацию коллективных хозяйств к концу мая 1918 года в земельные отделы Самарского уезда поступило 179 ходатайств от пришлых семейств. Весной 1918 года в Самарской губернии насчитывалось 60 коммун и 50 артелей[11]. В Симбирской губернии в 1918 году было зарегистрировано три сельхозобъединения[12]. Наряду с ними в заволжских уездах распространялась и простейшая форма коллективного труда — крестьянская супряга и соседская артель. Эти кратковременные объединения крестьян создавались для проведения сева, уборки урожая и других работ.

Одной из первых в Самарской губернии и самой большой в стране была Новорепинская сельскохозяйственная коммуна. В августе 1918 года в коммуне числилось 8474 человека. В ее состав входили: 1 агроном, 10 кузнецов, 24 учителя, 5 слесарей, 10 плотников, 10 сапожников. В распоряжении коммунаров находилось 53 032,5 дес. земли, 2 967 голов рабочего скота, 464 косилки, 741 плуг, 9 молотилок, 3 механические мукомольные мельницы, кирпичный, кожевенный заводы и мно-

---

[9] «Известия Симбирского губернского Совета», 1918, 6 июля.

[10] ГАКО, ф. 474, д. 41, л. 6.

[11] Е. И. Медведев. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970, стр. 153—154.

[12] Десять лет культурного и хозяйственного строительства. Ульяновск, 1927.

гое другое. Для обеспечения семей коммунаров продуктами был основан общественный фонд. Коммуна состояла из 508 звеньев. Хозяйственные и другие вопросы разрешались на ее совете. Уже весной 1918 года члены коммуны достигли значительных результатов в совместном труде — ими было засеяно 33 514 дес. земли, в 1,5 раза больше общей посевной площади всех членов до их объединения в коммуну[13].

Новорепинская коммуна явилась первым опытом коллективного труда в границах целой волости. Но многие объединения крестьян были мелкими и имели не больше 50—60 дес. земли. В таких хозяйствах слабо проявлялись преимущества коллективного труда.

Разоблачение левых эсеров и изгнание их из местных Советов позволило комбедам усилить инициативу и руководство в создании артелей и коммун. Борьба за коллективные формы ведения сельского хозяйства усилилась. Так, благодаря агитационной и организационной работе членов исполкома и комбеда с. Мало-Малышевки Бузулукского уезда Самарской губернии, организовалась сельская коммуна из 74 семей. Ее члены выразили согласие сдать все излишки хлеба государству и по первому призыву Советов выступить на защиту Советской республики[14]. Интересно отметить, что в создании коммун активное участие принимал В. И. Чапаев[15]. При его содействии возникло одно из первых крестьянских объединений «Бенардак». В хозяйстве насчитывалось 40 тыс. дес. земли, машины, инвентарь, скот[16].

Инициатива в создании коммун и артелей исходила от партийных организаций и органов Советской власти. Зачинателями первых крестьянских объединений являлись сельские коммунисты, рабочие, вернувшиеся с фронта солдаты. Нередко они становились жертвами бандитизма и кулацких мятежей. «Это были герои великой битвы. Это было время острой классовой борьбы

---

[13] Е. И. Медведев. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970, стр. 156.

[14] «Коммуна», 1918, 12 декабря.

[15] ГАКО, ф. 2247, оп. 2, д. 7, стр. 34.

[16] И. С. Стрельцов. Красный путь 22-й дивизии, Самара, 1930, стр. 34.

пролетариата города и деревни с многочисленными врагами социализма»[17].

Коммунистическая партия и Советское правительство строго следили за соблюдением принципа добровольности, за тем, чтобы партийные и советские органы не допускали поспешности и торопливости в переходе к коллективным формам ведения хозяйства. На VIII съезде РКП (б) В. И. Ленин предупреждал: «Действовать здесь насилием, значит погубить все дело»[18].

Однако некоторые партийные и советские работники, не учитывая местных условий настолько увлекались коллективизацией, что стремились создавать коммуны в размере уездов. В частности, председатель Николаевского уездного Совнаркома Самарской губернии В. И. Ермощенко проводил работу по организации «Николаевской уездной коммуны»[19]. 17 апреля 1918 г. проект ее структуры и управления был принят на заседании уездного Совнаркома, а затем передан на рассмотрение экономической комиссии. В проекте говорилось, что «целью организации коммуны является стремление к социальному переустройству условий жизни и переходу к полному коммунизму... Практической же целью организации коммуны является воспитание крестьян в духе коллективизма, товарищества»[20].

Подобная поспешность и администрирование были характерны для некоторых районов страны. Местные руководители упрощенно понимали переход крестьянства на социалистические рельсы. Поэтому созданные ими коллективные хозяйства были экономически слабыми и распадались, не сумев преодолеть трудностей военного времени.

Советское государство оказывало артелям большую материальную помощь. Только в июле 1918 года Совнарком отпустил 10 млн. рублей на мероприятия по развитию коммун. Коллегия Самарского губземотдела выделила из губернского бюджета 300 тыс. рублей. В

---

[17] Л. И. Брежнев. Речь на III Всесоюзном съезде колхозников. — «Правда», 1969, 27 ноября.

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 200.

[19] Партийный архив Куйбышевской области (ПАКО), ф. I/V. оп. 8, д. 25 «А», стр. 20.

[20] Там же, стр. 20.

августе 1918 года Советское правительство отпустило 50 млн. рублей, в октябре—15 млн. рублей, а в ноябре—1 млрд. рублей[21].

Широкое развитие коллективные формы земледелия приобретают в 1919 году. Только за период с сентября 1918 г. по июнь 1919 г. в Самарской губернии было создано 64 коммуны и 50 артелей[22]. Если в начале 1919 г. коллективных объединений в Симбирской губернии насчитывалось 29, то в июле их стало уже 152[23].

В. И. Ленин внимательно изучал формы и методы кооперирования сельского населения. Зная силу частнособственнической психологии, привязанность крестьян к индивидуальному хозяйству, он указывал на необходимость постепенного подвода их к коллективному труду. Вождь революции рассматривал кооперацию как форму «перехода к новым порядкам путем возможно более **простым, легким** и **доступным для крестьянина**»[24].

Большое значение в развитии коллективных форм в деревне сыграл I Всероссийский съезд земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей, состоявшийся 3 декабря 1919 г. в Москве. Это был съезд представителей первых социалистических островков в океане миллионов мелких индивидуальных хозяйств.

В речи перед собравшимися делегатами В. И. Ленин говорил, что советская власть придает большое значение организации коммун, артелей и другим объединениям крестьян, направленной на превращение мелких единоличных хозяйств в общественные, артельные. Ленин учил, чтобы каждая коммуна, артель стали образцовыми, являлись примерами для соседних крестьян.

Но в годы гражданской войны полностью осуществить задачи, возложенные советской властью на коллективные объединения крестьян, было нелегко. В ходе жестоких боев Красной Армии с белогвардейцами и чехословацкими войсками хозяйство их разрушалось. В 1918, 1919 годах эти войска и банды уничтожили до

---

[21] Е. И. Медведев. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1964, стр. 195.

[22] ГАКО, ф. 81, оп. 10, д. 15, л. 53.

[23] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 384, оп. 7, д. 34.

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

75—80% всех посевов, в основном объединенных хозяйств[25].

Враги советской власти физически уничтожали руководителей, членов коммун и артелей. Так, 6 июля 1918 г. в расположение сельскохозяйственной артели близ станции Югаза Бугульминского уезда Самарской губернии ворвался белогвардейский отряд и с помощью местных кулаков избил коммунаров и разгромил их хозяйство. Бандиты сожгли постройки, потравили посевы, отобрали 27 лошадей, 8 коров и 9 свиней, разграбили личное имущество, расстреляли 9 коммунаров. Артель прекратила существование[26]. В коммуне, образованной в бывшей экономии помещика Зейферта Семеновской волости, казацкая банда изрубила 26 коммунаров. В коммуне с. Клинцовки Клинцовской волости Николаевского уезда белоказаки уничтожили до 250 мужчин. Кулаки бросили гранату в дом председателя Новоренинской коммуны[27]. Хозяйство коммун и артелей разрушалось и скрытыми врагами, пролезавшими различными путями к руководству крестьянскими объединениями.

Советское правительство, защищая трудовые слои крестьянства, ограничивало эксплуататорские стремления кулачества путем повышения налогов, запрещало пользование наемной рабочей силой, обязывало излишки хлеба продавать государству по установленным ценам и т. д. Эти меры приводили к сокращению размера кулацких хозяйств, освобождению батраков и бедняков от эксплуатации и способствовали развитию и укреплению социалистического сектора в деревне.

В ходе организации первых артелей и коммун беднейшее крестьянство проявляло небывалое творчество в организации труда. Получая материальную помощь от государства, коллективные хозяйства брали на себя обязательства вводить образцовую обработку полей, многопольную систему в земледелии, шире применять

---

[25] Центральный Государственный архив Народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), ф. 1562, оп. 8, д. 627, л. 84.

[26] Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1959) под редакцией В. П. Данилова, М. П. Кима, Н. В. Тропкина. М., 1970, стр. 69.

[27] Е. И. Медведев. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев. 1970, стр. 158—159.

искусственные удобрения, развивать все отрасли сельскохозяйственной деятельности. Крестьянство, организованное в артели и коммуны, поддерживало проводившуюся советским правительством продовольственную политику. Так, например, бедняки Клинцовской волости Николаевского уезда Самарской губернии, создав трудовую артель и коммуну, успешно провели все сельскохозяйственные работы и сдали государству 24 тыс. пудов хлеба[28].

С изгнанием белогвардейцев и восстановлением советской власти возрождались прежние и создавались новые коллективные объединения. К январю 1920 года в Симбирской губернии функционировали 26 коммун и артелей с общим количеством 3387 человек. В течение года было создано еще 125 артелей и коммун[29]. Стремление крестьян к общественным формам ведения хозяйства усилилось и в Самарской губернии. К осени 1919 г. в ней уже существовало 114 сельскохозяйственных объединений, из которых 60 составляли коммуны. Только в Балаковском уезде к весне 1921 года число артелей и коммун увеличилось с 22 до 42, а членов в них — с 1600 до 3300 человек. Они с большим энтузиазмом провели весеннюю кампанию и посеяли 5,5 тыс. десятин земли[30].

После окончания гражданской войны коллективные хозяйства крестьян по-прежнему оставались слабыми. Недоставало инвентаря, рабочего скота.

О наличии сельскохозяйственного инвентаря в коллективных объединениях Симбирской губернии дает представление следующая таблица:[31]

Перечень орудий труда	Приходилось на 100 десятин	Приходилось на 100 человек
1. Плугов	2,7 штук	2,5 штук
2. Борон	3,3 «	3 «
3. Сеялок	0,45 «	0,41 «
4. Уборочных машин	0,43 «	0,4 «
5. Косилок	0,1 «	0,4 «
6. Зерноочистительных машин	0,2 «	0,2 «

[28] Е. И. Медведев. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1970, стр. 153.

[29] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 1014, л. 13, 14.

[30] К. Я. Наякшин. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962, стр. 122.

[31] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 1014, л. 15.

Сильно сократилось поголовье лошадей. В среднем на одно коллективное объединение приходилось по 6,6 рабочей лошади, а на 100 десятин пахотной земли по 6 голов, то есть нагрузка на каждую лошадь по 16,6 десятины. Примерно в таком же тяжелом состоянии при переходе страны от войны к мирному хозяйственному строительству оказались коллективные объединения крестьян Самарской губернии. Слабая обеспеченность хозяйств сельскохозяйственным инвентарем и машинами удлиняли сроки сева и затягивали уборку и обмолот хлебов. В этих условиях, используя материальную помощь со стороны государства, крестьяне проявляли большую личную инициативу, старались как можно скорее укрепить артельное хозяйство.

Неурожай и голод, обрушившиеся в 1921 году на Поволжье, пагубно отразились на коллективных объединениях. Однако, по сравнению с единоличными крестьянскими хозяйствами, они активнее преодолевали трудности голодного времени. Симбирская губернская газета «Заря», например, сообщала, что «к 20 мая по всей губернии незасеянных яровых полей было: на единоличных наделах 27,5%, в колхозах Сызранского уезда 20%»[32]. Организованные в артели крестьяне лучше подготовились и провели весеннюю посевную кампанию и засеяли на 7,5% земли больше, чем единоличники. Крестьяне воочию убеждались, что коллективное ведение хозяйства давало лучшие результаты, облегчало борьбу с голодом. Это вызывало рост и укрепление коллективных форм в деревне. Только в первой половине 1921 года по нашим подсчетам вновь было организовано 191 сельскохозяйственное объединение[33]. На 1 января 1922 года в Симбирской губернии уже насчитывалось 260 хозяйств с 14 641 дес. земли, объединявших 16 857 человек[34].

В Самарской губернии в течение одного года вновь было создано 569 крестьянских объединений. Если в 1920—1921 гг. их насчитывалось 447, то в 1921—1922 гг. — 1016[35].

---

[32] «Заря», 1921, 26 мая.
[33] ГАУО, ф. 336, оп. 48, д. 8, л. 20, 22.
[34] ГАУО, ф. 336, оп. 48, д. 8, л. 22 (таблица составлена нами).
[35] ГАКО, ф. 664, оп. 1, д. 2919, л. 131.

Количество коллективных хозяйств, их формы, число вошедших в них крестьян и наличие земельных угодий в Симбирской губернии показывает таблица:

Форма объединения	Число хозяйств	Количество едоков	Количество земли в дес.
Коммун	36	1721	3841
Артелей	217	1436	10 299
Общественных пашен	7	820	501,5

Документы государственных архивов Самарской и Симбирской губернии позволяют установить, что наибольший рост сельскохозяйственных коллективов и коммун приходится на первую половину 1921 года. С переходом к новой экономической политике наблюдается некоторое сокращение их числа. Оживление хозяйственной жизни на основе НЭПа сопровождалось ростом кулачества и попытками проникновения кулацких элементов в артели и коммуны. Подобные хозяйства подчас распадались или ликвидировались партийными и советскими органами. Только в марте 1922 г. в Симбирской губернии по этой причине прекратили существование 9 артелей и одна коммуна[36]. Ликвидация лжеколлективов и других случайных объединений создавала условия для развития коллективизации на здоровой основе. В резолюции, принятой VII Мелекесской уездной партийной конференцией, специально указывалось на необходимость «обратить особо сугубое внимание на организацию в коллективные и кооперативные товарищества беднейшего крестьянства в целях поднятия их хозяйственной мощи и тем самым хозяйственной мощи Республики»[37].

Организация труда и быта в артелях и коммунах определялась примерным уставом, утверждаемым губернским земельным отделом. В 1922 г. Наркомзем РСФСР издал раздельные примерные уставы для сельскохозяйственной коммуны и для земледельческой арте-

[36] ГАУО, ф. 336, оп. 48, д. 8, л. 122.

[37] Партийный архив Ульяновской области (ПАУО), ф. 1196, оп. 1, д. 226, л. 10.

ли. В уставах учитывался опыт, накопленный крестьянскими объединениями, полное соблюдение добровольности членства, сосредоточивалось внимание на решение производственных задач, применительно к условиям новой экономической политики. Однако уставы не стимулировали у членов артелей и коммун поднятие производительности труда. Распределение доходов среди членов артели производилось по уравнительному принципу.

Большую роль в организационно-хозяйственном укреплении коллективных форм в земледелии сыграла агитационно-пропагандистская работа губернских партийных организаций (доклады и беседы о кооперации, собрания и конференции крестьян и крестьянок, советы специалистов по сельскому хозяйству, создание показательных участков, сельскохозяйственные курсы и т. д.). Только в 1922 году в Симбирской губернии было проведено 83 собрания крестьян и дано 706 справок, связанных с организацией сельскохозяйственных кооперативов, создано 24 показательных участка на площади в 362 дес. В декабре 1922 г. для работы сельскохозяйственных курсов выделялось 138 тыс. рублей[38]. В 1922 году в Симбирской губернии было зарегистрировано 409 различных кооперативов, в том числе 29 коммун, 237 артелей, 15 товариществ с кредитными функциями и т. д.[39]. Различными формами кооперации был охвачен 3,3% крестьянского населения губернии[40]. Заметные сдвиги в развитии коллективных форм в земледелии произошли и в Самарской губернии. На 1 января 1923 г. здесь насчитывалось 1947 сельскохозяйственных кооперативов (29 836 человек), 294 (54 006 человек) товарищества[41], 35 коммун, 3 садово-огородные артели, одна молочная артель. Все формы крестьянских объединений охватывали 91 083 человека, что составляло 4,8% от всего сельского населения губернии[42].

Следует отметить, что до 1920 года преимущественно росли коммуны, организованные на землях бывших по-

---

[38] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 1445, л. 11.
[39] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 1445, л. 12.
[40] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 950, л. 37.
[41] ЦПА имл, ф. 17, оп. 15, д. 39, л. 10.
[42] ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 939, л. 120.

мещичьих имений, использовавшие хозяйственные постройки и инвентарь. Большинство коммунаров составляли бедняки и батраки. Начиная с 1920 года, происходит заметный рост сельскохозяйственных артелей, создаваемых путем объединения земельных наделов крестьян-единоличников, их личного скота, орудий обработки почвы и других средств труда. Бедняцко-середняцкие массы крестьян составляли большинство членов сельскохозяйственных объединений.

Первые ростки социалистических форм в сельском хозяйстве губерний Среднего Поволжья представляются по годам следующим образом[43].

Число коллективных хозяйств (коммун, артелей, тозов) в Среднем Поволжье в 1918—1922 гг.:

Губернии	годы				
	1918	1919	1920	1921	1922
Самарская	110	114	—	447	1016
Симбирская	3	52	177	260	409

В 1921—1922 годах имел место усиленный рост новых сельскохозяйственных объединений крестьян. Это объясняется тем, что в тяжелых условиях неурожая и голода крестьяне находили в них спасение. Получая от советского государства землю лучшего качества, семенную ссуду, инвентарь, кредиты, крестьяне могли объединить свой труд для получения лучших результатов в ведении хозяйства и выйти из тяжелого положения.

В первые годы восстановительного периода еще не были созданы экономические условия для массового производственного кооперирования крестьянских хозяйств. Однако, борясь с трудностями, крестьянство все больше приходило к выводу, что ликвидировать неурожаи и голодовки, победить нищету и бедность можно только на основе коллективной обработки земли.

Несмотря на то, что первые коллективные объедине-

[43] Таблица составлена нами на архивных данных, использованных в настоящей статье.

ния имели еще много недостатков в организации труда и экономически были слабы, тем не менее они оказывали большое воздействие на окружающее крестьянство, направляя его на путь социализма.

Таким образом, губернские партийные организации Среднего Поволжья провели в 1918—1922 гг. большую работу по претворению в жизнь ленинских указаний о приобщении крестьянства к новым социалистическим формам ведения хозяйства.

М. А. БОГДАНОВ

РАЗГРОМ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛА БАКИЧА В 1921 ГОДУ

К концу 1920 года советский народ, руководимый Коммунистической партией, очистил от белогвардейцев и интервентов важнейшие районы страны. Гражданская война и интервенция в основном закончились. Потерпев поражение в открытом единоборстве с государством рабочих и крестьян, империалисты США, Англии, Франции, Японии и др. не отказались от намерений свергнуть ненавистный им новый общественный строй, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией. Они прибегли к новой форме вмешательства в дела нашей страны, став на путь организации «внутренних беспорядков», диверсий, террористических актов, кулацких мятежей и политического бандитизма, надеясь взорвать Советскую власть изнутри. Не последняя роль в антисоветских планах иностранных империалистов отводилась многочисленным остаткам разгромленных белогвардейских армий, осевших на территории пограничных с Советской Россией государств. Из них создавались вооруженные отряды, группы террористов и диверсантов, формировались кадры для многочисленных банд, действовавших внутри нашей страны.

Иностранные империалисты, оказывая покровительство русским белогвардейцам, поощряя и финансируя их антисоветскую деятельность, ждали лишь удобного случая для нового вооруженного вмешательства в «русские дела». Не случайно В. И. Ленин, анализируя характер отношений Республики Советов с империалисти-

ческими державами после окончания гражданской войны, предупреждал: «Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске»[1].

В своих далеко идущих планах продолжения борьбы с Советской Россией империалистические державы делали ставку на многочисленные остатки колчаковской армии, укрывшиеся за государственной границей на территории Китая и Монголии. В частности, Япония намеревалась закрепиться в Маньчжурии, Монголии и Северо-Западном Китае и отсюда начать новое наступление против ДВР и Советской России на широком фронте от Приморья до Туркестана, используя в качестве основной ударной силы белогвардейские формирования Семенова с каппелевцами, Унгерна с бандами Кайгородова, Казанцева и др., Бакича с дутовцами и анненковцами.

Борьба с названными белогвардейскими формированиями носила длительный и напряженный характер, потребовала большого напряжения сил партийных организаций и Советов, органов ВЧК-ГПУ и Красной Армии.

Настоящая статья посвящена одной из недостаточно изученных страниц борьбы с контрреволюцией — разгрому белогвардейского корпуса генерала Бакича на территории Синьцзяна и Монголии в 1921 году.

О разгроме белогвардейского корпуса Бакича написано немного. В 1921 году в журнале «Военная мысль» (кн. 3) — органе Реввоенсовета Туркестанского фронта — была опубликована статья Н. Лямина «Операции Красной Армии против белых на территории Китайской республики с 17 мая по 17 июня 1921 г.» Статья написана на основе материалов оперативного управления штаба Туркестанского фронта по горячим следам первого этапа операций Красной Армии против белогвардейцев. Автор усматривает одну из главных причин незавершенности операций против Бакича в мае — июне 1921 года в промедлении помглавкома по Сибири В. И. Шорина с передачей ряда сибирских частей Красной Армии в состав Туркестанского фронта для совместных действий.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 296.

В 1923 году в журнале «Красная Армия Сибири» (№ 5—6) была опубликована статья бывшего комиссара 13-й кавдивизии Н. В. Евсеева — «Разгром генерала Бакича», посвященная операциям частей Красной Армии против белогвардейцев в Шарасумэском округе Синьцзяна в конце августа — начале сентября 1921 года. Статья содержит ценный фактический материал о соотношении сил сторон, о подготовке плана и ходе операций. Однако в статьях Н. Лямина и Н. Ф. Евсеева рассматриваемые события освещаются в отрыве от общей политической обстановки в Сибири, вне связи с планами империалистических держав по развертыванию борьбы против Советской России.

В разное время были опубликованы воспоминания активных участников борьбы с бакичевцами — П. П. Собенникова[2] и К. К. Байкалова[3]. Они содержат ценные сведения, касающиеся отдельных этапов борьбы с белогвардейцами. В 1923 году была опубликована брошюра Камского «Русские белогвардейцы в Китае». В ней не мало сведений о внутреннем состоянии корпуса Бакича во время его пребывания в Чугучаке и отступления в Шарасумэский округ, о взаимоотношениях белогвардейцев с китайскими властями и т. д.

Затем в течение почти полувека в нашей печати не появилось ни одной публикации о разгроме белогвардейского корпуса генерала Бакича, а названные выше статьи и воспоминания стали библиографической редкостью, известной лишь узкому кругу специалистов. Только этим можно объяснить появление в 1957 году в журнале «Вопросы истории» (№ 3) материалов сотрудника Новосибирского областного архивного отдела А. Н. Блохиной — «Новые документы из истории советско-китайских отношений». В названной публикации приводится текст советско-китайского соглашения от 26 сентября 1921 года[4] о совместных действиях совет-

---

[2] Ликвидация Бакича. — «Красная конница» (Орган инспекции кавалерии РККА), 1935, № 2.

[3] Разгром банды Кайгородова. Иркутск, 1932 (2-е изд. Якутск, 1966).

[4] В «Документах внешней политики СССР», т. 4, М., 1960, стр. 320—322, документ ошибочно датирован 12 сентября 1921 г. См. ЦГАСА, ф. 16, оп. 1, д. 17, лл. 31—32.

ских и китайских войск против корпуса Бакича и краткий комментарий к нему. В этом комментарии дана справка о корпусе Бакича и основных этапах борьбы с ним, представляющая собой букет невероятной путаницы, явно дезориентирующей читателя.

Пробел в изучении рассматриваемого вопроса в известной мере восполнен научным сообщением В. Клевцова «Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича» в «Военно-историческом журнале» № 1 за 1971 г. Автор вовлекает в научный оборот некоторые новые документальные материалы Центрального госархива Советской Армии. Однако цельной картины борьбы против белогвардейского корпуса Бакича автору воспроизвести не удалось. В статье речь идет лишь об операциях в Шарасумэском округе и в Западной Монголии. Что касается начального и завершающего этапов операций против корпуса Бакича (май-июнь и декабрь 1921 г.), то они в названной статье остались по существу не рассмотренными. Кроме того, автор допускает ряд существенных фактических неточностей и ошибок. Так, отряды «из разбитых петропавловско-ишимских повстанцев» пришли на соединение с Бакичем не летом, а в мае 1921 года (т. н. «народная дивизия» Новикова-Токарева); в извращенном плане представляется автором борьба с кайгородовщиной на Горном Алтае; автор не заметил изменений в структуре корпуса Бакича, происшедших в сентябре с выходом его в район озера Толбо-Нур; основную часть сил своего отряда в Урянхае Бакич потерял не под Атамановкой, а в устье реки Кендерги (приток Элегеста); судебный процесс над Бакичем и его ближайшим окружением состоялся не в Красноярске и не в начале 1923 года, а в Новониколаевске в мае 1922 года.

Приведенный анализ состояния изученности рассматриваемой проблемы позволяет сделать вывод о том, что вопрос о разгроме белогвардейского корпуса Бакича нуждается в дальнейшем изучении.

Настоящая статья написана на основе имеющихся по данному вопросу публикаций, а также документальных материалов прежде всего Центрального госархива Советской Армии (фонды штаба РККА и штаба войск Сибири), а также ряда сибирских архивов. В числе по-

следних наибольший интерес представляют материалы фонда Сибирского отделения Верховного суда РСФСР (дело Бакича), хранящиеся в Новосибирском областном госархиве.

* * *

Белогвардейский корпус генерала Бакича, сформированный в конце февраля из остатков Южной армии Колчака, под натиском частей Красной Армии 15 марта перешел государственную границу с Китаем и вышел в район города Чугучака — важного торгового центра провинции Синьцзян. В составе корпуса было три дивизии: 1-я Оренбургская казачья генерала Степанова (до 3,5 тыс. человек), 2-я Оренбургская казачья генерала Шеметова (до 2,5 тыс. чел.), 2-я Сызранская егерская генерала Ждановского (до 2 тыс. чел.). Таким образом, общая численность корпуса достигала 8 тысяч бойцов, кроме того с ним было около 6 тысяч беженцев — оренбургских, сибирских и семиреченских казаков, офицерских семей и деятелей колчаковского режима[5].

Командир корпуса Андрей Степанович Бакич (1878—1922 гг.) в 1902 году окончил Одесское пехотное училище, участвовал в русско-японской войне 1904—1905 гг. В годы первой мировой войны, которую он начал в чине штабс-капитана и в должности командира роты, дослужился до подполковника и с конца 1916 по 30 мая 1917 года командовал 55-м сибирским полком. Отстраненный от должности по требованию полкового комитета, до сентября находился в резерве, а затем, с сентября 1917 по февраль 1918 года, командовал 545-м Ахтырским полком. Октябрьскую революцию встретил враждебно. После демобилизации из армии в феврале 1918 года оказался в Самаре. Во время мятежа чехословацкого корпуса стал командиром 2-й Сызранской дивизии, созданной из мятежников — местных кулаков и одураченных кулацко-эсеровской агитацией крестьян, одновременно возглавил Сызранскую группу белогвардейцев. После освобождения частями Красной Армии Симбирска, Самары, Уфы Бакич со 2-й Сызранской дивизией отступил в направлении на Оренбург. В феврале 1919 года был назначен Дутовым командиром 4-го Оренбургского кор-

[5] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 1.

пуса, вошедшего вскоре в состав Южной армии генерала Белова.

По свидетельству лиц, близко знавших Бакича, это был тупой и самодовольный человек с грубыми страстями, ослепленный болезненным честолюбием, храбрый солдат с геройскими усами, но никчемный организатор и полководец, безвольный и, как все люди подобного сорта,— страшный самодур[6].

С выходом в район Чугучака корпус Бакича был разоружен китайскими властями. Вооруженными остались лишь конвой Бакича и часть казаков одного из полков (всего около 200 винтовок). Часть оружия белогвардейцам удалось скрыть от китайских властей и оно было зарыто. 18 марта корпус был отведен на 50 километров юго-восточнее Чугучука и интернирован в сооруженном здесь лагере на реке Эмель.

Одновременно с Бакичем в провинцию Синьцзян ушли Дутов с отрядом до 3 тысяч человек и отряд белогвардейцев во главе с Б. Анненковым. Дутов обосновался в Суйдуне, близь Кульджи — административного и хозяйственного центра Илийского округа Синьцзянской провинции. Его отряд — три оренбургских казачьих полка и отдельные белогвардейские группы семиреченских казаков под общим командованием генерала Гербова — был интернирован в различных пунктах Кульджинского района. Анненков со своим отрядом был интернирован в долине реки Боротола[7].

В провинции Синьцзян в это время господствовала феодально-милитаристская клика во главе с губернатором (дуцзюнем), пользовавшаяся довольно широкой самостоятельностью по отношению к центральному (пекинскому) правительству. Здесь сказывались и окраинное положение провинции, крайне удаленной от центральных районов Китая, и отсутствие сколько-нибудь значительных экономических связей с ними.

Позиция правительства Синьцзяна по отношению к русским белогвардейцам была сложной и противоре-

---

[6] Характеристика, данная Бакичу атаманом Захаровым. См. ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 3.

[7] Новосибирский облгосархив, ф. 1146, оп. 1, д. 21, т. 1, л. 36, а также ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 1.

чивой. С одной стороны, классовая враждебность по отношению к новому строю, утвердившемуся в России, подкрепляемая давлением со стороны империалистических держав определяла их благосклонное отношение к белогвардейцам. Китайские власти сквозь пальцы смотрели на то, что белогвардейцы утаили часть оружия и на то, что жизнь в лагерях на р. Эмель, на Боротоле и в Суйдунском районе была подчинена подготовке к походу против большевиков.

С другой стороны, в отношениях к русским белогвардейцам правительство Синьцзяна не могло не сообразовываться с тем немаловажным фактом, что экономика провинции в значительной степени зависела от рынков северного соседа.

В годы первой мировой, а затем гражданской войны в России, традиционные экономические связи между Синьцзяном и Россией оказались нарушенными. Прекратился импорт российских промышленных товаров, пал до минимума экспорт из Синьцзяна в Россию сырья и продовольствия, что повлекло за собой тяжелые последствия для экономики Синьцзяна[8].

С разгромом белогвардецев в Семиречье и Средней Азии открылась перспектива восстановления и углубления дружественных торгово-экномических связей на принципиально иной, чем раньше основе равноправия и взаимной выгоды. Местным феодалам, купечеству и связанным с ними гражданским и военным чиновникам импонировало то, что Октябрьская революция освободила Синьцзян от всех кабальных соглашений, навязанных в свое время царским правительством России.

Активная антисоветская деятельность белогвардейцев серьезно затрудняла восстановление и развитие экономических связей Синьцзяна с Советской Россий. Остатки белогвардейских войск, оказавшиеся на территории северо-западной провинции Китая, представляли серьезную опасность для спокойствия и безопасности и Советского Туркестана и Синьцзяна. Они могли

---

[8] Б. П. Гуревич. Взаимоотношения Советских республик с провинцией Синьцзян в 1918—1921 годах. — «Советское китаеведение», 1958, № 2, стр. 98—99.

стать орудием в руках империалистических держав не только в их борьбе против Советской России, но и в грабеже Китая, с суверенитетом которого империалисты мало считались. Поэтому не случайно, что уже в марте 1920 г. начались контакты между советскими и китайскими военными представителями, а в апреле того же года в г. Кульдже — официальные переговоры советских представителей с местными китайскими властями[9]. В итоге этих переговоров 27 мая был подписан Илийский протокол, регламентировавший дипломатические и экономические отношения между обеими сторонами[10]. В этом документе речь шла также и о репатриации в Россию беженцев, гланым образом казахов и киргизов — участников восстания 1916 г., а также и тех, кто оказался на китайской территории вместе с остатками белогвардейских войск (семьи офицеров, военных чиновников и пр.). Положение последних было бедственным. Около 2 тыс. семейных военных вскоре по приходе в Синьцзян ушли из лагеря на р. Эмель в Чугучак и Дурбульджин на заработки. Многие из них вместе с другими беженцами расселились на окрестных заимках. Кое-кто устраивался на работу к местным китайским купцам. Все, что было привезено с собой из России, вскоре было продано. Началась продажа женщин и детей. Начались грабежи. С каждым днем все более усиливалось разложение. Росло движение за возвращение на родину. В результате весной 1920 года в соответствии с Илийским протоколом около 6000 человек, по преимуществу беженцев и рядовых солдат. возвратились в Россию[11].

Подписание Илийского протокола свидетельствовало о том, что в линии поведения правительства провинции Синьцзян тенденция к восстановлению и развитию эко-

---

[9] Тогда же центральное пекинское правительство, отдавая дань широкому общенациональному движению в стране за признание Советской России, вопреки противодействию империалистов направило в Москву военно-дипломатическую миссию.

[10] Б. П. Гуревич. Взаимоотношения Советских Республик с провинцией Синьцзян в 1918—1921 гг. — «Советское китаеведение», 1958, № 2, стр. 102—103.

[11] Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923, стр. 46, 55—56.

номических связей с Советской Россией оказалась сильнее классовой враждебности к ней. Однако временами брала верх и противоположная тенденция. Обе эти тенденции сказались на отношении местных китайских властей к русским белогвардейцам.

Между тем Бакич с первых же дней пребывания на китайской территории устанавливает связь с русскими белогвардейцами на Дальнем Востоке — бывшим послом царского и Временного правительства в Пекине князем Кудашевым, с бывшим российским консулом в Урге, с Унгерном и Семеновым, а через них — и с империалистическими державами, информирует их о состоянии корпуса и о возможном использовании его в вооруженной борьбе против Советской России. Поддерживалась связь с бароном Врангелем. Из Харбина от генерала Анисимова был получен перевод в 25 тысяч рублей в твердой валюте. Послание с заверениями о поддержке было получено от генерала Шильникова из Читы, где в это время находились семеновские войска. Значительная сумма поступила и из Соединенных Штатов Америки. В результате переговоров с бывшим российским консулом в Чугучаке Долбежовым Бакич получил 270 пудов серебра из казначейства консульства[12].

Бакич использует и предоставившиеся возможности непосредственных контактов с представителями империалистических держав. Так, весной 1920 года через Чугучак проезжала французская миссия при правительстве Колчака, следовавшая после разгрома последнего через Синьцзян на Дальний Восток. Летом того же года Чугучак посетила японская миссия, возвращавшаяся на родину после поездки по Синьцзянской провинции[13].

Белогвардейские отряды в Синьцзяне с самого начала стали объектом соперничества японской и англо-американской разведок, стремившихся использовать их в своих целях борьбы против Советской России.

Английская разведка из Кульджи и Кашгара немало потрудилась над установлением контактов Дутова и Анненкова с контрреволюционными подпольными ор-

---

[12] Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923, стр. 43—44, 55 а также Новосибирский госархив, ф. 1146, оп. 1, д. 21, т. 1, лл. 37—38.

[13] Там же, стр. 55.

ганизациями в Семиречье и с басмачеством, рассчитывая использовать белогвардейцев в Синьцзяне на среднеазиатском участке. Организаторы вспыхнувшей 12 июля 1920 г. в Верном контрреволюционной авантюры, описанной Д. А. Фурмановым в его книге «Мятеж», были тесно связаны с белогвардейскими бандами Дутова и Анненкова[14].

Не отставала от английской разведки и японская военщина. При этом следует отметить, что если симпатии Дутова были на стороне англичан, то Бакич ориентировался на японскую военщину и помышлял о движении на Дальний Восток на соединение с семеновскими войсками. Не последнюю роль здесь сыграло и то, что Бакич с 1904 года служил на Дальнем Востоке, в 8-м, 41-м и 5-м Восточно-Сибирских пехотных полках, а последние два года перед началом первой мировой войны, будучи в отставке, являлся чиновником Русско-Монгольской торговой кампании в Приморье и Амурской области[15].

Сложная политическая борьба милитаристских группировок в Китае, за которыми стояли империалистические державы, соперничавшие между собой в грабеже этой страны, безусловно накладывала определенный отпечаток на отношения китайских властей к русским белогвардейцам. Так, летом 1920 г., когда центральное правительство Китая возглавляла прояпонская клика аньфуистов, китайские власти благожелательно предложили Бакичу двинуться на восток в Маньчжурию. Бакич принял предложение и выразил пожелание направиться туда южной императорской дорогой. Вскоре однако последовал отказ со стороны китайских властей[16].

Что же произошло? А произошло то, что в августе 1920 года в результате очередной войны милитаристских группировок в Китае к власти пришла чжилийская клика. У Пей-фу и Цао Куня англо-американской ориентации. Япония, обеспокоенная реальной угрозой усиления американского влияния в Монголии, организовала вторжение туда банд Унгерна, объявившего себя

---

[14] История гражданской войны в СССР, т. 5. М., 1960, стр. 268. 272.

[15] Новосибирский облгосархив, ф. 1146, оп. 1, д. 21, т. 1, л. 32.

[16] Там же, л. 37.

поборником независимости Монголии. Авантюра Унгерна означала прямой вызов чжилийской клике. Естественно, что это не могло не насторожить власти Синьцзянской провинции по отношению к Бакичу, широкие связи которого с Семеновым и японской военщиной ни для кого не были секретом. Вероятно, поэтому и было отказано Бакичу в содействии в продвижении на Дальний Восток, тем более, что предполагавшийся маршрут проходил близ южных границ Монголии.

Вместо этого власти Синьцзянской провинции вкупе с бывшим российским консулом в Чугучаке Долбежовым стали в унисон с устремлениями английской разведки настойчиво рекомендовать Бакичу направиться в Семиречье[17]. Здесь разветвленная подпольная белогвардейская организация, тесно связанная с английской разведкой, а также с Дутовым и Анненковым, готовила новое широкое контрреволюционное выступление в районе Пишпека (ныне г. Фрунзе), Нарына, Пржевальска, Верного (Алма-Ата).

Дутов по указке англичан в сентябре 1920 г. издал приказ о сформировании из интернированных в районе Кульджи и Чугучака белогвардейских отрядов так называемой Оренбургской армии со штабом в Суйдуне и о походе в Семиречье. Приказ был доставлен в Чугучак кульджинским купцом. Бакичу предлагалось занять должность помощника Дутова и двинуться со своим корпусом через Бахты на Копал и Верный. Бакич оставил этот приказ Дутова без внимания[18].

Дело в том, что тогда же Чугучак посетили два представителя японского генерального штаба и вели длительные переговоры с Бакичем и начальником штаба корпуса генералом Смольниным. Речь шла об участии корпуса в замышлявшемся Японией выступлении против ДВР и Советской России на широком фронте от Приморья до Зайсана с использованием всех русских белогвардейских формирований на территории Китая и Монголии.

---

[17] Новосибирский облгосархив, ф. 1146, оп. 1, д. 21, т. 1, л. 37.

[18] Там же, лл. 37—38. Мятеж в Нарынском укрепрайоне, начавшийся 7 ноября 1920 г. вскоре был разгромлен частями Красной Армии при поддержке трудящихся района.

Япония предпринимает попытку привлечения на свою сторону отрядов Дутова и Анненкова, объединения их вместе с корпусом Бакича в одну боевую единицу под единым командованием. С этой целью в конце декабря 1920 года в Чугучак из Урумчи — административного центра Синьцзянской провинции — приезжал японский майор Цуга и вел переговоры с Бакичем и Смольниным[19]. Однако Дутову эта идея не импонировала, и упомянутое объединение под эгидой Японии не состоялось. Что касается Бакича, то его ориентация на Японию еще более окрепла. Впоследствии, на судебном процессе в Новониколаевске в мае 1922 года была со всей очевидностью доказана связь Бакича и с бароном Унгерном, и с монгольским богдо-гегеном, и с китайским милитаристом Чжан Цзо-лином, и с японским генеральным штабом, всецело определявшим линию поведения корпуса[20].

Между тем отношения Бакича с Дутовым стали обостряться. Дутов, обосновавшийся в Суйдуне, продолжал считать себя высшим воинским начальником всех интернированных в Синьцзяне остатков бывшей Южной армии. Бакич же не принимал всерьез эти претензии своего недавнего начальника и недвусмысленно давал понять, что роль первой скрипки отныне принадлежит ему, «спасшему» остатки Южной армии от окончательного разгрома выводом их на территорию Китая. Будучи уверенным в своей правоте, он именовал себя не иначе, как представителем верховной власти России. Дутову было отказано и в доле тех средств, которые были получены в Чугучаке от бывшего консула Долбежова, от генерала Анисимова из Харбина и др. Возмущенный таким поведением своего бывшего корпусного командира, Дутов начинает против него серию интриг. Он производит генерал-майора Бакича в генерал-лейтенанты и с трепетом ожидает, примет ли последний это производство. Бакич производство в новый чин принял и тем самым признал старшинство Дутова. Дутову только этого и было нужно. 19 января 1921 года он из-

---

[19] Красноярский крайпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 78.

[20] Ем. Ярославский. Генерал Бакич и эсеры. — «Правда», 1922, 8 июня.

дает приказ о смещении Бакича и замене его на посту командира корпуса генералом Шеметовым. Приказ был доставлен в Чугучак, а также передан по телеграфу на Дальний Восток. Агентам Дутова поручалось организовать восстание в корпусе, если Бакич не подчинится приказу. Бакич приказу не подчинился, Шеметова вместо того, чтобы сдать ему командование корпусом, повысил в должности, арестовал агентов Дутова, готовившихся силой провести приказ последнего в жизнь (в их числе был один из командиров полков — полковник Савин), и добился заключения их в китайскую тюрьму[21]. Что касается Дутова, то он вскоре понес заслуженную кару за все преступления перед молодой Советской республикой. 6 февраля 1921 г. он был смертельно ранен в своем штабе в Суйдуне. Лишь совсем недавно стали известны обстоятельсta исполнения приговора над этим злейшим врагом Советской власти. В феврале 1969 г. в газете «Правда» под рубрикой «Пришло время рассказать» был опубликован очерк К. Распевина об одном из первых военных разведчиков — Василии Васильевиче Давыдове, который, будучи сотрудником информационного отделения Туркестанского фронта в Джаркенте (ныне г. Панфилов), организовал и блестяще провел эту операцию[22].

Другой главарь белогвардейцев — Анненков — отправился было с отрядом в 800 человек в глубь Китая, намереваясь выйти к Семенову. В одном из столкновений с местными войсками его отряд был рассеян, сам Анненков захвачен и посажен в тюрьму в г. Урумчи. Остатки его отряда вышли в Монголию и остановились в Кобдо. В феврале 1924 г. по требованию англичан Анненков был выпущен из тюрьмы и отправился в Монголию. Оттуда он проник на территорию Советской России и в 1926 г. был арестован в Свердловске, а в августе 1927 г. по приговору военного трибунала в Семипалатинске вместе со своим начальником штаба Денисовым расстрелян за совершенные преступления[23].

Японская военщина, вынашивая планы продолже-

---

[21] Новосибирский облгосархив, ф. 1146, оп. 1, д. 21, т. 1, л. 38.
[22] См. «Правда», 1969, 6 февраля.
[23] См. П. И. Павловский. Анненковщина. М—Л., 1928.

ния вооруженной борьбы против Советской России, делала ставку на непрочность советского тыла. Действительно, политическое положение в Сибири после ликвидации колчаковщины продолжало оставаться напряженным. Разветвленная сеть контрреволюционного подполья, опираясь на многочисленные остатки колчаковского офицерства, кулачества и зажиточную верхушку бывшего сибирского казачьего войска, развернула широкую деятельность по организации вооруженных выступлений против Советской власти. Немалую активность обнаруживает партия эсеров, которая вместе с меньшевиками, по определению В. И. Ленина, в период перехода от войны к миру являлась «авангардом всей реакции»[24]. Созданный эсерами летом 1920 года «Сибирский крестьянский союз» ускоренными темпами ведет подготовку в масштабах всей Сибири широкой антисоветской авантюры, рассчитывая на вовлечение в нее среднего крестьянства, вновь обнаружившего колебания на почве продразверстки и всей политики военного коммунизма. В 1920-начале 1921 годов в Сибири вспыхивает целая серия антисоветских мятежей, наиболее крупным из которых был западносибирский кулацко-эсеровский мятеж 1921 года, охвативший огромную территорию от Обской губы до Акмолинска и Атбасара. На три недели было прервано железнодорожное и прямое телеграфное сообщение Сибири с центральной Россией[25].

Общее руководство контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке осуществлял обосновавшийся в Приморье так называемый «Демократический союз», являвшийся филиалом парижского кадетско-эсеровского «Национального комитета», а также белогвардейско-монархические организации «Защита Родины», «Возрождение России» и другие, находившиеся на содержании разведок империалистических держав — США, Японии, Англии и Франции.

Японская военщина, сделав ложные выводы о якобы давно созревшей поголовной антисоветской настро-

---

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 53.

[25] См. М. Богданов. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.

енности сибирского крестьянства, готового поддержать любое выступление против Советской власти, переоценив силы и возможности сибирской внутренней контрреволюции, приступила к реализации своих замыслов.

В середине апреля 1921 года в Пекине состоялось совещание представителей белогвардейских банд в Монголии и Западном Китае — Унгерна, Бакича, Семенова и других, на котором был разработан детальный план совместного выступления против ДВР и Советской Сибири[26]. Основные положения этого плана легли в основу изданного Унгерном 21 мая 1921 года печально знаменитого приказа № 15 об объединенном наступлении белогвардейцев: Семенова — со стороны Уссурийского края, Унгерна — в Троицкосавском направлении, Резухина — по Селенге, Казагранди и Шубина — в Иркутском районе, Казанцева — в Урянхайском крае и по Енисею, Кайгородова — на Алтае, Бакича — на Семипалатинск — Омск. Конечными пунктами операций должны были стать города, расположенные на сибирской железнодорожной магистрали. Этим приказом все бандитские отряды, действовавшие в Советской Сибири, в оперативном отношении подчинялись Унгерну и должны были в пределах возможности согласовывать свои действия с общим планом этого объединенного похода белогвардейцев[27].

Приказ Унгерна из Урги по эстафете был направлен в Чугучак. Бакич назначался начальником Северо-Западного Китая и должен был прочно обосноваться здесь, используя сепаратистские тенденции местной знати уйгуров, казахов и других народов тюркской группы. В развертывании боевых действий на Семипалатинском направлении Бакичу предоставлялась полная оперативная самостоятельность.

Так на широком фронте от Маньчжурии до Синьцзяна образовался единый белогвардейский фронт против Советской России и ДВР.

С весны 1921 года в лагере на реке Эмель развертывается усиленная идеологическая подготовка к походу против Советской России среди солдат и офицеров

---

[26] История гражданской войны в СССР. М., 1960, т. 5, стр. 351.
[27] Революция на Дальнем Востоке. Изд. истпарта, М.—Л., 1923, вып. 1, стр. 431.

корпуса. В качестве основных лозунгов выдвигаются «Советы без коммунистов», «свободная торговля» и т. п. Генерал Смольнин, жестокий и хитрый начальник штаба корпуса, распространяет среди солдат небылицы о том, что якобы Советская власть по всей Сибири пала, что Красноярск занят японцами и т. д.[28].

Белогвардейцы все более вызывающе вели себя по отношению к местному населению и китайской администрации, не подчинялись местным законам.

Самоуправство, грабежи и насилия белых уже с осени 1920 г. стали внушать серьезные опасения китайским властям. Ходили слухи, что в лагере интернированных спрятано много оружия и что Бакич готовит мятеж в Тарбагатайском округе Синьцзянской провинции, намереваясь создать здесь надежный плацдарм для похода в Советскую Россию. Эти слухи не были лишены основания. Весной 1921 года Бакич без ведома и согласия китайских властей начал формировать в своем лагере боевые отряды. В Чугучак им высылались специальные контрразведывательные команды. Общение Бакича с китайскими властями принимало все более ультимативный характер. Дело дошло до того, что Бакич незаконно захватил транспорт с продовольствием, принадлежавший китайским купцам.

23 апреля к китайской границе подошла из Петропавловско-Кокчетавского района так называемая «1-я народная сибирская дивизия» Токарева в составе двух пехотных и двух конных полков, бежавшая сюда после разгрома западносибирского кулацко-эсеровского мятежа. Бакич из лагеря на р. Эмель тотчас же направил к Токареву делегацию с предложением двигаться на присоединение к корпусу[29]. Обеспокоенные самоуправством со стороны Бакича, а также появлением на советско-китайской границе готовой вторгнуться в пределы Тарбагатайского округа дивизии Токарева, китайские власти начали официальные переговоры с представителями Советского правительства (представительство ВЦИК РСФСР при РВС Туркестанского фронта), результатом которых

---

[28] Ем. Ярославский. По Сибири (Внутреннее обозрение). — «Сибирские огни», 1922, № 3, стр. 133—134.

[29] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2. д. 648, л. 130.

явилось заключение договора, подписанного 30 апреля в пограничном городе Бахты. В силу этого договора китайские власти обязывались выдать всех русских белогвардейцев, интернированных на китайской территории в 1920 году, а также беженцев, которые пожелают добровольно возвратиться в Советскую Россию[30].

Знал ли Бакич о переговорах представителей Советской России и Китая? Безусловно. Известия об этом широко распространялись в Чугучаке и в лагере на р. Эмель. Вскоре в Чугучаке были расклеены объявления китайского губернатора о заключении договора с Советской Россией. Эмигранты извещались, что они могут спокойно ехать домой, что им гарантируется личная и имущественная неприкосновенность[31]. Бакич объявил свой лагерь на военном положении, и местные китайские власти были бессильны что-либо сделать против него.

В соответствии с договором от 30 апреля 1921 года в начале мая были продолжены переговоры о мерах по предотвращению выступления банд. Прежде всего была достигнута договоренность о возвращении в Советскую Россию отряда есаула Шишкина в составе 220 человек, интернированного осенью 1920 г.

Между тем, 10 мая дивизия Токарева через перевал Хабарасу вышла на китайскую территорию и двинулась к лагерю Бакича. Китайские власти направили навстречу два отряда и потребовали сложить оружие. В ответ банда сдала 400 винтовок без патронов и продолжала движение. 16 мая дивизия Токарева соединилась с корпусом Бакича[32]. Хорунжего Токарева Бакич произвел в полковники и сохранил за ним должность начдива, присвоенную Токаревым самому себе[33]. В лагере на р. Эмель нарастало воинственное настроение. Между тем китайские власти обратились к советским властям с просьбой о помощи, и 16 мая представители Советской

---

[30] Н. Лямин. Операция Красной Армии против белых на территории Китайской республики с 17 мая по 17 июня 1921 г. — «Военная мысль», орган РВС Туркестанского фронта, 1921, кн., 3, стр. 92.

[31] Камский. Русские белогвардейцы в Китае, стр. 61.

[32] «Военная мысль», 1921, кн. 3, стр. 92.

[33] «Красная Армия на Востоке», 1922, № 6, стр. 46.

России и правительства провинции Синьцзян подписали соглашение о вводе на территорию Тарбагатайского округа провинции частей Красной Армии для совместных с китайскими войсками действий против корпуса Бакича и дивизии Токарева с целью их ликвидации[34].

Проведение операции возлагалось на части 2-й Туркестанской дивизии (из состава Туркестанского фронта) под командованием начдива В. Г. Клементьева, а также переданных в его оперативное подчинение 76-го кавалерийского полка, пяти рот 349-го полка и двух батальонов 261-го полка из состава войск Сибири, расположенных частью в районе перевала Хабарасу, частью в районе Зайсана. Правда, решение вопроса об участии в операции названных сибирских частей несколько затянулось и было принято уже после ее начала. С китайской стороны в операции должны были принять участие пехотный батальон в 500 штыков и три эскадрона в 200 сабель под командой полковника Вен Джен-го, сосредотенные в Чугучаке. Из них 100 штыков были направлены в Дурбульджин и 70 сабель в Курте (сев. г. Сарыхульсын). В районе Урумчи находилась 35-я бригада Лю Цзи-юня[35].

23 мая в 23 часа части 2-й Туркестанской дивизии в составе шести рот 17-го стрелкового полка, двух эскадронов и одной артбригады перешли государственную границу и утром следующего дня двинулись к Чугучаку, имея целью выйти затем к лагерю Бакича на р. Эмель[36].

Бакич, осведомленный через агентурную разведку о предстоящем выступлении советских войск, еще утром 23 мая, разоружив китайскую охрану лагеря, двинулся с корпусом на Чугучак, но затем повернул на юг, к Дурбульджину, разгромил здесь местный китайский гарнизон, разграбил город и двинулся на Чумпазы. Общая численность корпуса вместе с беженцами составляла около 9 тысяч человек[37].

Командование Туркестанского фронта (командующий В. С. Лазаревич) перед началом операции не

---

[34] «Военная мысль», 1921, кн. 3, стр. 93.
[35] Там же, стр. 90—91.
[36] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 648, л. 116.
[37] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 2.

сделало необходимой оценки обстановки, не имело сколько-нибудь отчетливого представления о планах и намерениях противника. Части 2-й Туркестанской дивизии В. Г. Клементьева обнаружили крайнюю медлительность и нерешительность в развитии операции. Лишь спустя двое суток после вступления на китайскую территорию они вышли к лагерю на р. Эмель и, не обнаружив здесь противника, основными силами двинулись через Дурбульджин на Сарыхульсын. В силу слабо поставленной разведки вплоть до 29 мая оперативные планы строились на предположении о том, что Бакич отступает в южном направлении, на Шихо, намереваясь затем уйти в Кульджинский район на соединение с белогвардейскими отрядами полковника Гербова. 28 мая части 2-й Туркестанской дивизии целые сутки простояли в Сарыхульсыне, ожидая подхода корпуса Бакича, а он в это время, миновав ущелье Уркашар, двигался к городу Чумпазы, занял его и продолжал путь на восток.

Когда, наконец, стало ясно, что Бакич отходит не на юг, а на восток, туркестанцы, перегруппировавшись, двинулись за ним в погоню. На помощь им с перевала Хабарасу двинулись 76-й кавполк и батальон 261-го полка из состава сибирских частей. Другая группа сибирских частей (три роты 349-го, батальон 261-го полков и эскадрон 76-го кавполка) выступила из города Зайсана через перевал Чаган навстречу Бакичу с целью преградить ему путь отхода у перевала Орлыгун и нанести фронтальный удар.

Основные силы этой группы к 3 июня вышли к перевалу Орлыгун — гигантской каменной громаде, разделенной короткими изломанными провалами и отвесными ущельями. Расположились на восточном склоне, дожидаясь подхода арьергарда (две роты 349-го полка), на перевал выслали заставу. Бакич, осведомленный о расположении красных частей, ранним утром 3 июня своей авангардной колонной в 300 штыков и 200 сабель повел наступление на перевал Орлыгун. В течение пяти часов сибирские части вели неравный бой, мужественно отражая натиск численно превосходящего противника. Потеряв четверть красноармейцев и почти весь командный состав, в том числе командира 261-го полка и военкома 76-го кавполка, и, израсходовав все патроны, сибирские части вынуждены были отступить в северо-

западном направлении, к перевалу Керчен. Общие потери сибирских частей убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 125 человек[38].

Прорвавшись у перевала Орлыгун, Бакич, преследуемый китайской конницей, спешно отходил на восток, оставляя на своем пути много разного имущества, выбившихся из сил лошадей и верблюдов. Туркестанские и сибирские части за растянутостью коммуникаций в середине июня в соответствии с директивой главкома были выведены с китайской территории.

Преследование Бакича китайской конницей продолжалось до озера Улюнгур. Отсюда корпус трактом севернее озера двинулся к старой китайской крепости Шара-Сумэ (Тулта), разоружая на своем пути мелкие китайские части (например, на переправе через Черный Иртыш). 18 июня, подойдя к Шара-Сумэ, где находился китайский гарнизон, Бакич начал осаду города, затянувшуюся на две недели. 2 июля Бакич, разгромив китайский гарнизон, взял Шара-Сумэ, захватив здесь около 1 тыс. винтовок, несколько орудий, большое количество боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Город на несколько часов был отдан на разграбление солдатам корпуса[39].

Так закончился первый этап операций против белогвардейского корпуса Бакича. Уклоняясь от столкновения с частями Красной Армии и используя бездеятельность китайских властей, Бакич вывел свой корпус из-под удара и сохранил часть своих сил для дальнейшей активной борьбы против Советской России.

Пребывание советских войск на китайской территории оставило неизгладимый след в сознании местного населения. Части Красной Армии своей высокой дисциплинированностью, строгим соблюдением договорных обязательств, невмешательством во внутренние дела провинции помогли развеять лживые злобные домыслы империалистической пропаганды о Красной Армии, убеждали, что Советское государство в отношениях с соседними странами не имеет иных целей, кроме

---

[38] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 648, лл. 89—90, а также «Военная мысль», 1921, кн. 3, стр. 100.

[39] «Красная Армия на Востоке», 1922, № 6, стр. 46, а также Новосибирский облгосархив, ф. 1146, оп. 1, д. 21, т. 1, л. 40.

сохранения добрососедских отношений с ними, основанных на взаимном уважении национального суверенитета. Губернатор Тарбагатайского округа Синьцзяна в письме В. И. Ленину и командованию Красной Армии, 25 июня 1921 г. выражал глубокую благодарность частям Красной Армии, освободившим округ от белогвардейских банд[40].

В Шара-Сумэ Бакич получил от Сокольницкого — начальника штаба банды Кайгородова — упоминавшийся выше приказ № 15 Унгерна и тотчас же приступил к его реализация. Объявив себя начальником Шарасумэского округа, он развертывает энергичную деятельность по обеспечению здесь прочной базы для предстоящего вторжения на территорию Советской России. Бакич принимает представителей знати местного тюркского населения, не скупится на обещания всемерно поддержать ее сепаратистские (по отношению к Китаю) устремления. 25 июля в Шара-Сумэ в этом духе проводится съезд представителей уйгурских и казахских феодалов. На нем избирается некое подобие органа власти, глава которого производится Бакичем в надворные советники[41].

В июле—августе Бакич форсирует подготовку к походу в Советскую Россию. Недостаток вооружения был восполнен за счет захваченного в Шара-Сумэ оружия китайского гарнизона, у местного населения в окрестностях города реквизировано до 2,5 тысячи лошадей, потрепанные в ходе отступления от Чугучака части корпуса приведены в порядок и превращены в довольно значительную и неплохо вооруженную боевую единицу. В конце июля часть корпуса («народная дивизия» Токарева) была переброшена в район города Бурчума, а заставы и разъезды выдвинуты к самой границе[42].

Устанавливается связь с Базаровско-Незнамовской подпольной организацией, готовившей контрреволюционный переворот в масштабах всей Сибири, с белогвардейскими элементами Зайсано-Семипалатинского района. Через них развертывается широкая антисоветская аги-

---

[40] Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сб. документов. М., 1959, стр. 55.

[41] В. Клевцов. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича, «Военно-исторический журнал». 1971, № 1, стр. 82.

[42] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 2.

тация среди населения восточного Казахстана и казаков по Иртышу с целью организации контрреволюционных мятежей. На руку Бакичу была и активизация контрреволюции в соседнем Горном Алтае.

Была разработана так называемая «программа власти» (авторами ее были Бакич и Смольнин), основные положения которой сводились к свержению Советской власти. Предполагалось создание коалиционного правительства из представителей всех антикоммунистических партий — кадетов, меньшевиков, эсеров и других. Оговаривалось сохранение в прежнем размере и виде так называемых «культурных хозяйств», то есть «культурных» помещичьих и капиталистических латифундий. Провозглашалась свобода торговли и частного предпринимательства.

В интересах сохранения «нового строя» главам уездного и городского самоуправления и воинским начальникам предоставлялось право чинить смертную казнь без суда и следствия. Коммунисты объявлялись вне закона[43].

Еще в июне 1921 года Бакич получил от Кайгородова программу «Сибирского крестьянского союза». Есаул советовал при наступлении на Советскую Россию опираться на партию эсеров и «крестьянский союз», которыми «в тылу ведется большая подготовительная работа»[44]. Впоследствии. на судебном процессе в Новониколаевске, Бакич признал, что он допускал возможность сотрудничества с партией эсеров до и после предполагавшегося свержения Советской власти, считал приемлемой программу «Сибирского крестьянского союза». Но его устремления шли дальше демагогических широковещательных деклараций эсеров. Наиболее откровенно говорил об этом в своих показаниях начальник штаба корпуса генерал Смольнин. Признавая своей программой программу кадетской партии, Смольнин считал возможным контакт с партией эсеров лишь в интересах объединения всех антисоветских сил, стоящих на плат-

---

[43] Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 по январь 1922 г. Изд. ПП ВЧК по Сибири, Новониколаевск, 1922, стр. 68—70.

[44] Ем. Ярославский. Генерал Бакич и эсеры. — «Правда», 1922, 8 июня.

форме Учредительного собрания[45]. Между прочим в «программе власти» Бакича-Смольнина отсутствует упоминание об Учредительном собрании, там речь шла о предстоящих выборах «одного хозяина земли русской»[46]. «Программа власти», в отличие от программы «Сибирского крестьянского союза», носила ярко выраженный белогвардейский характер. Заигрывания с эсерами, прокламации по аграрному вопросу, хотя и довольно прозрачные, лозунг «Советы без коммунистов» отражали стремление любой ценой добиться осуществления заветных целей. В. И. Ленин, вскрывая белогвардейскую сущность лозунга «Советы без коммунистов», писал, что «всякая передвижка власти в России идет на пользу белогвардейцам, недаром Милюков и все умные вожди буржуазии приветствовали кронштадтский лозунг «Советы без большевиков»[47].

Действия Бакича еще во время осады Шара-Сумэ, а затем после взятия города, свидетельствовавшие о его намерении отторгнуть у Китая северо-западный район, заставили китайские власти провинции Синьцзян уже 26 июня вновь обратиться к Советскому правительству с просьбой о помощи против белогвардейских банд[48]. В связи с этим народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин в записке на имя начальника штаба РККА П. П. Лебедева писал: «Решение этого вопроса зависит исключительно от данных военного характера. Политически, конечно, было бы очень желательно продолжить преследование белых. Пожалуйста, будьте добры сообщить мне, возможно ли оно по военным соображениям при имеющихся в данное время у нас в этой местности силах»[49].

Возможности продолжения операций против Бакича были тщательно изучены. Совершенно очевидно, что вторжение Бакича на территорию советских пограничных губерний могло в тех условиях сложной политической обстановки в Сибири разрастись в грозную опас-

---

[45] «Советская Сибирь» Орган Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома, 1922, 5 мая.

[46] Обзор бандитского движения по Сибири, стр. 68.

[47] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 201.

[48] Документы внешней политики СССР, т. 4, М., 1960, стр. 788.

[49] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 648, л. 55.

ность. Однако отдаленность войск Туркестанского фронта от района предполагаемых военных действий против Бакича, отвлечение части сил Сибири на ликвидацию авантюры Унгерна, а также широкий размах политического бандитизма в различных районах Сибири, на борьбу с которым были брошены значительные силы, затрудняли немедленное развертывание операций против Бакича. Тем не менее, РВСР и главком С. С. Каменев дали указание помглавкому по Сибири В. И. Шорину начать подготовку операции и разгромить корпус Бакича не позднее осени 1921 года[50].

В результате переписки и возобновления затем переговоров с представителями Урумчинского правительства (со стороны РСФСР переговоры вел член РВС Туркестанского фронта Воронин) в августе был в основном согласован проект соглашения о вводе частей Красной Армии в Шарасумэский округ для ликвидации корпуса Бакича. При этом китайские представители в ходе переговоров всячески уклонялись от включения в проект соглашения пунктов об объединении командования и совместных действиях советских и китайских войск в предстоящей операции[51]. Соглашение предусматривало, что советские войска ведут операции по своему усмотрению, китайские же войска несут лишь охрану тыла, не пропуская белогвардейцев в глубь Китая. Допускалась возможность обмена представителями советского и китайского полевых штабов. Китайские власти обязались снабжать советские части продовольствием в течение месяца. Советская сторона соглашалась снабжать китайские войска снарядами и патронами. Речь шла также о мерах по предотвращению в будущем возможных белогвардейских формирований на территории провинции Синьцзяна[52].

Первоначально срок начала операции был назначен на 15 августа. Однако в силу того, что произошла задержка с подвозом фуража к месту сосредоточения кавалерийской группы, срок начала операции был пере-

---

[50] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 648, лл. 34, 36.

[51] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 13, л. 8.

[52] Документы внешней политики СССР, т. 4, М., 1960, стр. 320—322.

несен сначала на 25 августа, а затем — на 28 августа[53]. Не последнюю роль в перенесении первоначально намеченных сроков операции сыграли проволочки со стороны китайских властей с заключением соглашения о вводе советских войск на территорию Шарасумэского округа. В середине августа РВС войск Сибири уполномочил члена РВС Туркестанского фронта Воронина подписать названное соглашение с представителями Урумчинского правительства, однако последние не торопились. В конце августа китайские власти снова попросили о вводе частей Красной Армии на китайскую территорию. Для подписания соглашения в Чугучак был направлен особо уполномоченный РВС войск Сибири И. М. Погодин.

Во время пребывания в Чугучаке И. М. Погодин бывал на семи званых обедах, устроенных в честь советской делегации, где произносились речи с заверениями об искреннем стремлении к дружбе и сотрудничеству двух государств, однако подписание соглашения китайская сторона все откладывала и откладывала[54]. Увертки и проволочки представителей Урумчинского правительства с подписанием соглашения отражали, с одной стороны, стремление уклониться от участия китайских войск в боевых операциях совместно с частями Красной Армии против Бакича, с другой стороны, нежелание связывать себя лишним официальным документом, могущим «скомпромитировать» Китай перед лицом империалистических держав.

Соглашение, проект которого был согласован задолго до начала боевых операций против Бакича, было подписано лишь 26 сентября 1921 года в Чугучаке, т. е. спустя почти месяц после начала боевых действий. С советской стороны соглашение подписал особоуполномоченный РВС войск Сибири И. М. Погодин, с китайской стороны — уполномоченный губернатора Синьцзянской провинции Лю Си-цзин[55].

По плану, составленному штабом помглавкома по Сибири, проведение операции возлагалось на экспедици-

---

[53] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 648, л. 18.

[54] ЦГАСА, ф. 16, оп. 1, д. 17, лл. 31—32.

[55] Документы внешней политики СССР, т. 4, М., 1960, стр. 320—322.

онную группу 13-й кавалерийской дивизии в составе 73-го, 74-го полков, дивизиона и пулеметной сотни 75-го полка, двух эскадронов 77-го полка, батареи конного артдивизиона (4 орудия), а также 200-го пограничного батальона (вместо предполагавшегося вначале батальона 184-го полка 21-й стр. дивизии)[56]. Общая численность экспедиционной группы составляла 1350 сабель при 32 пулеметах и 4 орудия.

Части дивизии, сосредоточившись в районе Зайсан-Бурун, должны были развернуть наступление на Шара-Сумэ. В Кош-Агаче (Горный Алтай) для перекрытия Чуйского тракта и обороны подступов на Горный Алтай со стороны Кобдо намечалось сосредоточить 185-й полк 21-й стрелковой дивизии с одним эскадроном 2-й бригады 10-й кавдивизии. Учитывая опыт первого этапа операций против Бакича в мае—июне, штаб войск Сибири дал распоряжение об установке радиостанций в Зайсане и Кош-Агаче в целях обеспечения бесперебойной связи и управления войсками. Обе группы войск (Зайсанская и Кош-Агачская) обеспечивались и другими необходимыми средствами связи. Начальнику 10-й кавдивизии было приказано подготовить 1-ю бригаду дивизии на случай переброски ее в Семипалатинский или, в зависимости от обстановки, в Кош-Агачский район[57].

Общее руководство всей операцией возлагалось на командующего Семипалатинской группой войск, начдива 13-й Сибирской кавалерийской дивизии П. П. Собенникова (комиссар дивизии Н. Ф. Евсеев, начальник штаба Пеков).

В связи с предстоящей операцией частей Красной Армии против Бакича нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в записке на имя комиссара штаба РККА Данилова 5 августа 1921 года обращал внимание на недопустимость какого бы то ни было вмешательства наших частей во внутренние дела Китая, соблюдения строгого нейтралитета в отношении возможных сепаратистских

---

[56] Из состава пограничного батальона участие в походе приняла лишь одна сводная рота, да и то только на заключительном этапе боевых операций.

[57] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 542, л. 14.

движений в Джунгарии и Кашгарии, указывал на необходимость рассчитывать только на собственные силы и не прибегать к формированию частей из враждебных Китаю элементов. Рекомендовалось тщательно подобрать военных работников для участия в походе, улучшить постановку политической работы в частях, не допускать партизанщины[58].

По данным нашей разведки, общая численность корпуса Бакича составляла свыше 6 тысяч человек солдат и офицеров и 2,5 тысячи беженцев. Вооружение корпуса составляли около 4 тысяч винтовок и сабель, 10 пулеметов и 10 орудий[59].

Перед началом операции части противника дислоцировались следующим образом. Основные силы корпуса в составе 1-й и 2-й Оренбургских казачьих, Сызранской пехотной дивизий и конвойного дивизиона общей численностью до 5 тысяч человек располагались в районе Шара-Сумэ и Камень-Тулта. Здесь же находились все учреждения штаба корпуса. Для охраны подступов к Шара-Сумэ с запада были выставлены два заслона — один в долине Колгатон-Чункур, другой в Бурчуме, общей численностью в 1250 человек при двух орудиях и пяти пулеметах. При этом в Бурчуме располагались «народная дивизия» Токарева и две отдельные офицерские сотни Дмитриева и Филатова из состава 1-й Оренбургской дивизии под общим командованием начдива 1-й Оренбургской генерала Степанова. Они должны были нести оборону вниз по Черному Иртышу и по р. Бурчум. Небольшой отряд под командой полковника Колокольцева был выдвинут к г. Акчий на р. Каба и должен был охранять переправы через реку.

Заслон в долине Колгатон-Чункур составлял отряд в 200 сабель из состава 2-й Оренбургской дивизии во главе с генералом Поповым. На усиление этого отряда Бакичем до начала операций была выслана еще одна конная сотня численностью в 80 человек[60].

---

[58] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 542, л. 15.

[59] Там же, д. 648, лл. 11—12, а также Евсеев. Разгром генерала Бакича. — «Красная Армия Сибири», Изд. воен. полит. ред. при РВС Сибири, 1923, №№ 5—6, стр. 28.

[60] «Красная Армия Сибири», 1923, № 5—6, стр. 28—29, 36.

В конце августа части 13-й кавдивизии сосредоточились на исходных рубежах в непосредственной близости от границы: части 75-го кавполка (дивизион в 450 сабель и 8 пулеметов) во главе с командиром полка М. В. Самокрутовым — в 15 км восточнее г. Зайсана, остальные части экспедиционной группы (73-й, 74-й, 77-й полки, батарея конного артдивизона) численностью в 900 сабель при 24 пулеметах во главе с командиром и военкомом 2-й бригады 13-й кавдивизии К. Н. Новиком — в д. Алексеевка (в 60—70 км северо-восточнее г. Бурана). Штаб дивизии находился в г. Зайсане.

В частях дивизии проводились беседы о международном и внутреннем положении республики, о целях предстоящего похода, о революционной этике бойцов Красной Армии. О ней напоминала и алая лента, нашитая у красноармейцев на левом рукаве гимнастерки в качестве отличительного знака на время похода в Китай[61].

Учитывая численное превосходство противника, его дислокацию на значительной территории по фронту и в глубину, а также горный характер местности, командование 13-й кавдивизии приказом от 27 августа ставило задачу разгромить корпус Бакича по частям, вначале группу Степанова в районе Бурчума — при одновременном ударе в сторону долины Чункур против отряда генерала Попова, а затем — основные силы корпуса в районе Шара-Сумэ. В соответствии с приказом группа Самокрутова (правая) из Кендерлыка через Зимунай, Май-Копчеген по левобережью Иртыша, а группа Новика (левая) из с. Алексеевки по правобережью названной реки через г. Акчий на р. Каба развертывали наступление в общем направлении на г. Бурчум, куда должны были выйти к 2 сентября и разгромить находящиеся в городе части противника, а затем развернуть наступление на Шара-Сумэ.

Как отмечает в своих воспоминаниях начдив 13-й кавдивизии П. П. Собенников, при подготовке операции особое внимание было обращено на подбор личного состава правой группы, так как ей предстояло действовать самостоятельно в особых условиях полной отор-

[61] ЦГАСА, ф. 16, оп. 1, д. 20, л. 39.

ванности от главных сил дивизии. П. П. Собенников дает высокую оценку боевых качеств командира группы М. В. Самокрутова, как отважного и инициативного командира, пользовавшегося в дивизии громадным авторитетом и способного к самостоятельным ответственным решениям[62].

В предстоящей операции против корпуса Бакича предусматривалось участие китайских войск предполагаемой численностью в 4 тысячи человек под командой полковника О-Ина, сосредоточенных в районе Булун-Тохоя (восточнее южной оконечности озера Улюнгур) и на восток по реке Урунгу. Им ставилась задача охранять тыл и не допустить отхода противника на восток, в глубь провинции, в район Урумчи[63]. Следует, однако, отметить, что их роль в операции оказалась чисто номинальной и выразилась в пассивном выжидании развития событий.

28 августа части 13-й кавалерийской дивизии перешли русско-китайскую границу и начали операции против Бакича.

Участник похода Н. Ф. Евсеев—комиссар 13-й кавдивизии—в своей статье «Разгром корпуса Бакича» ярко описывает трудности операции, связанные с непривычными для наших частей климатическими условиями края. Путь лежал по безводным песчаным степям без всякой растительности, сплошь усыпанным галькой и булыжником. Дорог не было. Шли по тропам, проложенным кочевниками. Днем палила невыносимая жара. Люди и кони изнемогали от жары и быстро утомлялись. Повозки то и дело застревали в песках по оси. Лошади, сошедшие с тропы, увязали по брюхо. Наступление ночи не сулило отдыха бойцам, ибо с заходом солнца нестерпимый дневной зной сменялся сильным холодом. На ночных стоянках под открытым небом из-за отсутствия топлива о кострах не могло быть и речи. С войсками шел вьючный обоз на быках и верблюдах с продовольствием и снаряжением. Скудные запасы хлеба и фуража приходилось расходовать очень экономно[64].

---

[62] П. Собенников. Ликвидация Бакича, «Красная конница», 1935, № 2, стр. 53—54.

[63] Документы внешней политики СССР, т. 4, М., 1960, стр. 321.

[64] «Красная Армия Сибири», 1923, № 5—6, стр. 31—32.

Левая группа под командой К. И. Новика утром 30 августа форсировала р. Каба в районе г. Акчий и, сбив застигнутую врасплох заставу противника, беспрепятственно двинулись к городу. Полковник Колокольцев, узнав о случившемся, вместе со своим отрядом бежал по направлению к г. Бурчум. Вступив в Акчий, К. И. Новик направляет два эскадрона 74-го полка с помощником командира этого полка М. В. Валиулиным на Чункур, где, по данным разведки, находился отряд генерала Попова в 200 сабель. Оставив у переправ через р. Каба батарею и эскадрон 77-го полка, К. И. Новик с остальными силами группы двинулся к г. Бурчуму.

Между тем правая группа М. В. Самокрутова, опрокинув на рассвете 1 сентября в районе Кильти-Булака (15—20 км юго-западнее Бурчума) конную сотню войскового старшины Дмитриева, высланную генералом Степановым для прегражденния 75-му полку пути к г. Бурчуму, вышла к р. Черный Иртыш и в 10 часов 1 сентября с левого берега открыла огонь по противнику, занимавшему позиции на правом берегу в районе г. Бурчум и приковала к себе все его внимание.

Тем временем левая группа К. И. Новика вечером 31 августа вышла к правому берегу р. Бурчум в 20—25 км севернее от ее устья. «Обозы отстали,— пишет в своих воспоминаниях П. П. Собенников.—Пушки тащили на быках, так как кони выбились из сил и не могли вытаскивать тонувшие в сыпучем песке по ступицы зарядные ящики и орудия. С хлебом стало плохо. Пробавлялись одними черствыми сухарями. Соли не было»[65].

На рассвете 1 сентября группа переправилась на левый берег реки. Благодаря проводнику, хорошо знавшему местность, переправа через реку, состоявшую здесь из 6—7 рукавов с каменистым дном, прошла успешно. Находившаяся на левом берегу застава казаков была застигнута врасплох и снята. Опросом пленных (среди них был направлявшийся в Шара-Сумэ председатель военно-полевого суда корпуса) уточнены силы противни-

[65] «Красная конница», 1935, № 2, стр. 55.

ка в Бурчуме. Оставив на переправе и по дороге на Шара-Сумэ заслон из части 77-го полка (другая часть его с конной батареей оставалась в районе г. Акчий), К. И. Новик с 73-м и 74-м полками устремился к г. Бурчум. К полудню они вышли на ближайшие подступы к городу и заняли песчаные холмы, окаймляющие его с севера. Явственно слышалась ружейная и пулеметная перестрелка группы Самокрутова с противником. А по дороге, ведущей из города, показались обозы. Было очевидно, что противник не подозревал о движении группы К. И. Новика. Двигавшийся в авангарде 74-й полк развертывается в боевой порядок, имея у себя на правом фланге р. Бурчум, 73-й полк, прикрываясь холмами, развертывается влево. В 12 часов дня в 5—7 км от города 74-й полк столкнулся со сторожевым охранением противника и опрокинул его.

В создавшейся обстановке генерал Степанов бросает основные силы «народной дивизии» Токарева против группы К. И. Новика, пытаясь сдержать ее натиск. Мощная лавина токаревцев устремляется на стык 73-го и 74-го полков. Находившаяся здесь в укрытии пулеметная команда 73-го кавполка (4 пулемета) во главе с опытным командиром пулеметчиков Л. Ф. Гибашиком, подпустив противника на близкое расстояние, открывает шквальный огонь. Атака отбита. Токаревцы бросаются назад к городу, оставляя за собой много убитых и раненых. Вслед за ними поэскадронно устремляется 74-й кавполк под командой Гончарова. Стремительной атакой взят Бурчум. Белые пытаются уйти вверх по узкой кромке реки Черный Иртыш, но тщетно. К. И. Новик своевременно выбрасывает левый фланг 73-го полка к Черному Иртышу и тем самым захлопывает ловушку. Еще одна попытка — на сей раз переправиться на левый берег Черного Иртыша — отражена ураганным огнем 75-го полка. И вот уцелевшие группы белых, утратив всякий строй и управление мечутся в мощном, все сжимающемся стальном кольце 73-го и 74-го полков, тщетно, с отчаянием обреченных, надеясь еще найти выход. К 16 часам все было кончено. «Народная дивизия» Токарева перестала существовать. Большая часть ее перебита, многие утонули в реке. Деморализованные жалкие остатки группы Степанова небольшими группами по

прибрежным камышам и кустарникам, пользуясь наступившей темнотой, бежали вверх по Черному Иртышу к Шара-Сумэ[66].

Отряд М. В. Валиулина в составе дивизиона 74-го полка, наступавший от города Акчий в долину Чункур, выбил находившийся здесь заслон генерала Попова и с боями двигался на Таралак — Шара-Сумэ.

В бою под Бурчумом образцы беззаветного героизма показали командир 2-й бригады К. И. Новик, помощник командира 73-го кавполка Е. А. Могилевчик, комиссар 74-го кавполка С. Н. Старов, командиры взводов 73-го кавполка И. Н. Плешков, С. И. Сметанин, красноармейцы этого полка И. Батюков, Л. Курьянов и др., командир пулеметной команды Л. Ф. Гибашик[67].

После разгрома «народной дивизии» под Бурчумом части 13-й кавдивизии получили кратковременный отдых. Были подтянуты 1-я конная батарея, обозы, а также оставленные на переправе через реку Каба два эскадрона 77-го полка. Произведена перегруппировка сил для последующего продолжения операции. Двум эскадронам 77-го полка поставлена задача, оставаясь в Бурчуме, охранять переправу и выставить заставы по дорогам на Шара-Сумэ и Чункур. Прибывшая в Бурчум сводная рота 200-го пограничного батальона выдвигалась вверх по долине реки Бурчум и должна была выйти на Чункур. Командиру 74-го полка ставилась задача выйти в район урочища Таралак, соединиться там с отрядом Валиулина и развернуть наступление на Шара-Сумэ с запада и северо-запада. Остальные части экспедиционной группы (73-й полк, дивизион 75-го полка и 1-я конная батарея), объединенные под общим командованием К. И. Новика, в ночь на 4 сентября выступили по дороге Бурчум—Шара-Сумэ с целью ликвидации основных сил Бакича, сосредоточенных в старой китайской крепости[68].

Между тем Бакич, с запозданием узнав о разгроме своих заслонов в Бурчуме и в долине Колгатон-Чункур,

---

[66] «Красная конница», 1935, № 2, стр. 56, а также «Красная Армия Сибири». 1923, № 5—6, стр. 33—35.

[67] В. Клевцов. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича, «Военно-исторический журнал», 1971, № 1, стр. 84.

[68] «Красная Армия Сибири», 1923, № 5—6, стр. 36—37.

утром 4 сентября отдал приказ частям корпуса о переходе в контрнаступление в направлениях на Колгатон-Чункур (главные силы корпуса под командой генерала Шеметова) и на Бурчум (генерал Степанов с 1-й Оренбургской дивизией) с задачей разгромить части 13-й кавдивизии и выйти к советской границе. Начало контрнаступления намечалось на раннее утро 5 сентября. Приказ заканчивался напутствием: «Разъяснить всем, что от успеха операции зависит участь всего корпуса и что, только разбив ближайшего противника, мы сможем приступить к нашей главной работе — освобождению России от коммуны. Отступления быть не может. Только вперед»[69]. Однако этим воинственным заклинаниям не суждено было сбыться. Обстоятельства складывались так, что уже вечером того же дня Бакич отменяет этот приказ и принимает экстренные меры по обороне Шара-Сумэ.

Группа К. И. Новика, двигавшаяся от Бурчума на Шара-Сумэ, 5 сентября в двух ожесточенных схватках опрокинула боевые охранения противника и вышла к перевалу Камень-Тулта (в 8 км южнее города Шара-Сумэ). Бакич сосредоточил здесь главные силы корпуса, преграждая путь к старой китайской крепости.

Утром 6 сентября на перевале Камень-Тулта начался ожесточенный бой. Наступавший в авангарде 73-й полк был встречен ураганным пулеметным огнем, нанесшим большие потери полку. Затем четырьмя эшелонами в контратаку перешли несколько отборных сотен казаков. 73-й полк был опрокинут и стал поспешно отходить. Во время атаки был убит командир полка Максимов. Положение спасла атака конной сотни 75-го полка на правый фланг противника, поддержанная огнем пулеметной команды и конной батареи. В рядах противника началось замешательство, а затем он начал поспешный отход к Шара-Сумэ. В это время отряд М. В. Валиулина, подошедший к месту боя с запада, ударил по правому флангу корпуса Бакича. На плечах отходящего противника наши части вступили в Шара-Сумэ.

Противник потерял в этом бою до 200 человек убитыми и ранеными, около 2 тысяч человек было взято в плен, в том числе почти в полном составе Сызранская

[69] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 37.

дивизия Ждановского (до 1 тысячи человек), а также захачено большое количество снаряжения и вооружения, в том числе 8 орудий, много различного сырья (кожи, шерсти). Бросив обозы и лазареты с ранеными, Бакич с двумя Оренбургскими дивизиями и остатками Сызранской дивизии, пользуясь хорошими монгольскими лошадьми, бежал на восток к горным перевалам Монгольского Алтая[70].

В бою при Шара-Сумэ командиры и красноармейцы 13-й Сибирской кавдивизии проявили не мало примеров стойкости и беззаветного героизма. Так, командир пулемета 73-го полка В. А. Зверев в тот момент, когда полк стал было отходить под натиском казачьих сотен, остался на позиции и ураганным огнем косил ряды атакующих. Израсходовав патроны, он успел выбросить замок пулемета. Схватив героя, белогвардейцы подвергли его жестоким пыткам, но не добились интересующих их сведений. Зверев был освобожден по занятии нашими частями г. Шара-Сумэ. После завершения операции он был награжден орденом Красного Знамени[71].

Так закончился второй этап операций против белогвардейского корпуса Бакича. Итогом его было то, что провинция Синьцзян была очищена от белогвардейских банд и, таким образом, оказана помощь Урумчинскому правительству и китайскому народу, а также предотвращена возможность вторжения белогвардейцев на советскую территорию в Зайсанско-Семипалатинском направлении. Однако Бакичу удалось избежать полного разгрома. Численность его изрядно потрепанного корпуса была еще довольно значительной — до 4,5 тысячи человек вместе со штатскими.

Предполагавшаяся операция от Шара-Сумэ на Кобдо с целью окончательной ликвидации остатков белогвардейского корпуса в силу ряда неблагоприятных обстоятельств оказалась не осуществленной. Части 2-й бригады 13-й кавдивизии, продолжавшие преследование Бакича, оказались слишком далеко от советской границы, коммуникация их оказалась чрезвычайно растянутыми,

---

[70] «Красная Армия Сибири», 1923, № 5—6, стр. 37—38, а также ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 648, лл. 3—4, 16.

[71] «Красная конница», 1935, № 2, стр. 58.

что ставило под угрозу дело бесперебойного снабжения частей боеприпасами, продовольствием и фуражом. К тому же р. Черный Иртыш, по которому до сих пор доставлялись все грузы, сильно обмелела, что внесло дополнительные затруднения в снабжении войск. Продовольственные грузы и боеприпасы можно было подвозить водой лишь до Тополева Мыса (южное побережье о. Зайсан), а отсюда до Шара-Сумэ — гужевым транспортом. Это было делом нелегким, ибо путь лежал по пустынной местности при полном отсутствии в это время года подножного корма.

Конный состав 13-й кавдивизии был крайне утомлен предшествующим 800-километровым переходом от Зайсана—Бурана до Шара-Сумэ. Сказалось и то, что во время этого перехода скудные запасы фуража приходилось расходовать крайне экономно. В результате лошади были вконец истощены, и продолжение операции могло привести к потере конского состава, тем более, что на пути от Шара-Сумэ на Кобдо высились хребты Монгольского Алтая. Близилось время осенних дождей и холодов. В горах уже выпал снег, что сильно затрудняло проходы через перевалы.

Поэтому по очищении от белогвардейцев района к востоку от Шара-Сумэ до Монгольского Алтая отряд, выделенный для преследования Бакича, 28 сентября вернулся в Шара-Сумэ, а 6 октября все части экспедиционной группы 13-й кавалерийской дивизии были отведены на советскую территорию[72].

За операцию в Шарасумэском районе Реввоенсовет Республики приказом от 12 октября 1921 г. наградил орденами Красного Знамени начдива 13-й кавалерийской дивизии П. П. Собенникова, военкома дивизии Н. Ф. Евсеева, командира бригады К. И. Новика, помощника командира 73-го кавполка Е. А. Могилевчика, комиссара 74-го полка С. Н. Старова, начальника штаба войск Сибири Ф. М. Афанасьева, начальника оперативного отдела того же штаба Бежанова и других[73].

В связи с завершением операций по очищению провинции Синьцзян от белогвардейских банд РВС войск Сибири и губернатор Синьцзянской провинции обменя-

[72] «Красная Армия Сибири», 1923, № 5—6, стр. 39.
[73] ЦГАСА, ф. 16, оп. 1, д. 20, лл. 35—36, 38.

лись поздравительными посланиями. В телеграмме представителя китайской стороны с удовлетворением отмечалось значение этого факта для дальнейшего укрепления и расширения экономических связей провинции со своим северным соседом. «Теперь,— писал губернатор Синьцзяна, — когда военные дела окончены, будем твердо надеяться, что две соседние республики в тесных дружественных отношениях, рука об руку быстро пойдут к экономическому процветанию»[74].

Между тем Бакич по горным перевалам Монгольского Алтая вышел в район озера Толбо-Нур, собрал здесь воедино рассеявшиеся в ходе отступления части своего корпуса и произвел их переформирование, сведя бывшие дивизии сначала в полки, а затем в дивизионы. В результате то, что раньше именовалось корпусом, приобрело следующую структуру: 1-й и 2-й Оренбургские и Сызранский дивизионы, сформированные на базе бывших одноименных дивизий, конвойный и атаманский дивизионы[75].

Здесь 17 сентября Бакич соединился с белогвардейскими отрядами есаула Кайгородова, и бывшего атамана Енисейского казачьего войска Казанцева.

Кайгородов не выполнил поставленной Унгерном задачи развернуть летом 1921 г. наступление из района Кобдо на Горный Алтай. В Западной Монголии ширилось национально-освободительное движение трудящихся аратов. По просьбе Западно-Монгольского краевого народного правительства, сформированного в июне 1921 года, РВС войск Сибири летом 1921 г. направил по Чуйскому тракту в Западную Монголию на помощь красномонгольским отрядам 22-й особый отряд 5-й армии численностью в 130 человек под командой К. К. Байкалова (К. Некундэ)[76], а затем две роты 1-го батальона 185-го полка 21-й стр. дивизии во главе с комбатом. Г. П. Муликовым. Оба отряда соединились в один экспедиционный отряд под общим командованием К. К. Байкалова. Вскоре к нему присоединился небольшой монгольский отряд в 80 человек под командой Хас-

[74] «Советская Сибирь», 1921, 4 ноября.
[75] Новосибирский облгосархив, ф. 1146, оп. 1, д. 21, т. 1, л. 40.
[76] ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 838, лл. I, 6—7.

Батора — руководителя Западно-Монгольского краевого комитета народно-революционной партии. Они преградили путь Кайгородову на Горный Алтай. В августе к Кайгородову присоединился после неудачной попытки вторгнуться в Урянхай бывший атаман Енисейского казачьего войска Казанцев с отрядом в 350 человек.

После объединения Бакича с бандой Кайгородова-Казанцева общая численность белогвардейцев достигла 5 тысяч человек при 3 орудиях и 8 пулеметах. Они приняли решение закрепиться в этом районе Западной Монголии и превратить его в надежную базу для вторжения на территорию Советской России. Белогвардейцы считали необходимым прежде всего разгромить отряд Байкалова и задушить национально-освободительное движение аратов. В отряде Байкалова насчитывалось всего до 400 человек. Силы были неравными.

19 сентября объединенная банда в районе озера Толбо-Нур окружила отряд Байкалова у монастыря Сарыл-гун и вынудила укрыться за его стенами. Белогвардейцы начали осаду монастыря, затянувшуюся на 42 суток. Осажденные поклялись держаться до последнего, пока не придет помощь. В ночь на 21 сентября белогвардейцы предприняли попытку взять монастырь штурмом. Атаки велись одновременно со всех сторон при поддержке артиллерийского огня. Немногочисленный гарнизон мужественно защищался от наседавшей лавины белогвардейцев. Потеряв до 300 человек убитыми и ранеными и убедившись в безуспешности штурма, Бакич направил Байкалову предложение сложить оружие. Гарнизону была обещана неприкосновенность, но оружие и боеприпасы должны были быть в полной сохранности сданы осаждающим.

В ответ на это предложение Бакич получил послание за подписью командира 1-го батальона 185-го полка Г. П. Муликова. Муликов высмеивал бывшего колчаковского приспешника: «оружие, господин генерал, берется с бою, а вы, наверное, разучились, или не научились воевать с красными войсками». Письмо заканчивалось призывом к благоразумию Бакича и его приспешников: «Если вам жизнь не дорога, то пожалейте жизни обманутых вами людей и семей, дайте им возможность

перейти к нам и жить спокойно в Республике Рабочих и Крестьян»[77].

21 сентября на совещании главарей объединенной банды было решено продолжить атаки осажденного в монастыре отряда Байкалова. Эту задачу брал на себя Бакич с остатками своего корпуса, Кайгородов же со своими тремя сотнями и сборной сотней из корпуса Бакича общей численностью до 500 человек должен был направиться на Горный Алтай и развернуть там широкий фронт борьбы против Советской власти[78]. Кайгородов двинулся к Кош-Агачу и в первых числах октября появился на Чуйском тракте. С его приходом на Горный Алтай бандитизм и разрозненные кулацко-байские мятежи слились здесь в широкий мутный поток мелко-буржуазной и националистической контрреволюции.

Предпринимая поход на Горный Алтай, Кайгородов возлагал большие надежды на корпус генерала Бакича. Предполагалось, что последний сломит сопротивление немногочисленного гарнизона монастыря Сарыл-гун, обеспечит прочный тыл в северо-западной Монголии и начнет наступление на Горный Алтай.

Однако вторжение Бакича на Горный Алтай не состоялось. Вопреки расчетам незадачливых колчаковских последышей, осада монастыря Сарыл-гун затянулась. Неоднократные попытки белогвардейцев взять монастырь штурмом наталкивались на героическое сопротивление осажденных. В отряде Байкалова иссякали запасы продовольствия, отсутствовали медикаменты, приходилось беречь каждый патрон. Наступили холода, а теплой одежды не было. Однако все это не сломило духа красных бойцов. Командир сводного отряда К. Байкалов, комиссар отряда С. Широкий-Полянский, комбат 185-го полка Г. П. Муликов, командиры и политруки рот, в числе последних особого упоминания заслуживают командир роты Коротких и политрук Неумоин, воины-монголы Доржи Дамба, Цыренов, Нацев личным примером революционной доблести вдохновляли красноармейцев и монгольских цириков на самоотверженную борьбу с белогвардейцами, заражали мужеством и неустрашимой храбростью. В одной из рукопашных схваток Герман

[77] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 223, л. 24.
[78] Там же.

Петрович Муликов разметал окружившую его группу белогвардейцев и, когда из его рук было выбито оружие, бросился на наседавшего на него белогвардейского капитана и задушил его[79].

Отражение каждой очередной атаки десятикратно превосходящего по численности врага сопровождалось все новыми и новыми жертвами. Ряды осажденных неумолимо редели. Пал смертью героя командир монгольского отряда отважный патриот Хас-Батор. Смерть командира еще теснее сплотила горстку монгольских патриотов с братьями по оружию — русскими красноармейцами. Они поклялись стоять насмерть, но не поддаваться на увещевания белогвардейцев сложить оружие.

Мужественное сопротивление осажденных героев постепенно охлаждало воинственный пыл белогвардейцев, усиливало разложение в их рядах. На 25 октября Бакичем была назначена очередная атака монастыря, но она не состоялась, так как за несколько часов до ее начала снялся с позиций 1-й Оренбургский дивизион в составе до 500 человек и вместе с начальником штаба Кайгородова полковником Сокольницким ушел в направлении Кобдо, а затем в глубь Китая. Там все они сдались под покровительство китайских властей. Ушли из корпуса отдельные мелкие группы с намерением выйти в Россию через Горный Алтай.

Еще 17 октября народное правительство Монголии вновь обратилось к Советскому правительству с предложением об усилении помощи и совместных действиях против белогвардейцев в Западной Монголии[80]. Монгольское правительство направило на помощь осажденным отряд Хатан Батор Максаржава. С Горного Алтая, со стороны Кош-Агача, в район Толбо-Нур были брошены остальные части 185-го полка, эскадрон 59-го кавполка и отряд Бруснецова (эскадрон 1-го Семипалатинского кавполка ЧОН) под общим командованием командира 185-го полка Д. С. Фролова (комиссар Е. Н. Исаков)[81]. Выйдя в район озера Толбо-Нур, они смяли

---

[79] «Красный Алтай» (Орган Алтайского губкома РКП(б) и губисполкома), 1922, 27 июля.

[80] Документы внешней политики СССР, т. 4, М., 1960, стр. 448.

[81] ЦГАСА, ф. 1293, оп. 2, д. 400, л. 646, а также ф. 58, оп. 1, д. 374, л. 53.

2-й Оренбургский дивизион, выставленный Бакичем в качестве заслона, и 29 октября обрушились на главные силы белогвардейцев, продолжавших осаду монастыря. В результате ожесточенного боя Бакич понес большие потери и начал поспешный отход, превратившийся затем в бегство в общем направлении на Уланком. От корпуса осталось до 3000 солдат и офицеров вместе с семьями. Отряд Максаржава в пути к монастырю получил сообщение о разгроме белогвардейцев частями Красной Армии и приостановил свой марш[82].

За героизм, проявленный в борьбе с белогвардейцами в Западной Монголии К. К. Байкалов, Г. П. Муликов, Бруснецов и другие были награждены орденами Красного Знамени.

Операции Красной Армии в Западной Монголии летом и осенью 1921 года — одна из многочисленных страниц боевого содружества советского и монгольского народов. В 1958 году трудящимися Баян-Улгийского аймака был воздвигнут памятник монгольским и советским воинам, погибшим в боях с белогвардейцами в районе Толбо-Нур в 1921 году[83].

Еще накануне разгрома белогвардейцев в районе Толбо-Нур, т. е. 28 октября помглавком по Сибири В. И. Шорин приказал начдиву 21-й Пермской дивизии Г. И. Овчинникову выделить из состава Горно-Алтайской группы войск часть сил и направить в Монголию на соединение с 185-м полком с задачей «точно определить местонахождение Бакича и решительными действиями уничтожить банду» и обеспечить «захват Бакича в плен живым или мертвым». Этим же приказом командующему 5-й армией И. П. Уборевичу предписывалось на случай возможного отхода банд Бакича в северном и северо-восточном направлении выделить часть войск для прикрытия Урянхайского края и Минусинского направления и обеспечить разведку в направлении Уланкома[84].

---

[82] Х. Чойбалсан. Хатан Батор Максаржав. Воениздат. М., 1965, стр. 49. Следует отметить, что автором названной книги, а также в примечаниях редактора в освещении этих событий допущены существенные неточности хронологического и фактического порядка.

[83] Х. Чойбалсан. Хатан Батор Максаржав, стр. 49.

[84] ЦГАСА ф. 16, оп. 1, д. 17, л. 92.

Этот приказ В. И. Шорина вызвал возражения со стороны члена РВС войск Сибири А. Д. Давыдова, который был против выделения сил из состава Горно-Алтайской группы войск для посылки против Бакича. 29 октября 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б), заслушав заявление Давыдова о его разногласиях с помглавкомом, постановило: «Предложить т. Чуцкаеву по приезде т. Лашевича созвать РВССиб для выяснения этого вопроса»[85].

Автору этих строк не удалось установить, состоялось ли обсуждение этого вопроса в РВС войск Сибири по приезде Лашевича. Но на помощь 185-му полку, действительно, не было направлено подкреплений, и Бакичу удалось оторваться от преследования и уйти в северо-восточном направлении. Вместе с отрядом Казанцева (200 чел.) он двинулся в Туву (Урянхайский край).

В Туве в 1921 г. победила национально-освободительная революция. В августе 1921 г. Всетувинский Учредительный хурал провозгласил образование независимой Тувинской народной республики (ТНР). В статье 8-й конституции, принятой Учредительным хуралом, говорилось: «Республика Танну-Тува ведет в союзе с Советской Россией решительную борьбу с белыми бандами и со всеми империалистами, стремящимися превратить территорию Танну-Тувы в колонию иностранного капитала»[86].

Предпринимая поход в Туву, Бакич и Казанцев намеревались разгромить там отряды местных партизан, и, опираясь на поддержку местных феодалов, собрать остатки скрывавшихся белобандитских шаек, вторгнуться на территорию Советской Сибири в Минусинском направлении и открыть новый фронт борьбы против Советской власти.

Банда, общая численность которой достигала 3000 человек, в конце ноября вторглась на территорию Тувинской Народной Республики. Оставив в верховьях р. Элегест обоз и половину своего отряда, Бакич с другой частью отряда в 1500 человек двинулся вниз по р. Элегест.

---

[85] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 907, л. 71.

[86] К истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в Туве, Кызыл, 1956, стр. 111.

С получением первых сообщений о появлении Бакича на территории края партизанские отряды по распоряжению штаба были приведены в боевую готовность[87].

«Под ружье,— пишет в своих воспоминаниях герой партизанского движения в Туве С. К. Кочетов,— встали даже седые старики, из которых была образована так называемая «серебряная рота» (в Атамановке.—**М. Б.**). В мастерской набивали патроны, готовили ручные гранаты. Настроение у всех было решительное, боевое. «Будь что будет, но живыми не сдадимся. Будем драться до последнего патрона и последнего бойца, а победим!» — так говорили партизаны друг другу, и это были не простые слова, а нерушимая партизанская клятва на верность тому большому народному делу, ради которого они сменили плуг и косу на ружье и саблю, ради которого они не раз проливали кровь и навсегда теряли своих лучших боевых товарищей»[88].

В состояние боевой готовности были приведены и незначительные по численности красноармейские части, находившиеся в Туве по просьбе местного правительства[89].

Была организована тщательная разведка. Группе тувинцев — Самбу, Янго, Аскырову, Тутатчикову — под видом лам удалось побывать в стане противника и добыть ценные сведения о вооружении, настроении солдат и т. д. В частности, они сообщили, что Бакич намеревается наступать или на Элегест или на Атамановку.

В Атамановке находился штаб партизанских отрядов, рота конных партизан, рота красноармейцев под командой Сентюрина (6-я рота 231-го полка), да «серебряная рота» из местных стариков. В Элегесте стояли три партизанских роты и эскадрон под командой С. К. Кочетова и красноармейская рота (командир Карпов). На подкрепление гарнизона Атамановки был переброшен эскадрон и несколько станковых пулеметов. Ос-

---

[87] Красноярский крайпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 120, л. 191.

[88] За свободу народа. Сборник воспоминаний красных партизан Тувы, Кызыл, 1957, стр. 27.

[89] Речь идет о батальоне 231-го полка 26-й стр. дивизии и бывшем 440 полке.

тальные партизанские отряды располагались по другим населенным пунктам этого района[90].

Заняв заимку Огнево, Бакич 6 и 7 декабря частью своего отряда предпринимает отвлекающий удар на Элегест, в то время как главные его силы направляются в обход на Атамановку. Рано утром 8 декабря Бакич густыми цепями начал наступление на Атамановку. Защитники села, подпустив цепи противника на близкое расстояние, открыли по ним ураганный ружейный и пулеметный огонь. Начался ожесточенный бой. Бок о бок с партизанами и красноармейцами сражались старики и подростки села. Женщины подносили боеприпасы и перевязывали раненых. Понеся большие потери, белогвардейцы отступили и спешно перегруппировав свои силы, возобновили наступление. Бой разгорелся с новой силой. В самый разгар его со стороны Элегеста подошел с тремя конными ротами партизан С. К. Кочетов и стремительно ударил с тыла по белогвардейцам, атаковавшим Атамановку. С. К. Кочетов вовремя разгадал замысел Бакича сковать его силы в Элегесте и не ввязался в бой с отрядом белых, демонстрировавших наступление под Элегестом. Помощь С. К. Кочетова защитникам Атамановки была своевременной. Белогвардейцы, потеряв до 200 человек убитыми и ранеными и до 300 человек пленными и, оставив на поле боя много оружия и лошадей, бежали на север, к устью р. Элегест, затем на Баян-Кол, а отсюда на юг, к верховьям р. Элегест, где был оставлен обоз с сильной охраной под командой генерала Шеметова. В бою под Атамановкой были убиты атаман Казанцев и атаман Урянхайских казачьих войск Сергеев[91].

В погоню за Бакичем были брошены красноармейские отряды и отряды партизан С. К. Кочетова. 12 декабря в устье р. Кендерга (приток р. Элегест) отряд С. К. Кочетова захватил обоз Бакича с многочисленными трофеями, в том числе пять вьюков мелкого серебра, взял в плен 1500 человек солдат и офицеров и 500 чело-

---

[90] За свободу народа, стр. 27—28, а также Иркутский облпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 789, л. 160.

[91] Иркутский облпартархив, ф. 1, оп. 1, д. 789, л. 160, а также Красноярский крайпартархив, ф. 64, оп. 24, д. 40, лл. 1—4.

век беженцев[92]. Среди них была и молодая жена генерала Бакича, купленная им за большие деньги в Чугучаке. Бакич подошел к месту стоянки обоза на сутки позднее и, узнав от разведчиков о случившемся, с остатками своего корпуса (до 700 человек) спешно двинулся к ущелью Карасуг, намереваясь уйти за хребет Западный Танну-Ола. Партизаны С. К. Кочетова не успели опередить Бакича и закрыть вход в ущелье. Бакич, первым оказавшись в ущелье, поспешно уходил на юг, к монгольской границе. Преследуя белогвардейцев, партизаны вынуждены были за каждым камнем, за каждым выступом скалы сбивать засады смертников. Пройдя 15 километров, С. К. Кочетов повернул свой отряд обратно[93]. В Уланком был направлен гонец, чтобы известить части Монгольской народно-революционной армии о разгроме Бакича под Атамановкой и бегстве его остатков в Монголию. Гонцу удалось опередить Бакича и известить революционные монгольские власти о движении его к Уланкому.

В Уланкоме в это время находилось соединение Монгольской народно-революционной армии в 3 тысячи человек под командой национального героя Хатан Батор Максаржава. Стало известно, что Бакич с личной охраной в 70 человек двигается на 60—80 километров впереди своих главных сил, которыми командовал генерал Степанов.

Сотрудник Бийского политбюро (уездный орган ВЧК.—**М. Б.**) Плеханов—непосредственный участник завершающей операции по ликвидации остатков белогвардейского корпуса Бакича — в своих воспоминаниях, хранящихся в Алтайском краевом партийном архиве, пишет, что 15 декабря навстречу Бакичу был направлен отряд в 60 человек. На одном из участков путь к Уланкому лежал через глубокое ущелье. Достигнув его, монгольский отряд, разбившись на две группы, устроил с обоих концов ущелья засады. Когда Бакич со своей охраной вошел в ущелье, монгольские цирики с фронта и с тыла открыли по нему шквальный огонь. Видя безвыходность положения, банда сложила оружие. Ба-

[92] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 85, л. 317.

[93] За свободу народа. Сборник воспоминаний красных партизан Тувы, Кызыл, 1957, стр. 30.

кич и его охрана, конвоируемые отрядом цириков, были доставлены в Уланком.

К Степанову, который с остатками корпуса двигался сзади и не подозревал о случившемся, было направлено предложение сложить оружие. На другой день утром посланцы вернулись и сообщили, что Степанов согласен на предложение. Все же были приняты необходимые меры предосторожности — за крепостью километрах в трех от города скрытно сосредоточены две роты цириков, части, находившиеся в городе, приведены в боевую готовность. Плеханов в сопровождении двух монгольских князей выехал навстречу колонне Степанова. Меры предосторожности оказались излишними. Степанов отдал команду сложить оружие. Оружие грузили на подводы и увозили в крепость. Пленные были отправлены в Кош-Агач[94].

Бакич и его свита в 20 человек генералов и высших офицеров из Уланкома 15 января 1922 года были доставлены в Ургу. 20 января штаб Монгольской народно-революционной армии передал их представителю РСФСР Охтину. Генерал и его свита были отправлены в Иркутск, а оттуда в Новониколаевск. В мае 1922 года Бакич и его ближайшие сподвижники предстали перед судом военного трибунала и по его приговору расстреляны[95].

Так закончилась операция частей Красной Армии против белогвардейцев корпуса Бакича. С разгромом белогвардейских банд в Синьцзяне и Западной Монголии была ликвидирована крупная закордонная база контрреволюционных авантюр и провокаций в пограничных районах южной Сибири. Это не в малой степени способствовало улучшению политического положения в Сибири. Силы внутренней контрреволюции здесь потеряли в лице разгромленных на территории Синьцзяна и Западной Монголии белогвардейских банд надежного союзника в борьбе против Советской власти.

В апреле 1922 года частями Красной Армии и ЧОН было разгромлено также основное ядро мелкобуржуазной и националистической контрреволюции на Горном Ал-

[94] Алтайский крайпартархив, ф. 1061, оп. 1, д. 522, лл. 21—24.
[95] «Советская Сибирь», 1922, 30 мая.

тае — банда Кайгородова, главарь банды погиб. Летом и осенью 1922 г. шла ликвидация оставшихся банд. В ноябре 1922 г. с политическим бандитизмом на Горном Алтае было покончено. Вскоре политический бандитизм был ликвидирован и в других районах Сибири.

Потерпела полный провал ставка иностранного империализма взорвать Советскую власть изнутри силами внутренней контрреволюции при активном участии русских белогвардейских формирований на территории соседних государств. В ходе борьбы с остатками контрреволюционных сил креп и закалялся союз рабочего класса и крестьянства, представляющий собой жизненную основу Советской власти.

А. Ф. ЛЕКСИН

О ФУНКЦИЯХ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЫТА

Характеризуя социалистический быт, некоторые авторы считают, что основной функцией его является удовлетворение материальных и духовных потребностей человека. «Быт, — пишут авторы учебника «Основы научного коммунизма», — это уклад повседневной внепроизводственной жизни людей, основной социальной функцией которого является удовлетворение материальных и духовных потребностей человека»[1].

В марксистско-ленинском понимании материальные богатства создаются для удовлетворения разумных потребностей людей и являются необходимой предпосылкой развития человеческих способностей и расцвета личности. Ленинская оценка функций социалистического быта исключает возможность иждивенческого, чисто потребительского взгляда на быт.

В. И. Ленин особое внимание обращал на значение социалистического быта в повышении производительности труда и всестороннем развитии личности. Так, в 1918 году он говорил, что в настоящее время самое

---

[1] Основы научного коммунизма. М., Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968, стр. 395.

главное, в какой коммуне больше всего сделали для повышения производительности труда, для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей, для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей[2]. Он неоднократно указывал на то, что восстановление производства зависит от обеспечения рабочих жильем, хлебом, мясом, одеждой. Как видим, для В. И. Ленина быт — это не только форма и способ удовлетворения материальных и духовных потребностей, но и одно из важных средств борьбы за восстановление производства и повышение производительности труда. Между бытом и производством Владимир Ильич видит диалектическую взаимосвязь и взаимозависимость.

Такую же взаимосвязь и взаимозависимость он устанавливает между бытом и всесторонним развитием личности. В работе «Великий почин» Ленин писал, что, несмотря на все освободительные законы, изданные Советской властью, в силу сложившихся в России (как и во всем мире) условий, женщина продолжает оставаться домашней рабыней, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство. Владимир Ильич подчеркивал, что настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, вернее массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство[3]. В решении этой задачи, задачи освобождения женщины и всестороннего развития ее личности, Владимир Ильич первостепенное место отводит общественному быту. «Общественные столовые, ясли, детские сады,—пишет он,—на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и общественной жизни»[4].

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 204.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 24.
[4] Там же.

Расчеты советского исследователя Б. А. Грушина показывают, что благодаря развитию предприятий и учреждений бытового обслуживания, затраты времени на домашние нужды сократились за последние 30—40 лет примерно на 20 процентов. Однако предприятия и учреждения бытового обслуживания пока что берут на себя не более десятой части домашней работы и потому до сих пор основным звеном организации быта и удовлетворения потребностей населения нашей страны продолжает оставаться домашнее хозяйство. На домашний труд и обслуживание в настоящее время ежегодно затрачивается примерно 100 млрд. человеко-часов, что несколько превышает затраты рабочего времени в промышленности, строительстве и на транспорте, вместе взятых. Такое положение безусловно отрицательно сказывается на производительности труда, физическом и нравственном совершенствовании тружеников социалистического общества.

Все это говорит о том, что социалистический быт, особенно проблема организации общественного быта и обслуживания населения, приобрели ныне огромное экономическое, социальное и политическое значение. Социальный смысл и значение функций социалистического быта состоят в том, чтобы духовно, нравственно и физически совершенствовать личность; повышать производительность труда; удовлетворять разумные материальные и духовные потребности человека на основе достигнутого уровня развития производственных сил; помогать человеку в воспитании детей, в уходе за престарелыми.

Функции социалистического быта тесно переплетаются с функциями социалистического способа производства и его надстройки. И это естественно, так как социалистический способ производства и его надстройка не только формируют социалистический быт, но и возлагают на него исторически-необходимые задачи.

Функции социалистического быта определяются его сущностью, законами его становления и функционирования. В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что функционирование различных элементов в общественной структуре, взаимодействие их функций подчиняются определенным законам, что каждая система производственных отношений является особым социальным орга-

низмом, имеющим особые законы зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм[5].

В буржуазном обществе быт складывается на основе частной собственности. Он не имеет общенародного значения, ему присущ антагонизм: с одной стороны, быт эксплуататоров, с другой — быт эксплуатируемых. Антагонизм, резкая классовая контрастность-закономерность быта антагонистических формаций. Единство и отсутствие антагонистических противоречий — закономерность социалистического быта. В процессе социалистического строительства быт постепенно утрачивает резкую классовую и национальную окраску, все больше и больше приобретает общенародную форму и значение.

Из единства социалистического быта и отсутствия в нем антагонистических противоречий вытекает вторая закономерность его развития — равная заинтересованность всех социальных групп общества в его совершенствовании. Интересы личности, семьи, классов, наций, короче, интересы всего нашего народа при создании общественных форм быта в основном совпадают. Цель социалистического государства — создать такие бытовые условия жизни людей, которые бы в лучшей степени содействовали человеку в его трудовой деятельности и нравственном совершествовании, что отражает коренные интересы в быту всех социальных групп нашего общества.

В эксплуататорском обществе интересы личности, классов и государства в быту не совпадают. Быт трудящихся там никто не организует. Он складывается стихийно на принципах индивидуализма, изолированности личной жизни от общественной.

Строительство социализма и коммунизма — это сознательный и планомерный процесс. Эта закономерность полностью проявляет себя и при формировании социалистического быта. Известно, что материальной основой формирования быта является социалистический способ производства. Партия понимала, что лишь на основе индустриализации, кооперирования сельского хозяйства и культурной революции можно изменить весь уклад жизни советских людей, сформировать социалистиче-

[5] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 165, 429.

ский быт и создать необходимые предпосылки для превращения его в быт коммунистический. Партия и правительство последовательно и планомерно решали эти задачи. В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (16 мая 1930 года) говорилось, что до сих пор на пути перестройки быта стояли крупные преграды. Они, с одной стороны, коренились в экономической и культурной отсталости страны, а с другой, в необходимости максимально сосредоточить все ресурсы на «быстрейшей индустриализации страны, которая только и создает действительно материальные предпосылки для коренной перестройки быта»[6].

С построением основ социализма были созданы основы социалистического быта. С полной и окончательной победой социализма в нашей стране сформировался социалистический быт. Однако, в силу ряда причин, преобразование культурно-бытовых условий на селе шло несколько медленнее, чем в городе. Учитывая это, ЦК КПСС и Совет Министров приняли в 1968 году постановление, в котором «определены, — как говорил Л. И. Брежнев, — главные направления постепенного преобразования сельских населенных пунктов в благоустроенные поселки с хорошими жилищными и культурно-бытовыми условиями»[7].

В условиях социализма закономерно также и то, что в совершенствовании социалистического быта субъективный фактор является инициативно действующим и направляющим. Особая роль в этом принадлежит Коммунистической партии и Советскому государству. Коренные изменения в быту советских людей осуществлены по инициативе нашей партии и государства на основе ленинских идей.

В. И. Ленину принадлежит заслуга в раскрытии закономерности взаимосвязи личного, семейного и общественного быта, как взаимосвязи общего, особенного и единичного. Практическое значение этой закономерности состоит в том, что при решении частных, семейных вопросов быта, нельзя забывать общенародные бы-

---

[6] «Партийное строительство», 1930, № 11—12, стр. 86.

[7] Л. И. Брежнев. О ходе выполнений решений XXIII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. М., Политиздат, 1968, стр. 38.

товые проблемы, иначе мы все время будем наталкиваться на нерешенные общие вопросы. Поэтому как одну из важных задач в формировании социалистического быта В. И. Ленин выдвигал задачу превращения службы быта в индустриально-развитую отрасль народного хозяйства. Лишь на основе общественных форм быта можно перестроить коренным образом личный и семейный быт.

Личный, семейный быт играл весьма важную, даже первостепенную роль на первом этапе социалистического строительства, когда еще не были созданы основы социализма, когда общественные формы быта находились в стадии своего становления. По мере успехов в строительстве социализма и коммунизма роль семейного быта в общественном развитии сужается, функция общественного быта увеличивается, что и определяет опережающие темпы развития тех сторон бытовой жизнедеятельности людей, функциональное назначение которых состоит в содействии всестороннему и гармоническому развитию личности.

Опережающие темпы развития общественных форм быта становятся закономерностью и необходимым условием преобразования семейного быта. Несмотря на то, что функционирование этой закономерности наметилось пока что в форме тенденции, однако уже становится очевидно, что социалистический быт, как и социалистический труд и общественная деятельность людей, все больше и больше превращается в средство раскрытия творческой сущности человека. Под социалистическим бытом уже нельзя понимать только личную жизнь человека, уклад домашней жизни людей. Если в условиях капиталистического общества труд и быт противоположны, то в условиях социализма связь быта с производством и многими сторонами жизни общества становится практически неразрывной. Социалистический быт — это не частное дело человека. Он имеет общественное содержание.

Формируя быт, государство берет на себя такие функции, как бытовое и жилищно-коммунальное обслуживание, организация торговли и общественного питания, общественное воспитание детей, услуги транспорта и связи, культурное обслуживание. Оно заботится о просвещении и здоровье трудящихся, борется с устарев-

шими обрядами, традициями и нравами. И все это делается для того, чтобы быт граждан страны социализма был материально и духовно богатым и содействовал человеку в общественно-полезной деятельности. Программа партии ставит задачу постепенного удовлетворения нужд семьи через общественные формы быта. «С этой целью, — указывается в ней, — широкое распространение в домашнем хозяйстве получат усовершенствованные домашние бытовые машины, приспособления, электроприборы, полностью будут удовлетворены в ближайшие годы нужды населения в предприятиях бытового обслуживания»[8].

Грандиозную программу социально-экономического развития советского общества разработал XXIV съезд КПСС. Девятый пятилетний план предусмотривает значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа, подъем уровня работы торговой сети, жилищно-коммунального хозяйства, службы быта, совершенствование всех звеньев народного хозяйства, непосредственно имеющих дело с жизнью людей, их разнообразными запросами и потребностями.

---

[8] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1964, стр. 97.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Г. Левинтов. Проблема революционной ситуации и революционного кризиса в работах В. И. Ленина 1905—1907 гг. 3

Д. В. Гаврилов. Некоторые вопросы аграрной истории горнозаводского Урала периода капитализма в свете трудов В. И. Ленина 24

Р. А. Таубин. Из истории революционного кружка Н. А. Добролюбова—И. И. Паржницкого (1854—1857 гг.) . . 51

Д. В. Гаврилов. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX—начале XX вв. (1861—1904 гг.) . . 80

Е. И. Лягушев. Превые шаги в развитии социалистических форм в сельском хозяйстве Самарской и Симбирской губернии (1918—1922 гг.) 121

М. А. Богданов. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году 134

А. Ф. Лексин. О функциях и функционировании социалистического быта 179

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ, Т. XXIV, В. 4
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СССР

Отв. ред. **Дмитрий Васильевич Гаврилов**
Технический редактор **Лаврентьева Ю. В.**
Корректоры **Каравашкина М. Ф., Пенская Н. В.**
ЗМ 02130. Сдано в набор 21/VI 1971 г. Подписано к печати 10/III 1972 г. Формат бумаги 60×84$^{1}/_{16}$.
Объем 11$^{3}/_{4}$ печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 6352. Цена 75 коп.

Типография областного управления по печати
Ульяновск, ул. Ленина, 114.

Ульяновский государственный педагогический институт имени И. Н. Ульянова.

имеет в продаже книги:

I. Р. А. Таубин. **В. И. Ленин об идеологии и идеологах предшественников революционной социал-демократии в России.** Ульяновск, 1968. 134 с. Цена 61 коп.

II. **Ученые записки, том XXV, вып. 1. Серия философии.** Ульяновск, 1971. 227 с. Цена 96 коп.

Содержание

Я. С. Винокуров. Природная среда и становление процесса труда как главного фактора формирования человека и общества.

И. З. Деркачев. Из истории русской философии XVIII века.

Ф. А. Сим., М. И. Сушенцев. В. И. Ленин о логико-гносеологической природе категорий диалектики.

Г. Ф. Миронов. Соотношение законов сохранения свойств и структуры объектов.

А. Н. Никонов. Диалектика элементарности и сложности в микромире.

И. В. Соснина. Ленинские принципы атеистического воспитания.

А. Ф. Лексин. Некоторые проблемы социалистического быта.

В. И. Белозерцев. К вопросу о соотношении технического и научного творчества.

Г. П. Капканщиков. Сущность материальных интересов при социализме и их сочетание.

В. И. Ртищев. Немецкий экзистенциализм и попытки возрождения позитивной апологии капитализма.

Заказы присылать по адресу: г. Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 2. Педагогический институт. Научная часть.

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
140	14 снизу	торгово-экномиче-ских	торгово-экономиче-ских
»	5 »	Россий	Россией
163	4 сверху	двинулись	двинулась
173	19—20 сверху	войнам	воинам
186	7 снизу	Превые шаги	Первые шаги
»	5—6 »	губернии	губерний

75 коп.